

К 100-летию
Кавказского университета

К 70-летию
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ
(1912–2012)

Серия
«Материалы по истории
Московской
психологической школы»

*Под общей редакцией
В.В. Рубцова*

Серия основана в 2006 г.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

НАУЧНЫЙ АРХИВ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Психологический институт
в Москве:
российский центр
психологической науки,
культуры и образования

*Документальная летопись
К 100-летию со дня основания*

2-е издание,
исправленное и дополненное

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2013

УДК 159.9(091)
ББК 88.1
П 86

Редакционная коллегия:

действительный член РАО, доктор психологических наук
В.В. Рубцов (председатель)
действительный член РАО, доктор психологических наук *С.Б. Малых*
доктор психологических наук *М.К. Кабардов*
кандидат психологических наук *Е.П. Гусева*
кандидат психологических наук *О.Е. Серова*

Авторы концепции и адаптированного текста книги,
ответственные редакторы издания:
О.Е. Серова, Е.П. Гусева, В.И. Козлов

П 86 Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования. Документальная летопись к 100-летию со дня основания. –М. ; СПб. : Нестор-История, 2013. — XXX с., ил.

ISBN 978-5-905987-02-1

Книга представляет документальную летопись научной жизни Психологического института за 100 лет. В ней использованы ранее не известные или не публиковавшиеся исторические документы и архивные фотоматериалы, а также данные об актуальных исследованиях и направлениях работы лабораторий Института; книга содержит научную реконструкцию исторического содержания в свете новых информационных источников и современных подходов историко-психологической науки.

УДК 159.9(091)
ББК 88.1

ISBN 978-5-905987-02-1

© О.Е. Серова, Е.П. Гусева, В.И. Козлов, авт. ред., 2013
© Научный архив ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2013
© Издательство «Нестор-История», оформление, 2013

*Сотрудникам
Психологического института
нынешним и бывшим
и светлой памяти его создателя
Георгия Ивановича Челпанова
посвящается*

ОТ АВТОРОВ

Психологическому институту в Москве исполнилось 100 лет! Институт пережил две войны, революционный переворот, разруху, голод, лихолетья идеологического диктата и гонений, бесчисленное количество перестроек, сумев преумножить интеллектуальные достижения и сохранить нравственные идеалы отечественной психологической мысли.

В год юбилейных торжеств, посвященных 100-летию Психологического института, научное сообщество отдает долг памяти и уважения самоотверженному труду всех его сотрудников, низко склоняет головы перед подвигом тех, кто погиб, защищая Родину и отечественную науку.

Научная традиция, которая была заложена Г.И. Челпановым и его учениками в стенах Психологического института им. Л.Г. Щукиной в начале XX столетия, составляет начало и фундамент инновационных исследовательских программ современной психологии.

На страницах книги «Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования. К 100-летию со дня основания» последовательно раскрывается история научной жизни Института, зафиксированная в отчетах и планах, стенограммах конференций и съездов, текстах неопубликованных рукописей и выступлений в дискуссиях, запечатленная в фотографиях из архивных альбомов, — вековая документальная летопись его трудов и свершений.

Юбилейное издание книги подготовлено сотрудниками группы истории отечественной психологии «Научный архив» ФГНУ «Психологич. ин-т» Российской академии образования в русле традиции достоверного бытописания, заложенной в первом историческом очерке «Психологический институт на Моховой» (1994). Его текст был подвергнут существенной редакции с учетом использования и введения сотрудниками группы в школу современной науки ранее не известных или не публиковавшихся исторических документов и архивных фотоматериалов*, а также данных об актуальных исследованиях и направлениях работы

* Альманах научного архива Психологического института: Челпановские чтения 2006/2007/2008/2009/2010/2011/2012/. Сост. отв. ред. Гусева Е.П., Серова О.Е.; подг. арх. материалов Козлов В.И. М., 2007–2012. Вып. 1–6.

лабораторий Института. Новый труд сотрудников группы «Научный архив» представляет собой научную реконструкцию исторического содержания в свете новых информационных источников и современных подходов историко-психологической науки.

100-летний юбилей — радостная и далеко не последняя веха на творческом пути Психологического института, ведь нравственный потенциал психологических идей челпановской научной школы сегодня выступает надежным основанием для повышения профессиональной компетентности психологов и педагогов и дальнейшей методологической разработки стратегии развивающего личностно ориентированного обучения и воспитания поколения XXI века.

Авторы благодарят за предоставленные для написания книги сведения сотрудников Психологического института С.Ю. Мещерякову, Б.Д. Эльконина, Т.Д. Марцинковскую, Н.Л. Морину, Н.И. Поливанову, Д.Б. Богоявленскую, И.Г. Дубова, Л.А. Карпенко, М.К. Кабардова, Н.И. Чуприкову, В.И. Моросанову, М.С. Егорову, Е.И. Щебланову, В.И. Панова, И.С. Якиманскую, А.А. Мелик-Пашаева, М.К. Акимову, Е.Д. Божович, Л.М. Митину, А.Д. Андрееву, Н.В. Кисельникову, Н.Л. Карпову, Г.Г. Граник, Р.А. Саркисяна.

ГЛАВА I

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПОД РУКОВОДСТВОМ Г.И. ЧЕЛПАНОВА: НАУЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В РОССИИ 1912–1920-х гг.

Российский центр психологической науки, культуры и образования «Психологический институт» и имя Георгия Ивановича Челпанова предстают как единое целое в историческом пространстве отечественной культуры: свой 100-летний юбилей Институт отмечает в год 150-летия со дня рождения Г.И. Челпанова — его создателя и первого директора. История Института — это история отечественной психологической науки, история жизни уникальных людей, своим творчеством созидавших и сам Институт, и психологическую науку. Психологический институт известен во всем мире как современный научно-образовательный центр, обладающий мощным историческим корнем, экспериментальные исследования сотрудников которого базируются на устойчивой философско-психологической традиции, обладающей прогностическим потенциалом и обеспечивающей разумную достоверность интерпретаций актуально значимого психологического материала.

* * *

В начале XX в. в России был задуман и осуществлен уникальный научный проект, блистательная реализация которого воплотилась в создании первого в России и в мире специализированного психологического центра — Психологического института им. Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете — и была связана с именами выдающегося российского ученого Георгия Ивановича Челпанова (1862–1936) и знаменитого российского предпринимателя и мецената Сергея Ивановича Шукина (1854–1936). Для Г.И. Челпанова — основателя *системы* научной психологии и психологического образования в России — этот проект стал венцом многосторонней профессиональной деятельности. Для С.И. Шукина Институт навсегда

остался «дорогим» его сердцу учреждением. Таким образом, момент открытия Психологического института при Московском университете был «подготовлен счастливым сочетанием двух сил, двух стремлений: с одной стороны — научным воодушевлением академического деятеля, с другой — высоким пониманием гражданского долга со стороны просвещенных представителей общества, которые помогли академическому деятелю осуществить его идею, его мечту»¹.

Свою научную и учебную деятельность Институт начал в 1912 г., а его Торжественное открытие состоялось 23 марта 1914 г. и объединило все слои русского образованного общества.

В этот весенний день многие московские газеты и журналы вышли с ликующими заголовками: «Новый дворец науки», «Дворец психологии» и т. п. Журналисты не скупались на превосходные степени, подчеркивая, что «величайший в мире» по своим научным площадям Московский Психологический институт «превосходит не только все европейские, но и самые большие американские психологические институты» не только «по величине здания и количеству комнат», но главное — «по особенно усовершенствованной приспособленности... для производства экспериментов». Газеты писали о дне его открытия как о «празднике русской науки», предвещающем то время, когда русская психология займет достойное место в мировой психологии. Интеллигенцию радовал тот факт, что его строительство было осуществлено «на частные средства, без малейшей жертвы со стороны казны»².

Торжественное открытие Психологического института³ началось *молебном*, который совершили преосвященный Анастасий, епископ Серпуховской, и профессор богословия Императорского Московского Университета протоиерей Николай Боголюбский. В соборной молитве участвовали попечитель Московского учебного округа А.А. Тихомиров, Московский градоначальник генерал-майор А.А. Адрианов, ректор Императорского Московского университета профессор М.К. Любавский, помощник ректора профессор Э.С. Лейст, проректор университета профессор М.Н. Никифоров, директор Психологического института профессор Г.И. Челпанов, потомственный почетный гражданин Москвы и меценат института С.И. Шукин, представители русского духовенства, персонал и члены нового института, студенты университета, депутаты от различных научных учреждений и учебных обществ и другие почетные гости. В своем Слове по окончании молебна *владыка Анастасий* сказал: разумно-свободная, способная к нравственному действию душа человека всегда привлекала к себе испытующие взоры мудрецов и ученых; если стремление к точности изучения не заслоняет понимания естественных границ познания души, то изучение душевных явлений можно только приветствовать. Владыка выразил уверенность, что Психологический институт ставит перед собой истинно научные цели, и призвал на работу института благословение Божие.

Торжественное заседание состоялось в Большой аудитории освященного институтского здания. Его открыл ректор Московского уни-

Академический праздник.

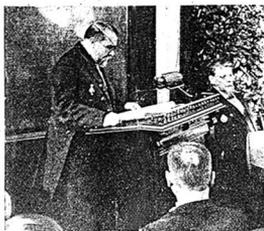
23 марта в Москве торжественно открыт первый в России психологический институт имени Л. Г. Шукиной. На академическом празднике университета явились много профессоров, делегаты от учебных заведений, ученых обществ и культурно-просветительных организаций. После словестия ректора университета М. К. Любавский произнес речь, выражая сожаление, что на торжество не может присутствовать И. С. Цукунин, благодаря пожертвованию которого университет приобрел здание учебно-исследовательского учреждения. Ректор прочел текст приветственного адреса, который совет Московского университета под-

нес жертвователю, оказавшему огромную услугу русской науке и просвещению. По предложению ректора, собрание было почтено назвать Л. Г. Шукиной, имя которой носит институт, и приват-доцента А. С. Белькина, оставившего институту ценную библиотеку. После ректора произнес речь профессор Г. И. Челпанов, директор, основатель и главный устроитель института. Его встретили шумными аплодисментами. Говоря о задачах психологического института, Г. И. Челпанов сказал:

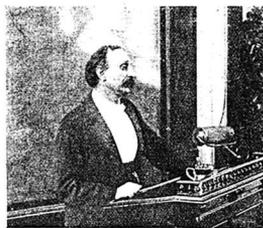
«Будем верить, что скоро настанет время, когда русские с гордостью будут говорить о русской психологии, как о принятой в доктринах немецкой, английской и американской. Когда это осуществится, пусть наши пресеники не забудут тогда, что сделать для этого Ильяну полярный Московскому университету психологический институт». После речи профессора Челпанова следовало рать приветственной и чести приват-доцента, телеграма и письмо (около 150-ти). Многие получили изъ-за границы.

Здание психологического института.

Ректор университета М. К. Любавский произносит речь.

Проф. Г. И. Челпанов говорит о задачах института.

Торжественное открытие Психологического института им. Л. Г. Шукиной. 23 марта (5 апреля н. с.) 1914 г. Из журнала «Искры»⁴

верситета профессор М. К. Любавский, который в своей приветственной речи подчеркнул, что данное событие далеко выходит за рамки обычного академического торжества, поскольку знаменует собой открытие первого в своем роде учреждения, призванного стать образцом и примером для других психологических научных и учебных заведений России.

На церемонии открытия профессор Георгий Иванович Челпанов произнес блестящую речь «О задачах Московского Психологического Института»⁵. В своем программном выступлении Г.И. Челпанов сказал следующее:

Челпанов Г.И.

О задачах Московского психологического института

В момент официального открытия первого Психологического института в России будет уместно сказать несколько слов о его задачах. Задачи университетского психологического института находятся в тесной зависимости от задач самого университета: организация научной работы в университете самым непосредственным образом отражается на организации научной работы в университетском институте.

Но каковы задачи современного университета вообще и русского университета в частности?

Университет в средние века был школой просто, и профессора были учителями высших «школ». Такой характер университета сохранился вплоть до нашего времени. Но современный университет, оставаясь школой, ставит еще новые задачи. Он не только должен учить науке, но должен и созидать науку. И если в современном, как в русском, так и в немецком университете происходит борьба между двумя стремлениями: стремлением сделать из университета профессиональную школу и стремлением сделать из университета

высшее учебное учреждение, то в этой борьбе, к счастью, научный интерес одерживает перевес. Университеты становятся все более и более местом научного исследования: учебная сторона уступает место научной.

Профессор современного университета не может ограничиваться простой передачей знаний. Он должен научить студентов самостоятельному научному исследованию. Пассивное усвоение знаний чуждо духу современного университета. Усвоение знаний должно происходить путем ознакомления с методами научного исследования. Студент должен знать, как научная истина добывается. Для достижения этой цели нужны семинарии, кабинеты, лаборатории, институты, специально приспособленные для целей научного исследования.

Но если признать, что современный университет нуждается для осуществления своей задачи в институтах, то в наибольшей мере в этом нуждается психология, энциклопедический характер которой представляет особые трудности для научного исследования. Современная психология распадается на такие разнородные части, как общая психология, экспериментальная психология, педагогическая психология, этнологическая психология и зоопсихология. Все эти отрасли требуют самых разнообразных средств для научного исследования.

На научную разработку психологии университеты должны обратить внимание ввиду ее особенной научной и практической важности, и нужно только немного указаний, чтобы сделалось ясным, как велико научное и практическое значение современной психологии.

Психология, обязанная очень многим медицине, в настоящее время многое ей возвращает. Авторитетные психиатры уже пришли к признанию, что психиатрия не может обойтись без психологической основы. Результаты экспериментально-психологических исследований оказались очень полезными для понимания обширных классов психопатологических явлений. Методы экспериментальной психологии стремятся проникнуть в психиатрическую клинику для диагноза душевных болезней. Значение психологии для анатомии и физиологии мозга в настоящее время является совершенно бесспорным.

Психология нужна и науке о праве. Психологический вопрос о природе воли, о личности, сознании имеет решающее значение для юридических теорий. Не менее важное значение для юридической практики имеет психология свидетельских показаний, влияние внушений и т. п.

Языковедению психология оказала огромные услуги. Исследование речи у детей, психологические исследования об отношении между мышлением и речью, и вообще психология мышления бросает свет на многие явления в истории языка.

Значение психологии для педагогики является слишком общеизвестным, чтобы на этом долго останавливаться. Со-

временная психология высших умственных процессов может дать твердую основу для разрешения проблемы умственного развития. Огромная область исследований так называемой «умственной работы», исследований «одаренности» обещает привести к очень важным результатам социально-педагогического характера. Экспериментальная психология объясняет многие индивидуальные психические особенности, знание которых может способствовать разрешению основной проблемы современной педагогики, индивидуализации в деле воспитания и обучения.

Значение психологии для философии начинает пользоваться общим признанием. Отрицательное отношение философов к психологии, которое так часто можно было встретить прежде, нужно считать совершенно необоснованным. Можно решительно утверждать, что в настоящее время проблемы гносеологии нельзя исследовать без связи с психологическими принципами. Как много дала логике современная психология мышления!

Вот причины, почему психология покидает прежнее совершенно незаметное место в семье университетских наук и становится одной из важнейших научных дисциплин. Такое важное научное значение ее обязывает нас к научной разработке ее.

Если еще недавно у нас в России университетское изучение психологии означало прочтение нескольких книг, то в настоящее время студент нуждается в ознакомлении с методами психологического исследования. Для этого нужны семинарии, нужны специальные библиотеки.

Если еще недавно ознакомление с экспериментальной психологией означало только ознакомление с тем, как производятся эксперименты в западных лабораториях, то теперь мы нуждаемся в значительно большем. Мы уже должны выйти из ученической роли, мы должны исследовать самостоятельно. Для самостоятельного исследования нужны хорошо оборудованные лаборатории.

Для семинариев, для специальных библиотек, для лабораторий нужен психологический институт, который объединял бы все эти учреждения.

Но институту принадлежит еще одна функция огромной научной важности. Институт нужен для существования самой психологии как науки. Институт нужен для удержания внутреннего единства психологии.

Психологическое исследование в настоящее время дифференцируется. Психология распадается на такие части, которые совершенно друг с другом не связаны. Вследствие этого психология начинает утрачивать свое единство. Ей грозит распад. Владения психологии так неопределенно сливаются с владениями других наук. Очень многое, что принадлежит психологии, в настоящее время находится в других научных

дисциплинах, например, в психопатологии, в физиологии, физике, зоологии.

Нужно принять меры к сохранению единства психологии. Такому объединению может способствовать институт, если в нем первенствующее место отводится общей психологии. Тогда общая психология и ее основные принципы будут иметь руководящее значение для всех возможных видов психологического исследования: для психологии детского возраста, для зоопсихологии и др. Благодаря общей психологии они будут объединены. Пусть при таких условиях психология дифференцируется, пусть возникают различные отрасли психологии. Если различные отрасли психологии разрабатываются под одной кровлей или, по крайней мере, собираются там, то все, что относится к изучению духа и проявлению душевной жизни, будет собираться воедино.

Вот задачи современного психологического института. Наш психологический институт посылно старается разрешить эти задачи. Мы стремимся к самостоятельной разработке психологии и к объединению психологических исследований.

В настоящий момент в нашем институте разрабатывается общая психология и экспериментальная. В ближайшем будущем намечается организация исследований по этнологической психологии или так называемой психологии народов, по педагогической психологии, по зоопсихологии.

Таким образом, все возможные виды психологического исследования могут найти себе место в нашем институте.

Таковы задачи нашего института, таковы задачи всякого психологического института при университете. Психология в университете может развиваться беспрепятственно только тогда, когда университет имеет в своем распоряжении институт, подобный тому, каким в настоящее время имеет счастье обладать Московский университет.

Выразим пожелание, чтобы все русские университеты последовали примеру Московского, чтобы все русские университеты и высшие ученые учреждения обогатились такими же институтами. Тогда можно будет с уверенностью сказать, что психология у нас в России пойдет по верному пути развития. Тогда развитие психологии в России достигнет той полноты и совершенства, при которых мы с гордостью будем говорить о «русской психологии», как теперь принято говорить о немецкой, английской, американской психологии.

Когда это осуществится, пусть наши преемники не забудут того, что для этого сделал Сергей Иванович Щукин. Подаривши Московскому университету психологический Институт, он дал возможность психологии в России стать на твердую почву. Русская наука и вместе с ней русская культура чрезвычайно ему обязаны. Его дело — дело огромной национальной важности.

Принесем же ему от имени русской психологии за это его дело нашу искреннюю благодарность!

Г.И. Челпанов был одним из первых отечественных ученых, указавшим на действительное значение психологии для любой из сфер деятельности человека, сумевшим спрогнозировать широкую научную перспективу ее будущего развития и необходимость подготовки высокопрофессиональных специалистов в этой области. Для психологии, пребывающей в виде области знания, содержание которого интерпретировалось через другие науки, а понятия использовались как комментарии к проблемам философии, медицины или достижениям физиологии, профессор Челпанов выработал определение предмета и методов исследования, построил иерархическую систему ее специальных дисциплин. В разноплановой востребованности психологических знаний ученый предугадал «болеую точку» психологии как науки — возможность ее распада на отдельные отрасли, связанную с увлеченностью конкретно-практическим применением результатов в ущерб фундаментальным исследованиям, направленным на изучение сложнейших законов диалектики психического. Средство предотвращения уже наметившейся в первой четверти XX века атомизации психологии Челпанов, как явствует из его речи, видел в создании крупного общепсихологического центра, задачей которого явилась бы консолидация «всего того, что относится к изучению духа и проявлению душевной жизни», объединение общей и прикладной психологии, при понимании руководящей роли теоретической психологии⁶. Как показало время, только такой научно-организационный подход действительно позволяет «поддерживать высокий теоретический уровень» и предоставляет реальную «возможность устоять перед общественными катаклизмами и многочисленными политическими экспериментами»⁷. Способствуя правильной постановке и глубокому разрешению фундаментальных проблем содержания и функции психологической науки, Институт должен был стать стартовой площадкой для выхода русской психологии на общемировой уровень.

Потомственный Почетный Гражданин *С.И. Щукин* в своем письме собранию, а также *сотрудники института и студенты Московского университета* в составленном ими адресе настоятельно подчеркивали, что 23 марта 1914 г. — день праздника Московского Психологического института — навсегда останется для всех днем признания огромных заслуг Г.И. Челпанова. «И самая мысль» о создании института, и «блестящее осуществление этой мысли всецело принадлежат высокоуважаемому Георгию Ивановичу Челпанову», который «по всей справедливости, и должен быть признан истинным его основателем», — писал щедрый меценат, отвергая определения первостепенности своих заслуг⁸. «Совершенно очевидно, — считали молодые сотрудники института и студенты, обращаясь к Георгию Ивановичу, — что настоящий Институт во всех частях своей внешней и внутренней организации есть, бесспорно, Ваше соиздание, потребовавшее массы — совершенно неизмеримой — мелких и крупных забот и трудов, которые целиком прошли в сфере Вашего обнимающего и неустанного внимания. Можно справедливо сказать, что каждый прибор в этом

здании, каждый камень в его стенах установлен под Вашим непосредственным наблюдением»⁹.

В своем ответном слове профессор *Г.И. Челпанов* остался верен идее необходимости совместного научного творчества представителей разных поколений. «Если Вы... создание института приписываете мне, то... даете мне слишком много <...> В моей академической деятельности я чрезвычайно многим обязан научному общению со студенчеством <...> С Вами нельзя было останавливаться: нужно было всегда идти вперед. Когда в 1910 г. германский император основал фонд “Научных институтов” вне университетов, ...то Вы научили меня не увлекаться этой иллюзорной идеей. Для меня институт без студентов звучит как что-то холодное... Вы научили меня понимать, что только институт со студентами есть институт, в котором может быть живая научная жизнь... То прекрасное единение, которое Вы создали, составляет такое громадное преимущество коллективной работы, единение, благодаря которому мы все составляем здесь одну дружную семью. Наш институт является плодом нашей общей работы»¹⁰.

Подводя итог сказанному в первой части Торжественного заседания, профессор *М.К. Любавский* назвал *Г.И. Челпанова* представителем особой плеяды «профессоров-домостроителей» и выразил ему глубокую благодарность за все, что он сделал для блага Московского университета.

В речи *А.А. Тихомирова* — попечителя Московского учебного округа — было выделено: щедрая жертва *С.И. Щукина* показала, что на Руси не оскудевает любовь к просвещению и не притупляется чуткость русского человека к назревающим новым запросам науки. Введение эксперимента и точных методов исследования в психологию поможет достоверно выявить глубокие различия природы человека и других живых существ.

В приветствии профессора *П.П. Соколова*, которое прозвучало от имени Императорской Московской Духовной академии, было указано, что в Психологическом институте — этом научном дворце, превосходно оборудованном для целей научных исследований, — работает целый ряд преданных делу молодых сотрудников, выпускников МДА, и «первая книга трудов, выпущенных Институтом, уже показывает, что могут дать теперь и что обещают дать в будущем эти молодые силы»¹¹. В деятельности нового института профессор Соколов приветствовал тенденции, объединяющие всех психологов.

Профессор *В.С. Серебряников* зачитал торжественный адрес от имени Санкт-Петербургской Духовной академии и ее ректора: «Поздравляя Императорский Московский университет с приобретением нового могущественного орудия к духовному просвещению и возвышению дорогой нам родины, Императорская Духовная академия горячо желает, чтобы русский Психологический институт, учрежденный в самом сердце России, занялся изучением русской души и, опираясь на ее драгоценные качества, создал самостоятельную, конгениальную вселенской душе, русскую психологию»¹².

Профессор *А.И. Введенский*, от лица профессуры историко-филологического Императорского Санкт-Петербургского Университета (в состав делегации входил также профессор *И.И. Лапшин*), передал поздравления в связи с обретением «наиудобнейшего для ученой и учебной работы Психологического института». Преподаватели университетов знают, сказал он, какие великие силы таятся в русской молодежи, и что надо только пробуждать их и предоставлять обстановку, благоприятную для их проявления: «а в Москве для психологии теперь налицо оба эти условия»¹³.

Чсть приветствовать открытие первого «не только в России, но и в мире Психологического института в Москве», его создателя — профессора *Г.И. Челпанова* — и Московский университет, «укрепивших в обществе сознание необходимости психологических институтов для реформы науки и русской жизни» Императорский женский педагогический институт возложил на *З.К. Столицу* и *В.А. Волкович*, которая в своей речи подчеркнула духовное родство и профессиональную связь этих двух учреждений, имеющих основание в непреходящих задачах психологии и педагогики: ведь изучение индивидуального и творческого в целях лично ориентированного и гармоничного воспитания составляет коренную задачу педагогики. Сближает их и сам дух учебной работы, царящий в Психологическом институте: «приучение студентов к систематической лабораторной работе, к внутренней дисциплине, к особому отношению профессора-руководителя к их работе — все это пропитано высоко педагогическим настроением»¹⁴.

М.М. Рубинштейн в качестве представителя делегации от Высших Московских женских педагогических курсов (в которую входил также *Д.И. Тихомиров*) в своем приветствии сказал: «мы глубоко убеждены, что вместе с психологией, тесно связываемой с педагогикой, Психологический институт сделает также много для научного развития педагогической психологии, которая при современном часто неосторожном использовании психолого-педагогического эксперимента столь жизненно заинтересована в действительно научной психолого-педагогической разработке ее вопросов»¹⁵. *Д.И. Тихомиров* к сказанному коллегой добавил, что новое научно-учебное учреждение важно для педагогов и как строго научная лаборатория, расширяющая познание истины, и как светоч, руководящий их практической деятельностью; такое авторитетное научное руководство необходимо для правильной постановки воспитывающего обучения юных поколений русского народа. В лице *Георгия Ивановича Челпанова* выступавший приветствовал человека, который «с неизменной любовью» служил и впредь будет служить «важнейшему из всех жизненных дел — делу разумного и гуманного всенародного просвещения»¹⁶.

От имени Московского психологического общества с «довершением большого и плодотворного дела» — создания Психологического института — всех собравшихся поздравил его председатель, профессор *Л.М. Лопатин*. «Чрезвычайно щедрое пожертвование *С.И. Шукина* и его просвещенное участие дали... возможность создать из Института

действительно образцовое учреждение <...> Экспериментальная психология, научно поставленная, — а, конечно, над ней главным образом придется работать в новом Психологическом институте, — возникла очень недавно... Тем не менее в этой области уже много сделано; еще гораздо большего приходится от нее ждать в будущем. В психологии, как и во многих других отраслях научного знания, совершается глубокое внутреннее движение, чреватое неисчислимыми последствиями, намечающее в ней совсем новые пути и раскрывающее невообразимо широкие горизонты. Огромные загадки встают перед психологом со всех сторон, и нет надежды разрешить их случайными приемами обыкновенной интроспекции. Всё заставляет думать, что сфера психологических экспериментальных исследований, как в форме систематизированного и коллективного самонаблюдения, так и в форме тщательного и методического сопоставления данных психологии с разнообразными фактами физиологии и даже физики, должна очень раздвинуться и утончиться в недалеком будущем. Пожелаем же, чтобы ныне открываемый Институт в своей деятельности отвечал своему превосходному внешнему оборудованию и шел впереди других однородных учреждений по широте и строгости научной разработки назревающих психологических проблем»¹⁷.

Председатель Санкт-Петербургского философского общества профессор А.А. *Введенский* напомнил присутствующим о тесной, родственной связи, которая существует между психологией и философией. Если, по словам Г. Мюнстерберга, путь к научной психологии начинается с философии, то и философия тоже нуждается в научной психологии; не случайно журнал Московского психологического общества имеет название «Вопросы философии и психологии» и издается при содействии философского общества С.-Петербурга.

Для профессора *Ф.Е. Рыбакова* — представителя штата сотрудников Психиатрической клиники при Императорском Московском университете — был очевиден тот факт, что открытие Психологического института сделает еще более крепкими узы, «связывающие психологов и психиатров в одну дружную семью»¹⁸, поскольку существенно расширяет возможности обоюдной консультативной практики по вопросам, решение которых вызывает затруднения с той и другой стороны.

Г.А. Рачинский — председатель Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева — обратил внимание на то, что за последние полвека научное изучение явлений духа достигло больших успехов и психология из рядовой философской дисциплины превратилась в многосложную и автономную науку. Не последнюю роль в этом сыграли экспериментальные исследования, способствующие более глубокому постижению природы духа, «конкретно открывающейся в религиозном самосознании человека». Помня сказанные Г.И. Челпановым слова об общечеловеческом и вечном значении науки о духе, совет Религиозно-философского общества пожелал Психологическому институту «со славой и честью послужить великому делу русской науки»¹⁹.

А.Н. Бернштейн от лица членов Общества экспериментальной психологии выразил пожелание, чтобы новый Психологический институт процветал в своих научных работах и стал бы «властным и авторитетным объединителем» всех рассеянных по Москве «дробных очагов психологических исследований»²⁰.

От редакции журнала «Психологическое обозрение» выступил Г.О. Гордон, который, в частности, сказал, обращаясь к Г.И. Челпанову: «В своих печатных трудах и с кафедры Вы всегда блестяще разъясняли значение философии и психологии для той сферы знания и действия, которой посильно служит наш журнал, и очень многие обязаны Вам ясным пониманием сущности задач и методов экспериментальной психологии и педагогики. Позвольте же нам еще раз принести Вам искренние поздравления с осуществлением одного из самых заветных Ваших желаний и пожелать величайшему в мире Психологическому институту всяческого процветания на благо русского общества, науки и школы!»²¹.

Прозвучали приветствия от Общества по изучению научно-философских вопросов (председатель — приват-доцент Московского университета Н.Н. Алексеев), Студенческого научно-педагогического кружка (профессор Г.А. Кожевников), Студенческого философского общества (председатель — студент университета Н.Л. Шварц), С.-Петербургского родительского кружка (З.К. Столица), С.-Петербургских Историко-литературных высших женских курсов (директор — член совета Министра народного просвещения Н.П. Раев) и др.

Были зачитаны поздравительные телеграммы, присланные выдающимися деятелями психологической науки Европы и Америки: В. Вундтом, К. Штумпфом, О. Кюльпе, К. Марбе, В. Виртом, В. Штерном, В. Петерсом, О. Зельцем, А. Гельбой, сербским профессором Петрониевичем, болгарскими профессорами Георговым и Нойковым, Э. Сэнфордом, Кеттелом, Э.Б. Титченером, а также телеграммы из высших учебных заведений, редакций различных журналов, научных и медицинских учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Харькова, Казани, Одессы, Юрьева, Нежина, Варшавы, Витебска, Купянска, Либавы: среди подписавших письма и телеграммы были епископ Иннокентий, С. Булгаков, В. Вагнер, В. Зеньковский, А. Казанцев, П. Каптерев, А. Косминский, П. Кудрявцев, А. Лазурский, Н. Ланге, И. Лециус, Н. Лосский, С. Любомудров, Н. Макавейский, А. Нечаев, Н. Новгородцев, С. Остроумов, И. Павлов, Г. Россолимо, И. Четвериков, В. Чиж и многие другие; прислали поздравления члены Киевского психологического семинария и студенты Университета св. Владимира. В глазах русского студенчества Психологический институт был «цитаделью» отечественной науки, концентрирующей в себе потенциал не только будущих научных открытий, но и международного сотрудничества. «Нам, русским, в особенности нужны такие учреждения. Творческий гений нашего великого народа не сказал еще своего настоящего слова. Мы знаем и верим, что этот момент не за горами. Но дело науки — дело всечеловеческое. Пусть на основе этого дела вырастут мир и согласие

между людьми», — такими словами приветствовали они Г.И. Челпанова, с именем которого, по их убеждению, «во веки веков» будет связан подвиг создания «величайшего в мире Психологического института», в аудитории Московского университета 28 марта 1914 г.²²

Показательно, что западные ученые, чей профессиональный опыт воспринимался в России как передовой, высказали очень высокие оценки и в отношении организации научной и учебной деятельности, и в отношении технической оснащенности Психологического института. Так, Э.Б. Титченер писал: «Лаборатория в собственном смысле никогда не может быть закончена. И в самой себе она носит начала собственного роста и расширения; но поскольку предвидение возможно, Вы все предусмотрели для такого роста, и ваша организация на многие годы допускает расширение <...> Ваши приспособления и оборудование соперничают, если не превосходят лаборатории, где-либо в мире существующие»²³. Изучив присланные Г.И. Челпановым фотоматериалы, отображающие научную аппаратуру и лабораторные помещения института, профессор Э. Сэнфорд констатировал, что в нем созданы «блестящие условия для изучения и исследования»²⁴. Профессор Кеттел: «Я горячо поздравляю Вас с Вашим Институтом, который, по-видимому, является наилучше оборудованным в мире. Честь и слава России, что такая лаборатория устроена в Москве, и что она этим подает пример другим народам. Я всегда удивлялся русскому гению и неоднократно говорил, что по всей вероятности Россия будет руководить мировой наукой и искусством к концу настоящего столетия»²⁵.

И эти оценки не были преувеличены.

Профессор Г.И. Челпанов, обдумывая проект будущего института, детально изучил зарубежные прототипы в Европе и Америке. Желая избежать возможных ошибок, как в начальный период, так и в последующем, он, прежде чем начать его строительство, летом 1910 г. вместе со своим учеником, приват-доцентом Г.Г. Шпетом, посетил психологические лаборатории немецких университетов: в Берлине они ознакомились с лабораторией профессора К. Штумпфа и большой лабораторией Вюрцбургского университета, которой руководил профессор К. Марбе, затем изучили устройство психологической лаборатории профессора О. Кюльпе в Бонне. Проходившие в те годы в Германии реформы университетского образования создавали реальные возможности для развития науки. Результатом этих реформ стали не только широкие академические свободы (самостоятельный выбор тем исследования, гибкие учебные планы и др.), но и специфицированные научные учреждения. Благодаря этому ученым Германии (В. Вундт, Г. Гельмгольцу, Э. Веберу, Г. Фехнеру и др.) удалось первыми ввести в обиход психологических исследований специальные методики и приборы. Беседуя с немецкими коллегами о проекте Института, Г.И. Челпанов получил «весьма ценные указания, которые и использовал при исправлении проекта»²⁶. Но немецкие лаборатории были лабораториями собственно для научных исследований, потому, как писал сам Челпанов, он «не мог принять в руководство только одни немецкие ин-

Г.И. Челпанов и Г.Г. Шпет.
Лето 1910 г. Берлин²⁷

ституты». Из своего опыта преподавания он вынес твердое убеждение, что «в России необходимо из экспериментальной психологии сделать *учебный предмет*»²⁸. И план Психологического института, составленный им, предполагал в самом широком масштабе организацию именно *практических* занятий. В Германии не было образца, следование которому помогло бы в плане реального решения поставленной задачи. Однако экспериментальная психология уже преподавалась в американских университетах. И в марте 1911 г. с целью непосредственного знакомства с постановкой практического преподавания психологии Г.И. Челпанов совершил поездку за океан. Посетив лаборатории Гарвардского, Стенфордского, Мичиганского, Колумбийского университетов, он во многом перенял у американских профессоров Р. Вудвортса, Э. Титченера, Д. Анжела, Х. Карра, Ст. Холла и др. опыт организации психологии как учебной дисциплины и особого устройства института, приспособленного для этой цели.

Замысел Г.И. Челпанова был поистине новаторским. «До сих пор нет такого психологического института, который был бы специально выстроен для психологических целей. Все, даже самые большие психологические институты в Европе и Америке вырастали из присоединения отдельных комнат и весьма часто представляются не вполне отвечающими своей цели. В Москве впервые приходится строить по специальному плану, а так как образца для такого института нет, то проект здания представляет большие трудности»²⁹. Внушительная подготовка позволила Г.И. Челпанову с большим знанием дела наблюдать

Здание Психологического института им. Л.Г. Шукиной. 1912 г.

как за составлением проекта здания (университетским архитектором А.С. Гребенщиковым), так и за самой постройкой, и в дальнейшем — за оборудованием Института.

Удивительны сроки его возведения. Только в январе 1911 г. состоялось соглашение со строителями, а уже в ноябре того же года здание было совершенно готово.

Это было первое в мире здание научного института, построенное по целевому проекту, а не переделанное из приспособленных под новую задачу старых помещений. По величине здания и научных площадей — 59 комнат — Московский Психологический институт был в те годы самым большим в мире. К концу 1911/12 учебного года было завершено его оборудование, в апреле Министерством народного просвещения были утверждены «Правила о Психологическом институте», и с 1 сентября 1912 г. в нем начались регулярные занятия: читались лекции по общему курсу психологии, проводились лабораторные занятия, семинарии по теоретической и экспериментальной психологии.

В 1914 г. Г.И. Челпанов опубликовал подробное описание устройства, оборудования и организации занятий в Институте, где привел планы расположения его помещений и фотографии интерьера³⁰.

В первом этаже здания располагались административные помещения, а также Большая аудитория на 300 человек, предназначавшаяся для чтения общих курсов психологии и заседаний Московского Психологического общества (председателем которого был Л.М. Лопатин,

а с 1920 г. — И.Л. Ильин). Кроме того, здесь была библиотека с читальным залом и комнатой для семинарских занятий. Библиотека включала около 4 тысяч названий книг и журналов по истории философии, психологии, логике, истории, математике, естествознанию; выписывалось 15 специальных психологических журналов.

Второй этаж предназначался исключительно для практических занятий. Малая аудитория Института была оборудована так, что в ней могли одновременно работать 6 групп по 3 человека в каждой (экспериментатор, испытуемый и протоколист). Там же имелось еще 10 комнат для лабораторных занятий.

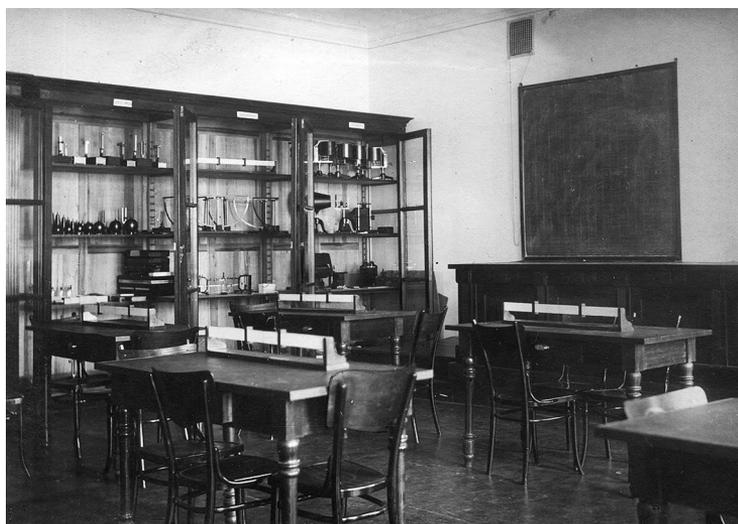

Библиотека и комната для семинарских занятий. 1912 г.

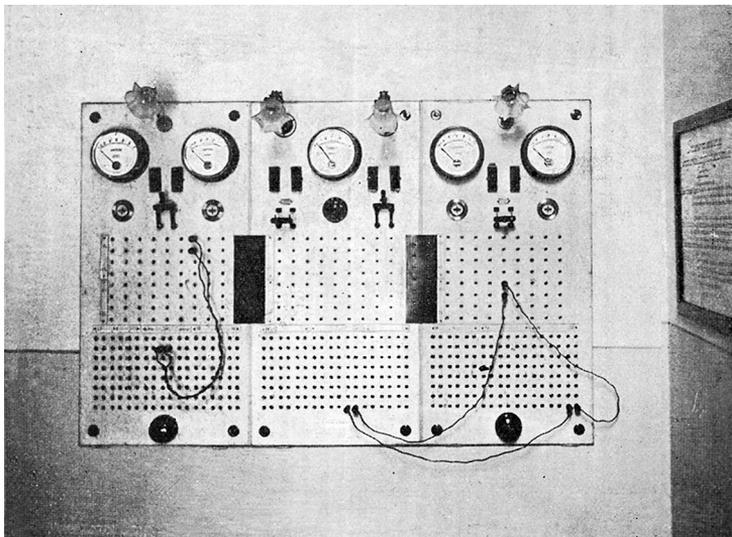

Вестибюль Психологического института. 1912 г.

Помещения третьего этажа были подготовлены для научных исследований по экспериментальной психологии. Здесь были оборудованы комнаты для оптических исследований и фотолaborатория; для акустических исследований была устроена комната с полной звукоизоляцией, которая обеспечивалась двойными стенами, внутри переложенными пробковым слоем.

Малая аудитория или малый практикум Психологического института. 1912 г.

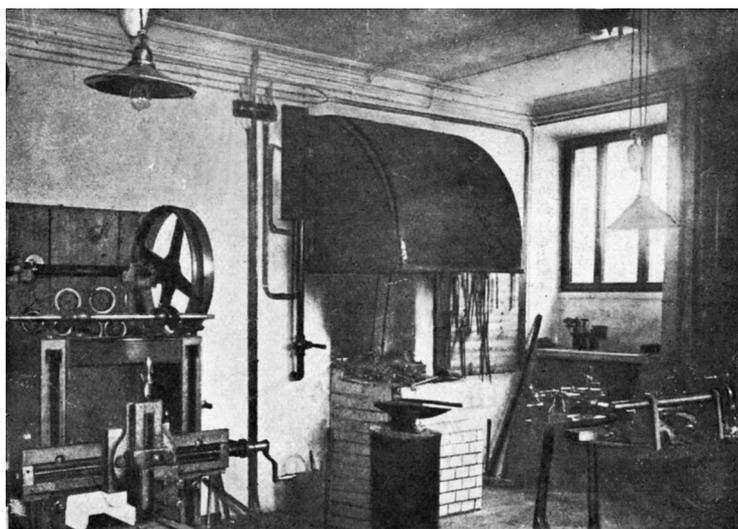
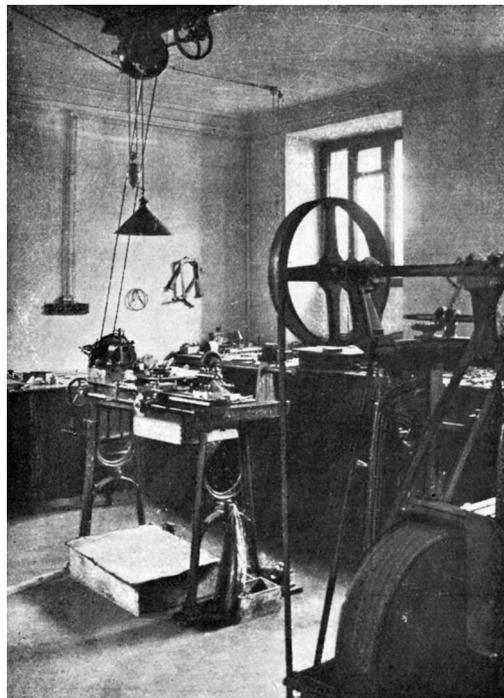

Распределительная доска. 1912 г.

В полуподвальном помещении располагались механическая и столярная мастерские. Г.И. Челпанов, заботясь о приобретении новейшей психологической аппаратуры, хотел, чтобы Институт был в какой-то мере независим от поставщиков и ремонтных злоключений в случаях поломок оборудования. Именно с этой целью он создал в Институте собственные мастерские, в которых можно было не только отремонтировать, но и изготовить новые приборы по заказу психологов, проводящих экспериментальные исследования.

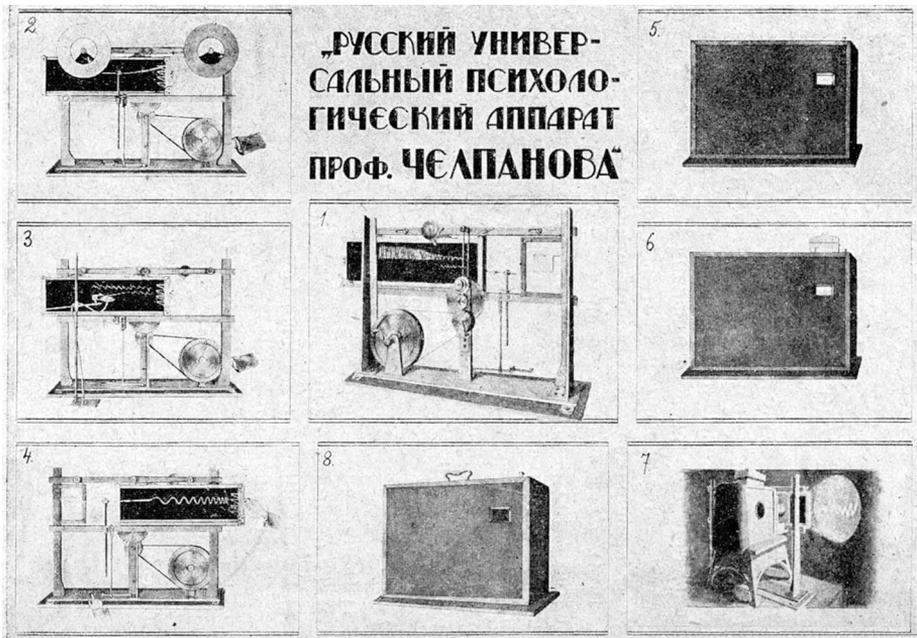
Как уже было сказано выше, техническое оборудование Психологического института было самым передовым для своего времени. Институт был прекрасно оснащен аппаратурой: свыше 150 специальных приборов для изучения всех видов ощущений и психических процессов ожидали исследователей; были в наличии и так называемые «общие» приборы — вольтметр, амперметр, метроном и гордость Г.И. Челпанова — новейший проекционный аппарат. Позднее нашел свое достойное место в Институте и многофункциональный «Русский универсальный аппарат», предназначенный для демонстрации психологических экспериментов и самостоятельной экспериментальной работы, сконструированный самим Г.И. Челпановым³¹.

В члены Института зачислялись: а) студенты, избравшие своей специальностью «научную разработку психологии»; б) лица, оставленные при университете для подготовки к профессорскому званию и в) преподаватели университета, прошедшие двухлетний курс специальной подготовки. Потенциальные сотрудники должны были сдать коллоквиум по теоретическим курсам, экзамен по иностранному (немецкому) языку и пройти практические занятия по экспериментальной психологии. Благополучно выдержавшие экзамены могли работать в Институте в течение

Механические мастерские Психологического института.
1912 г.

двух лет, а далее право на работу в нем предоставлялось только тем, кто избирал тему для самостоятельного исследования по экспериментальной психологии. Членам Института предписывалось обязательное про-

Схематическое изображение устройства универсального психологического аппарата изобретенного Г.И. Челпановым

ведение самостоятельных исследований и учебных занятий со студентами в семинарах по теоретической и экспериментальной психологии.

Для того, чтобы полнее осмыслить уровень научно-организационных инноваций Г.И. Челпанова, следует привести небольшое историческое уточнение. Челпановский институт не был первым отечественным психологическим учреждением, их организация в России уже имела свою историю. Профессор *Н.А. Рыбников*, старейший сотрудник Психологического института, много лет посвятивший изучению истории русской психологии, в своей работе «К истории Института психологии» (1952) писал, что еще до его создания «в России возникло несколько лабораторий и кабинетов, где так или иначе велось опытное изучение вопросов психологии. Правда, работа большинства этих ячеек была очень узкой по своему масштабу, гораздо более узкой, чем это имело место в отношении Института психологии. Да и длительность существования этих ячеек была в большинстве случаев очень кратковременной. Вот почему и результаты работы этих ячеек были очень скромными. Когда на диспуте по диссертации профессор Н.Н. Ланге (в 1894 г.) заявил, что у нас нет психологических лабораторий, то профессор С.С. Корсаков справедливо возражал, указывая на существование психологических лабораторий в Москве, Петербурге, Казани и Юрьеве. И, действительно, в это время в Москве профессор А.А. Токарский развивал энергичную деятельность по созданию психологической лаборатории при психиатрической клинике, В.М. Бехтерев организовал лабораторию

при психиатрической клинике Казанского университета, профессор Чиж создал аналогичную лабораторию при Юрьевском университете <...> Большинство этих первых психологических ячеек создавалось врачами и обслуживало задачи психиатрии. Такое положение вещей профессор С.С. Корсаков признавал вполне нормальным, поскольку он считал, что психология “есть наука натуралистическая и что врачи имеют больший навык в деле опытного изучения психики”. В противоположность этому мнению профессор Н.Н. Ланге настаивал на том, чтобы психологические лаборатории создавались при кафедрах психологии. Полезность такого рода лабораторий профессор Н.Н. Ланге демонстрировал на примере созданной им лаборатории при Одесском университете. В этой лаборатории и были проведены опыты, результаты которых легли в основу его диссертационной работы “Психологические исследования закона перцепции: Теория волевого внимания” (Одесса, 1893)»³².

Таким образом, через шесть лет после создания В. Вундтом психологической лаборатории в Лейпциге В.М. Бехтеревым в 1885 г. была основана первая в России психологическая лаборатория при Клинике душевных и нервных болезней в Казани, руководителем которой он являлся; в 1890-х гг. она была переведена в Санкт-Петербург. В период конца XIX — начала XX в. А.А. Токарским и невропатологом Г.И. Россоломо (по инициативе выдающегося русского психиатра С.С. Корсакова) была создана психологическая лаборатория в Москве, врачом-психиатром П.И. Ковалевским — лаборатория в Харькове, Н.Н. Ланге — в Одессе, в Петербурге — А.П. Нечаевым и А.Ф. Лазурским, в Дерпте (нынешнем г. Тарту) — В.Ф. Чижом. Работа по общей, детской и сравнительной психологии проводилась и в других учреждениях³³. Но работу всех этих учреждений отличала направленность на разрешение вопросов клинко-медицинского профиля или вопросов педагогической практики (например, лаборатория при Педагогическом музее военно-учебных заведений, организованная А.П. Нечаевым в Петербурге). Только Психологический институт, созданный Г.И. Челпановым, стал первым в России учреждением, работа которого была ориентирована на постановку и научное исследование широкого круга теоретико-методологических проблем философии и психологии, изучение вопросов экспериментальной психологии, и обладал необходимой материальной базой для практического проведения исследований такого уровня.

Нетрудно предположить, что в рамках университетского бюджета план создания высокотехнологичного научного центра вряд ли имел бы свое достойное воплощение. В то время «многие научные и культурно-просветительские учреждения создавались на частные средства. К этому же источнику должен был прибегнуть и профессор Г.И. Челпанов, когда начал организовывать в Москве Психологический институт» (Н.А. Рыбников). Экономические трудности были преодолены главным образом благодаря денежным пожертвованиям Потомственного Почетного Гражданина С.И. Шукина, а также пожертвованию М.К. Морозовой³⁴.

Московский купец С.И. Шукин, сын которого Иван Сергеевич был студентом Университета и занимался в Психологическом семинарии профессора Челпанова, в мае 1910 г. обратился к ректору университета с письмом, в котором объявлял, что жертвует 100 000 рублей на устройство Психологического института. Указанная сумма предоставлялась в полное распоряжение Г.И. Челпанова с условием, что она должна быть израсходована на постройку здания и его оборудование, а самому институту присвоено имя его покойной жены Лидии Григорьевны Шукиной. Через некоторое время, в ноябре 1910 г., С.И. Шукин пожертвовал еще 20 000 рублей, с тем «чтобы оборудование Института произведено было по указаниям профессора Георгия Ивановича Челпанова и чтобы ассигнуемая... сумма двадцать тысяч рублей была в его распоряжении»³⁵. В 1916 г. С.И. Шукин внес новое пожертвование — 50 000 рублей. Таким образом, общая сумма, вложенная С.И. Шукиным в строительство Института, вполне соответствовала грандиозным замыслам Г.И. Челпанова.

В числе меценатов Психологического института была и Мария Кирилловна Морозова (урожденная Мамонтова), без упоминания имени которой, по мнению историков, сегодня невозможно представить себе жизнь Москвы на рубеже XIX–XX вв.

Содействуя открытию нового научного центра в Москве, С.И. Шукин и М.К. Морозова следовали нравственной традиции российского купечества, считавшего своей моральной обязанностью поддерживать все начинания, способствующие культурному процветанию отечества.

В пользу крупнейшего научно-образовательного центра поступали не только денежные средства. Потомственная Почетная Гражданка Ольга Сергеевна Попова передала Институту библиотеку своего безвременно скончавшегося брата А.С. Белкина — бывшего приват-доцента Университета. Эти книги составили основание бесценной коллекции Научной библиотеки Института, в будущем насчитывающей многие тысячи томов научной литературы.

На торжественной церемонии открытия Московского Психологического института группа его членов — научных сотрудников и студентов — обратилась к ректору Университета с прошением о разрешении поместить в Институте портреты Л.Г. Шукиной и С.И. Шукина: «Пусть каждый, входящий сюда хотя бы столетия спустя, видит тех, кому обязан этот Институт своим возникновением. Пусть ежегодное празднование этого дня, дня св. Лидии и открытия Института, совершается под сенью этих изображений. Пусть еще и таким образом будут почтены память Л.Г. Шукиной и примерное деяние С.И. Шукина»³⁶.

Портреты предполагалось поместить в вестибюле Института при входе в Большую аудиторию. Долгое время это так и оставалось желанием. И лишь много лет спустя, в 2002 г. портреты Сергея Ивановича и Лидии Григорьевны Шукиных вместе с портретом Георгия Ивановича Челпанова украсили Большую аудиторию Психологического института.

Г.И. ЧЕЛПАНОВ (1862–1936) — ПУТЬ ПОДВИЖНИЧЕСТВА И СОЗИДАНИЯ

Георгий Иванович Челпанов. 1910-е гг.

Георгий Иванович Челпанов, основоположник системы научной психологии и психологического образования в России, первый директор Психологического института, был человеком очень счастливой и одновременно безмерно трагической судьбы*.

Георгий Челпанов родился 16 (28) апреля 1862 г. на юге России, в Екатеринославской губернии. Городом его детства и юности был Мариуполь**.

История рода Челпановых тесно связана с историей начатых в XVIII в. широкомасштабных мероприятий русского правительства по переселению из Крымского ханства в Приазовье православных греков. Так, прадед Георгия Ивановича, рожденный в середине XVII в. в Крымском ханстве, вступил в самостоятельную жизнь уже российским подданным. У отца Георгия Ивановича, состоятельного мариупольского мещанина Ивана

Чолпана, было шестеро детей, Георгий был младшим из них. Семья жила в собственном одноэтажном доме на Греческой улице.

* Историко-биографические материалы о жизни и деятельности Г.И. Челпанова в разные годы были опубликованы Л.А. Радзиховским (1982), А.Н. Ждан (1993, 1994, 2008), С.А. Богданчиковым (1994, 1996, 2000, 2008, 2009, 2010), В.В. Умрихиным (1994, 2010), М.Э. Боцмановой, Е.П. Гусевой, И.В. Равич-Щербо (1994), Т.Д. Марцинковской, М.Г. Ярошевским (1999), В.А. Роменцом, И.П. Манохой, А.А. Бреусенко (2000), В.М. Летцевым (2000, 2009), Е.П. Гусевой (2008), Е.П. Гусевой, О.Е. Серовой (2007, 2009), И.В. Журавлевым (2009), Б.В. Бирюковым (2009, 2010) и др.

** Историки Мариупольского краеведческого музея проследили историю фамилии от времени переселения до 1850 г. по ревизским сказкам и далее по метрическим книгам Харлампиевского храма г. Мариуполя. Ценные сведения о жизни Г.И. Челпанова содержатся в книге «Жизнеописание заслуженных греков Украины (информативно-справочный материал 1778–2008 гг.)».

Греческая община Мариуполя отличалась серьезным отношением к вопросам воспитания и обучения детей. Во многом ее стараниями было открыто первое приходское училище, которому местная управа передала одно из лучших зданий города. С 1867 г. куратором учебных заведений Мариуполя был назначен выдающийся педагог, восприемник идей К.Д. Ушинского, видный земский деятель барон Н.А. Корф. Благодаря его усилиям преподавание учебных дисциплин и организация народного образования в уезде стали образцом для всей России.

В местном приходском училище Георгий Челпанов получил начальное образование. В течение двух лет он обучался русскому языку (грамматике), новогреческому языку, арифметике, истории, географии, закону Божьему, рисованию. Известно имя Семена Степановича Косогубова — его учителя по русскому языку, работа которого получила высокую оценку Н.И. Пирогова, исполнявшего в то время обязанности попечителя Одесского округа.

По завершении начального образования Георгий Челпанов поступил в Мариупольскую Александровскую гимназию и окончил ее в 1883 г. с золотой медалью.

В гимназические годы закладывается его устойчивый интерес к изучению психологии. Это увлечение не в последнюю очередь было инициировано полемикой о задачах и методах психологии, развернувшейся на страницах журнала «Вестник Европы» между К.Д. Кавелиным и И.М. Сеченовым — «звездами первой величины» на небосклоне русской науки XIX в. Свое окончательное оформление интерес к психологии получил под влиянием статей Николая Яковлевича Грота и особенно его магистерской диссертации «Психология чувствований в ее истории и главных основах» (1879–1880), в которой психологические вопросы были рассмотрены в широком биолого-эволюционистском диапазоне. Гимназист Георгий Челпанов полностью разделял мысль Грота о необходимости углубленного изучения естествознания для тех, кто решил специализироваться в области психологии. Подобная убежденность была вполне в духе времени: это был период «сильного... поистине трогательного увлечения естественными науками», когда имена светил естествознания «внушали молодежи какой-то священный трепет»*. Георгий Челпанов, на тот момент «очень расположенный только к эмпирической психологии», в качестве своего будущего научного руководителя избрал Н.Я. Грота — ученого-эрудита, знатока новейших методов исследования, строящего психологию на базисе физиологии**. Узнав, что Николай Яковлевич (преподававший тогда в Нежинском педагогическом институте) приглашен на должность ординарного профессора в Одессу, Георгий Челпанов осенью 1883 г. поступил

* Шенрок В.И. К биографии Н.Я. Грота // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. — СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1911. С. 18–19.

** Челпанов Г.И. Памяти проф. Н.Я. Грота // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. — СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1911. С. 188.

на историко-филологический факультет Одесского Новороссийского университета.

В этом высшем учебном заведении, организованном в 1865 г. на базе знаменитого Ришельевского лицея, обучение осуществлялось на трех факультетах: историко-филологическом, физико-математическом, юридическом. В период пребывания там Г.И. Челпанова число студентов составляло свыше шестисот человек.

Вскоре на историко-филологическом факультете сложился кружок, объединивший вокруг Грота студентов, серьезно увлеченных наукой. Сначала на квартире у самого профессора, потом в аудиториях университета назначались заседания кружка, на которых происходило горячее обсуждение философско-психологических проблем.

Ко времени обучения в Новороссийском университете относится первый самостоятельный научный опыт Г.И. Челпанова. В творческой атмосфере студенческих дебатов у него «впервые явилась мысль подвергнуть пересмотру вопрос о пространстве»*. Челпанов подготавливает материалы и в 1884 г. на заседании философского кружка делает доклад «Учение о пространстве у Канта и в современной психологии». Этот доклад явился для Георгия Ивановича началом систематического исследования проблемы восприятия пространства, которое завершилось новаторской разработкой сначала в магистерской (1896) и затем докторской (1904) диссертациях.

Г.И. Челпанов окончил университет в 1887 г., получив золотую медаль за выпускное сочинение «Опыт и разум в теории познания Платона и Аристотеля»**. Тема неразрывности и взаимоограничения эмпирических и логических методов психологического познания станет сквозной в последующих работах ученого.

Подобавший большие надежды выпускник был оставлен при Новороссийском университете для продолжения научной карьеры. Однако по мере исполнения нового университетского устава (принятого еще в 1884 г.) условия для профессионального изучения философии становятся здесь все менее благоприятными. Через год после переезда Н.Я. Грота в Москву, где он занял место на кафедре философии, Г.И. Челпанов был прикомандирован к Московскому университету с целью продолжения занятий для приготовления к профессорскому званию под руководством своего учителя. В 1887 г. он покинул Одессу.

В Москве Георгий Иванович включился в работу Московского Психологического общества***, председателем которого в 1888 г.

* Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1: Представление пространства с точки зрения психологии. — Киев: Типография Высоч. утв. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1896. С. XV.

** Научный архив РАО. Ф. 18, оп. 1. Автобиография Г.И. Челпанова, ед. хр. 1 (л. 2–9); копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. оп. 1, ед. хр. 1.

*** Московское Психологическое общество при Императорском Московском университете было создано в 1885 г. по инициативе профессора этого университета М.М. Троицкого; он же был его первым председателем. После отъезда Троицкого за границу осенью 1886 г. на ближайшем еже-

был избран Н.Я. Грот. Активная деятельность Челпанова в качестве заместителя председателя становится составной частью той надежной поддержки со стороны молодых сил в науке, без которой грандиозные планы Грота «остались бы на уровне самонадеянной затеи»*. Научная деятельность общества вызвала все больший резонанс. Сборник «Трудов Психологического общества», в котором публиковались рефераты его членов и материалы научных дискуссий, не мог справиться с решением задачи широкой популяризации философской мысли в России. В 1889 г. Н.Я. Гротом (при экономической поддержке московского купца А.А. Абрикосова) начал издаваться журнал «Вопросы философии и психологии», призванный, по его замыслу, открывать «новые точки опоры для правильного учения о мире и жизни» и формировать философские вкусы самой широкой читательской аудитории.

Г.И. Челпанов еще «будучи студентом, был уже ученым в полном смысле этого слова»**. В этот период, в самом начале своей научной деятельности, Челпанов размышляет о возможности применения в психологии достижений новых отраслей знания, о пагубности для ее успехов «кастового» профессионального сознания, не позволяющего выйти за пределы лаборатории «чистой» мысли, и о перспективе развития ее как экспериментальной науки. Этой тематике посвящен его первый, ставший программным, доклад «Общие результаты психометрических исследований лейпцигской психологической лаборатории и их значение для психологии», прочитанный им на заседании Московского Психологического общества 10 марта 1888 г. и напечатанный в журнале «Русская мысль»***. Челпанов пришел к выводу, что, решая свою основную задачу — определения взаимозависимости явлений внутренней жизни, — психологи обращаются и к тем свойствам психических явлений, по поводу которых нелогично выдвигать сложные метафизические гипотезы. При изучении таких «простейших психических актов» методологически уместно применение психометрических процедур. Психометрия может действовать с большим успехом в направлении изучения проблемы определения существования и последовательности явлений. Она решает хоть и «маленький вопрос», но все же решает****. Более того, считал ученый, измерительные методики — в силу своей

годном заседании 24 января 1888 г. на должность председателя был избран Н.Я. Грот, остававшийся на этом посту вплоть до своей добровольной отставки в 1898 г.

* Шенрок В.И. К биографии Н.Я. Грота // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. — СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1911. С. 46.

** Наши ученые // Журнал «Иллюстрированное обозрение». 1912. № 9.

*** Челпанов Г.И. Общие результаты психометрических исследований лейпцигской психологической лаборатории и их значение для психологии // Русская мысль. 1889. Кн. VIII (август). С. 159–189.

**** Челпанов Г.И. Общие результаты психометрических исследований лейпцигской психологической лаборатории и их значение для психологии // Русская мысль. 1889. Кн. VIII (август). С. 188.

специфики — приводят к получению данных, которые с помощью одного лишь самонаблюдения получены быть не могут. Подчеркивая положительную сторону опыта «приложения числа к анализу душевных явлений», Челпанов предлагал психологии путь творческого согласования и синтеза в применении как методов интроспективного изучения психических фактов, так и измерительных процедур, заимствованных из области точных наук (при условии четкого определения предмета и задачи исследования). Тем самым ученый выступил против пристрастного и ложного толкования самих принципов эмпирической психологии.

Проблема, предложенная на обсуждение Челпановым, носила непреходящий характер. В целях уточнения основных ее положений он в 1890 г. публикует статью «Об измерении психических явлений»*, в которой доказательно обосновывает специфичность измерения в психологии. В более поздней работе «Об измеримости психических явлений» (1912) Челпанов фиксирует вполне определенный вывод: «Понятие измерения не может быть применено к психическим явлениям в том смысле, в каком оно применяется в науках о природе. Этим объясняется коренная противоположность между знаниями о Природе и знаниями о Духе»**. В 1912 г. ученый вновь обратился к своему первому докладу, не утратившему органичной созвучности современному запросу науки и практики и востребованному в актуальном для начала XX в. контексте психолого-педагогической проблематики***. Повторная публикация была предварена автором методологической константой: безусловная необходимость философско-теоретических предпосылок в психологическом исследовании снимает достаточность оснований для признания характера научности только лишь за экспериментальной психологией.

8 ноября 1890 г. Челпанов блестяще выдержал магистерский экзамен при историко-филологическом факультете Московского университета, получив по истории философии, логике, этике и иностранным языкам высшие баллы. Экзамен принимали четыре профессора Университета в присутствии ректора и ассистентов. Но времени для отдыха от пережитых на экзамене волнений у Георгия Ивановича запланировано не было: на 25 ноября было назначено его выступление с рефератом о теориях апперцепции. Но заседание Психологического Общества было перенесено, и доклад «Теория апперцепции и психической активности в современной психологии» был сделан 8 декабря 1890 г., а сразу же за этим Челпанов успешно прочитал две пробные лекции в Университете перед сту-

* Челпанов Г.И. Об измерении психических явлений // Мир Божий. 1890. № 1. С. 148–163.

** Челпанов Г.И. Об измеримости психических явлений // Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину к тридцатилетию научно-педагогической деятельности. От Московского Психологического Общества. 1881–1911. М., 1912. С. 281.

*** Челпанов Г.И. Общие результаты психометрических исследований и их значение для психологии // Сборник статей (Психология и школа). — М., 1912. С. 1–33.

дентами и профессорами*. В 1891 г. Челпанов был избран исполняющим обязанности приват-доцента и в 1891/92 учебном году начал свою преподавательскую деятельность с курса лекций по психологии на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета.

На практике молодой преподаватель столкнулся с удручающим фактом: студенты, желающие получить специальность психологов, не обладали никакими, даже предварительными, знаниями в области психологии, поскольку (в отличие от других европейских стран) этот предмет в русских гимназиях не изучался. Возникла проблема языка изложения сложных категорий философского содержания. И, понимая ситуацию, Георгий Иванович был вынужден преподносить слушателям свой курс в упрощенном, элементарном виде. Такое положение дел, по его убеждению, требовало коренного преобразования. И он неоднократно на протяжении многих лет (1904–1912) поднимал вопрос о необходимости преподавания философской пропедевтики в учебных заведениях среднего звена.

В конце 1880-х гг. в личной жизни Георгия Ивановича произошли очень важные изменения. В 1888 г. он венчался с Ольгой Епифановной Иващенко в Марии-Магдалининской церкви г. Мариуполя. Его супруга была дочерью небогатого черниговского помещика Епифана Яковлевича Иващенко и Анны Иогановны (в девичестве фон Эренштрайт), предки которой вели родословную из Прибалтики. Семейная жизнь молодой четы была сопряжена с частыми разлуками, причиной которых стала служебная деятельность Георгия Ивановича. Сохранились письма, свидетельствующие об очень доверительных и заботливых отношениях, сложившихся между ними**. Ольга Епифановна была одаренным человеком, получила хорошее образование и стала незаменимой помощницей своему талантливому и энергичному супругу. Она была в курсе всех его профессиональных забот и, кроме обустройства семейного очага, занималась написанием и редактированием статей, переводами с немецкого и французского языков, распечатанием текстов, разбором рукописей и проч.

В течение полутора лет супруги находились в ожидании формального разрешения вопроса об официальном зачислении Георгия Ивановича в штат университетских преподавателей***. Но места на кафедре в Москве не было, и Челпанов принимает приглашение и в 1892 г. переходит штатным приват-доцентом в Киевский Императорский Университет Св. Владимира. К этому времени он был автором 25 печатных работ.

Учреждение Университета в Киеве с тем, «чтобы силою европейской науки сблизить и примирить разнородные элементы населения... и скрепить вековые узы юго-западного края с великою

* Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. Оп. 2. Коллекция писем. Переписка О.Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 57.

** Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. Оп. 2. Коллекция писем. Переписка О.Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 1–127.

*** Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. Оп. 2. Коллекция писем. Переписка О.Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 61.

русскою землею» (как было записано в Указе 1833 г.), преследовало как образовательные, так и политические цели. Начиная с 1880-х гг. университет вступил в пору своего расцвета, и в 1890-х гг. на четырех его факультетах — историко-филологическом, юридическом, физико-математическом и медицинском — читали лекции 69 профессоров и 32 приват-доцента. Комплекс университетских зданий был одной из самых больших застроек города. При университете работали: библиотека с фондом более полумиллиона томов, центральный Архив древних актов, метеорологическая и астрономическая обсерватории, четыре факультетских клиники, патолого-анатомический институт, ботанический сад (занимавший обширную территорию), девять лабораторий, двадцать два кабинета и др. учебные центры. Были учреждены пять научных обществ (историческое Нестора-летописца, естествоиспытателей, юридическое, физико-математическое, медицинское). С 1861 г. ежемесячно выходили журнал «Университетские Известия» и его приложение — «Сборник сочинений студентов».

Г.И. Челпанов заступает на философскую кафедру университета в то историческое время, когда позитивизм, толкуемый все более материалистически, «становится философским *specto* не одних ученых» и вытесняет из сознания самых широких кругов русского общества метафизические «призраки»*. Абитуриенты мечтали обучаться естественным наукам, число медиков и естественников среди студентов стремительно возрастало, а число желающих заниматься философией или математикой сокращалось. Философы составляли только девятую часть от общего количества студентов. В университете действовала только одна философская кафедра, на которой работал только один преподаватель в профессорском звании — А.Н. Гиляров. Перед молодым приват-доцентом Г.И. Челпановым стояла непростая задача: не заигрывая с модными «измами», суметь по существу поднять престиж философско-психологического знания.

Вступительная лекция Г.И. Челпанова, в которой по традиции новый преподаватель должен был изложить свое научное *specto*, состоялась 6 октября 1892 г. и называлась «К вопросу об априорности и врожденности в современной философии»**. Не боясь прослыть ретроградом, Челпанов определил проблему научных перспектив метафизики как базис своей научной позиции. Он привлек внимание слушателей к метафизическим основаниям теории познания ученого, обладавшего общеевропейским авторитетом, — И. Канта — и построил обсуждение таким образом, чтобы в результате каждый слушатель мог самостоятельно прийти к логически обоснованному выводу. Сделав акцент на значимости гносеологического аспекта, он выдвинул проблему содержательной эволюции научных терминов, рас-

* Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 ч. — М.- Ростов-н-Д.: Феникс, 1999. С. 282.

** Челпанов Г.И. К вопросу об априорности и врожденности в современной философии. Вступительная лекция. читанная в Университете Св. Владимира 6 октября 1892 г. Отт. из «Университетских известий». 1892. — Киев: Типография. Имп. Ун-та Св. Владимира, 1892.

крыв перед будущими исследователями одну из актуальных теоретических областей современной науки. В процессе ее анализа Челпанов доказал обоснованность предлагаемой им позиции инновационного осмысления категорий кантовской философии познания.

Оригинальный стиль изложения и научные идеи Челпанова не оставили равнодушными слушателей. Желающих посещать его последующие лекции было настолько много, что они буквально набивались в небольшую аудиторию, которую поначалу предложили молодому преподавателю. За неимением места студенты располагались и на ступеньках, прямо в ногах лектора, и даже за доской. Георгию Ивановичу порой с трудом приходилось пробираться на кафедру. Учитывая, что не все желающие (а это были не только студенты, но и преподаватели разных кафедр университета, и его профессора, и военные медики) могли попасть на лекции, администрация отвела для них самую большую аудиторию университета*. В общей сложности в Киевском университете Челпанов прочитал несколько лекционных курсов: «Психология», «Введение в психологию», «Введение в философию», «Логика», «История и критика материализма», «Критический обзор современных учений о душе», «Теория познания», «Специальный курс по теории познания», «Комментирование “Критики чистого разума”», «Учение о пространстве».

С осени 1894 г. Челпанов начал вести практические занятия, рассчитанные на студентов, желающих углубленно — «систематически» — изучать проблемы психологии. Через три года «психологический кружок» получил официальное признание, и с разрешения Министра Народного Просвещения был преобразован в Психологическую семинарию. Так в 1897 г. список научных обществ Университета св. Владимира впервые пополнился студенческим психологическим обществом. На его содержание была выделена ежегодная сумма в 250 рублей. По принятым правилам, возглавлять Психологическую семинарию должен был профессор философии, преподающий психологию; занятия должны были проходить только в вечернее время; при соблюдении первоочередности для историко-филологического отделения, в числе ее участников (общее количество которых не должно было превышать 25 человек) могли быть студенты и других отделений университета. При Семинарии работала библиотека, укомплектованная изданиями специальной литературы. На занятиях использовался комплект акустических, оптических, психометрических приборов для проведения практической работы по экспериментальной психологии. Учебное расписание было составлено таким образом, чтобы каждый студент Семинарии в течение трех лет имел возможность приобрести прочные знания по трем главным философским дисциплинам: психологии, теории познания, этике. В целях обеспечения должного уровня научной подготовки студентов Семинарии Г.И. Челпановым был разработан цикл методических пособий из семи наименований, включающих

*

Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. Оп. 2. Коллекция писем. Переписка О.Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 60.

справочно-библиографические и научно-аналитические учебные издания.

О содержании и интенсивности научной работы, развернутой в Семинарии, свидетельствуют официальные отчеты. За время учебных семестров 1897/1906 гг. было проведено около сотни заседаний, предметом научного анализа и обсуждения на них выступили фундаментальные положения психологии В. Вундта и теории познания И. Канта, учения о душе в современной психологии, ведущие научные направления в теории познания и основные положения составляющих их концепций, базисные вопросы этики, проблема реальности внешнего мира, проблема причинности, вопросы взаимодействия физических и психических явлений и пр.* Участниками Семинарии было подготовлено около сотни докладов**.

Киевская Психологическая Семинария просуществовала до 1906 г. Ее первый — пятилетний — юбилей был торжественно отмечен на публичном заседании 25 февраля 1903 г. Выступавшие на заседании студенты (Ванштейн, Маслов, Шпет) и кн. С.Н. Трубецкой в своем приветственном слове отмечали отчетливое изменение направленности философских интересов в обществе: метафизическое знание, без введения которого в науку «обойтись нельзя» (Г. Шпет), приобретало все больший авторитет. Совсем близка, считали они, эпоха идеалистического мирозерцания, единственно предлагающего человеку соразмерные его жизненному подвигу идеалы. Г.И. Челпанов был сдержан в своих прогнозах: уровень философской культуры в обществе все еще невысок, и оттого «ближайшее будущее принадлежит позитивизму». «Идеалистом быть трудно», требуются активные нравственные усилия, философский профессионализм и определенный уровень образовательной среды. «Решение вопроса, будет ли в русской умственной жизни... торжествовать идеализм или позитивизм, находится в руках университетов», — сказал Челпанов, обозначив задачу, стоящую перед российским образованием в наступившем XX веке***.

Научная деятельность, чтение лекций в университете, подготовка статей и их продвижение в информационных агентствах, проведение публичных лекций, работа в Психологической Семинарии, научные командировки составляли содержание профессиональной жизни Челпанова в киевский период. Тогда же сложился круг людей — Н.А. Бердяев, П.П. Блонский, С.Н. Булгаков, В.А. Водовозов,

* Челпанов Г.И. Отчет о деятельности Психологической семинарии за 1897–1902 гг. / Труды психологической семинарии при Университете Св. Владимира. Т. 1. Вып. 1. — Киев: Типография Имп. Ун-та Св. Владимира, 1904. С. 1–11; Челпанов Г.И. Отчет о деятельности Психологической семинарии за 1902–1906 гг. / Труды психологической семинарии при Университете Св. Владимира. Т. 1. Вып. 1. Киев: Типография Имп. Ун-та Св. Владимира, 1907. С. 1–11.

** Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891–1916 гг. Статьи по философии и психологии. — М., 1916. С. 5.

*** Челпанов Г.И. Отчет о деятельности Психологической семинарии за 1902–1906 гг. / Труды психологической семинарии при Университете Св. Владимира. Т. 1. Вып. 1. Киев: Типография Имп. Ун-та Св. Владимира, 1907. С. 3–6.

А.Н. Гиляров, И.И. Гливенко, В.В. Зеньковский, А.И. Сикорский, Е.Н. Трубецкой, О.Ю. Шмидт, Г.Г. Шпет, А.М. Щербина и др. — с участием которых оказались связаны важные события биографии Георгия Ивановича, как в эти, так и в последующие годы*.

Особая страница в процессе становления Челпанова как ученого и организатора науки — заграничные командировки, позволившие ему достоверно оценить уровень развития и преподавания научной психологии в мире. За границей он слушал лекции по физиологии у Э.Г. Дюбуа-Реймона, Э. Геринга и А. Кенига, по психологии — у К. Штумпфа и В. Вундта, практиковался в области экспериментальной психологии в Психологическом институте Вундта в Лейпциге и в Институте физиологической оптики в Берлине. Первая командировка состоялась в 1894/1895 гг., вторая — в 1897/1898 гг.

В первые годы своего пребывания в Киевском университете с 1892 по 1896 г. Челпанов публикует около 20 статей и критических рецензий в центральных журналах «Вопросы философии и психологии» (Москва) и «Мир Божий» (С.-Петербург).

В 1896 г. в Киеве выходит в свет большая научно-теоретическая работа Челпанова «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1: Представление пространства с точки зрения психологии»**, которая была подготовлена им к защите в качестве диссертации на соискание степени магистра философии. Тема, заявленная в основных чертах Челпановым еще в 1884 г., прошла с тех пор процесс длительной апробации и в лекционных курсах по психологии в Московском и Киевском университетах, и в ходе научных дискуссий в Психологической семинарии, и в его научных публикациях. Подготовленная диссертация представляла собой пример методологического синтеза гуманитарного и научно-естественного знания в области разработки фундаментальных проблем психологии.

Но по не зависящим от него причинам время защиты затягивалось. Из письма О.Е. Челпановой от 27 февраля 1895 г.: «... печатанье диссертации подвигается медленно, и о защите ее весной не может быть и речи. Впрочем, и Грот не может до лета назначить диспута, потому что и книга еще не скоро поступит, и чтобы подготовиться к оппонированию ее нужно будет немало времени для самого Грота. Раньше сентября защищать нельзя будет»***. Наконец день защиты был назначен на 25 октября 1896 г., и она состоялась на историко-филологическом факультете Московского университета. Накануне долгожданного события киевские студенты, горячо соперничающие любимому педагогу, «написали коллективное послание

* Богданчиков С.А. Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. — Саратов: СЮИ МВД России, 2000. С. 60–61.

** Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1: Представление пространства с точки зрения психологии. — Киев: Типография Высоч. утв. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1896.

*** Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 2. Коллекция писем. Переписка О.Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 83.

московским товарищам-студентам, сообщающее этим посланием о том, какая знаменитость должна защищать сего 25 октября диссертацию в их университете, и о том, как ввиду этого они должны приветствовать и отнестись к этой знаменитости». Об этом не без юмора сообщает в письме 1896 г. Ольга Епифановна*. Диспут, в ходе которого защищалась диссертация, прошел успешно. Оппонентами на защите выступили Н.Я. Грот и Л.М. Лопатин.

В 1897 г. Челпанов был избран исполняющим должность экстраординарного профессора Киевского университета по кафедре философии**.

После защиты диссертации темп научной и педагогической деятельности Челпанова не снизился. В Университете св. Владимира с неизменным успехом проходили курсы его лекций по психологии, философии, логике, этике. В типографии Киевского университета были напечатаны его лекции: по истории основных вопросов этики (прочитанные в весеннем полугодии 1897 г.), о теориях, направленных на критику материалистического направления в психологии (осеннее полугодие 1898 г.), посвященные критическому рассмотрению материализма («Мозг и душа») и обзор современных учений о душе (1898–1899 гг.), курс логики (весеннее полугодие 1900–1901 гг.), о современных философских направлениях (осеннее полугодие 1902 г.). В журналах были опубликованы статьи «Мозг и мысль (Критика материализма)» (1896), «О ценности жизни (Критика пессимизма)» (1896), «О свободе воли» (1897), «К вопросу о восприятии пространства» (1897) и обзоры новейшей литературы по психологии (за 1894–1898), по теории познания (за 1890–1898), о природе геометрических аксиом (1899), по восприятию пространства (за 1895–1898) и др. В 1900 г. Челпанов публикует работы «О памяти и мнемонике», «Очерк современных учений о душе», «Обзор новейшей литературы по теории познания (Учение об априорности числа, пространства, времени и причинности)», «Обзор литературы по трансцендентальной эстетике Канта (1870–1900)», «Моральная система утилитаризма», а в последующие годы — «Философия Канта» (1901), «Эволюционный и критический метод в теории познания» (1902), «Психология и теория познания» (1903), выходит второе издание его замечательной работы «Мозг и душа» (1903), которая была признана лучшей книгой «не только в русской, но и мировой литературе», содержащей критику «метафизического материализма» (Зеньковский)***, и др.

Магистерская диссертация задала творческий импульс для продолжения исследования проблемы восприятия пространства в новом гносеологическом ракурсе. Точка зрения Челпанова на ряд ключевых теоретико-познавательных положений, по мнению, вы-

* Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. Оп. 2. Коллекция писем. Переписка О.Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 60.

** Научный архив РАО. Ф.18, оп.1. Автобиография Г.И. Челпанова, ед. хр. 1 (л. 2–9); копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. оп. 1, ед. хр. 1.

*** Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 ч. — М.;Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. С. 10.

сказанному, в частности, Н.Я. Гротом* и В.Ф. Саводником**, требовала уточнения. Как было отмечено выше, вопрос исторической эволюции и важности установления аутентичности общепринятых значений научных терминов был озвучен Челпановым на вступительной лекции 1892 г. Необходимое продолжение и авторское разрешение он получил в труде 1904 г. «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II: Представление пространства с точки зрения гносеологии», который стал диссертационным исследованием, предоставленным Челпановым на соискание степени доктора философии***. В нем были рассмотрены: психологические вопросы восприятия пространства; дан исторический очерк теорий о врожденности познания и учения Канта об априорности; выявлено отношение, существующее между психологическими и гносеологическими аспектами познания, эволюционной психологией и априоризмом в подходах к его анализу, определены его априорные элементы; доказаны необходимость априористской теории для объяснения происхождения геометрических аксиом и реальность объективной основы пространства. Свою теоретическую позицию Челпанов определил как идеал-реализм (В. Зеньковский: телеологически трактуемый трансцендентальный реализм****). Отличительной чертой подхода Челпанова было «очень тонкое чувство того, что в проблеме реальности относится к гносеологии, а что — к онтологии, где нельзя задавать вопрос о статусе «самой реальности», а где его ставить необходимо»*****. В Киевском Университете Св. Владимира 21 марта 1904 г. «в публичном Собрании историко-филологического факультета, и. д. экстраординарного профессора магистр Г.И. Челпанов» защитил докторскую диссертацию*****. Официальными оппонентами от факультета выступали А.Н. Гиляров и Е.Н. Трубецкой*****. Важнейшим элементом

* Грот Н.Я. (рец.). Г.И. Челпанов. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. I. Представление о пространстве с точки зрения психологии. — Киев, 1896 // Вопросы философии и психологии. (Под ред. Л.М. Лопатина и В.П. Преображенского). 1896. Кн. 5 (35). Ноябрь–декабрь. С. 651–656.

** Саводник В.Ф. Несколько замечаний по поводу книги г. Челпанова «Проблема восприятия пространства» // Вопросы философии и психологии (Под ред. Л.М. Лопатина и В.П. Преображенского). 1896. Кн. 35. Ноябрь–декабрь. С. 641–650.

*** Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II: Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев: Типография т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1904.

**** Зеньковский В.В. Из «Истории русской философии» / Челпанов Г.И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. — М.: Изд-во «Круг», 1994. С. 10.

***** Журавлев И.В. О философии Г.И. Челпанова // Челпанов Г.И. Введение в философию. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. III–XX.

***** ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 343, дело № 21. Л. 5; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, л. 12.

***** ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 343, дело № 21. Л. 1; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, л. 8.

для понимания теоретических инноваций, предложенных в докторской диссертации, до настоящего времени остаются материалы полемики профессора Г.И. Челпанова (1904) с профессором А.Н. Гиляровым (1904, 1905)*.

После защиты с 7 мая Челпанову была присуждена ученая степень доктора философии**, а 1 июля 1904 г. он был официально избран ординарным профессором Киевского университета по кафедре философии и утвержден в чине статского советника***.

19 августа 1905 г. Георгий Иванович получил «бессрочную папортную книжку», которая фиксировала, что статский советник, доктор философии Георгий Иванович Челпанов, ординарный профессор Императорского Университета Св. Владимира по кафедре философии, вероисповедания православного, является кавалером ордена Св. Анны 3 ст. и Св. Владимира 3 степени****.

В 1905 г. в Киеве выходят две работы Георгия Ивановича, сделавшие его и без того популярное имя еще более известным — это «Введение в философию» и «Учебник психологии: (для гимназий и самообразования)». Первая из названных книг выдержала в течение 13 лет 7 изданий, последнее из которых датировано 1918 г.; вторая была переиздана 16 раз и последний — в 1919 г. С 1896 по 1906 г. в журналах «Вопросы философии и психологии», «Университетских известиях» и «Божий мир» Челпанов опубликовал около 30 статей и критических рецензий.

В 1906 г. Георгию Ивановичу последовало официальное приглашение из Москвы: Ученый Совет Московского университета посчитал его кандидатуру единственно достойной для избрания на должность ординарного профессора по кафедре философии и психологии после кончины ее декана кн. С.Н. Трубецкого. И Челпанов был «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 9... декабря... перемещен тем же званием в Московский Университет»*****. О реакции Историко-филологического факультета на уже состоявшийся факт официального перевода Г.И. Челпанова свидетельствует ходатайство, отправленное его деканом на имя ректора

* Гиляров А.Н. (рец.). Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии. — Киев, 1904 // Университетские известия. 1904. № 11. С. 1–19.; Гиляров А.Н. (рец.). Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии. — Киев, 1904 // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCLVI. Декабрь. С. 419–434.

** ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 343, дело № 21. Л. 5; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, л. 12.

*** Роменец В.А., Маноха И.П., Бреусенко А.А. Г.И. Челпанов: период профессорства в Университете Св. Владимира (г. Киев, 1892–1907 гг.). — Киев: «Гнозис», 2000. С. 196.

**** ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 345, дело № 108. Лл. 8–12; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, л. 20.

***** ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 345, дело № 108. Л. 3; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, л. 18.

Университета: «... В лице Г.И. Челпанова Университет Св. Владимира и Историко-филологический факультет имеют не только выдающегося ученого по кафедре философии, плодовитого и талантливому писателя, но, что встречается едва ли не реже, чрезвычайно умного имышленного преподавателя, а также блестящего лектора... Он является и организатором и душою... обнаруживающего интенсивную ученую деятельность философского семинария, привлекающего ежегодно большое количество студентов. Их не останавливает даже строгая проверка знаний, поставленная профессором Челпановым как condition qua pop принятия в состав работающих в семинарии. Опытный преподаватель, профессор Челпанов едва ли не самый строгий из экзаменаторов историко-филологического факультета, добросовестно проверяющий знания студентов... Все эти качества профессора Челпанова делают крайне сложной и трудно поправимой его потерю... За неимением вполне подходящих специалистов... придется... обратиться к конкурсу, результаты его крайне проблематичны и не могут обнаружиться ранее осеннего семестра 1907 г. До тех пор преподавание по кафедре философии... будет прервано самым болезненным образом. Ввиду этого, а также того, чтобы профессору Челпанову участвовать в оценках результатов конкурса и тем облегчить факультету возможность получить достойного продолжателя линии профессора Челпанова, Историко-филологический факультет считает продолжение службы его в университете Св. Владимира в весеннем полугодии 1907 г. для себя не только крайне желательным, но и необходимым*». Челпанов остался в Киеве еще полгода. В мае студенты подготовили любимому профессору общегородские проводы, получив разрешение на отправленное ими в Министерство Народного просвещения ходатайство «Об устройстве торжественного заседания историко-филологического факультета: для чествования профессора Университета Св. Владимира Г.И. Челпанова... по случаю его перехода в Московский Университет**». Сохранилось кредитное предписание от 3 августа 1907 г., свидетельствующее о присуждении статскому советнику Г.И. Челпанову «большой премии императора Петра Великого за сочинение "Учебник психологии"»***.

В этом же 1906 г. Георгия Ивановича постигло страшное личное горе: неожиданно скончалась его жена Ольга Епифановна. Без матери на руках у отца остались трое детей: Александр 11 лет, Наталья 8 лет и Татьяна 5 лет****.

Осенью 1907 г., избранный решением Ученого совета на должность ординарного профессора по кафедре философии и психологии,

* ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 345, дело № 108. Л. 4–14; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, лл. 16–17.

** ГА г. Киева. 1 ст. № 69. Л. 1; ксерокопия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 1, л. 18.

*** ГА г. Киева. 2 ст. № 69. Л. 1; ксерокопия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 1, л. 8.

**** Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 1. Воспоминания Татьяны Mailliard-Pagain. Рукопись. С. 1–8.

Челпанов приступает к чтению лекций в Московском Императорском университете. Благодаря самоотверженной научной деятельности Челпанова на этом посту психология обрела статус академической научной дисциплины.

Его вступительная лекция, прочитанная 19 сентября, была посвящена вопросу отношения психологии к философии, имеющему, по убеждению Челпанова, существенное значение для судьбы психологии*. Отдав долг памяти безвременному ушедшему из жизни профессору С.Н. Трубецкому, сумевшему своим научным творчеством создать «законченный очерк метафизической системы «конкретного идеализма», в которой философия приходит в такое близкое соприкосновение с религией», и тем самым доказать жизненность истинной философии**, Георгий Иванович консолидировался с тем пониманием задач науки, которое было присуще его предшественнику на университетской кафедре, и подчеркнул общность их философской позиции. Выстроив систему доказательств в защиту тезиса, что психология есть философская наука, Челпанов выявил ее взаимосвязи с метафизикой и теорией познания; показал научную несостоятельность выражения «психология без души»: поскольку исследование психической жизни необходимо требует признания активного начала, субъекта, т. е. души; обосновал базовый характер философски обработанного понятийного аппарата для результативности операциональной деятельности (описание, объяснение и классификация) при изучении психических явлений. Челпанов указал на преемственность задач психологии и философии в процессе построения науки о духе. Со стороны психологии, решение этой метазадачи принадлежит общей, теоретической или философской психологии. В ее рамках происходит приведение к единству и классификация по отношению к общей системе психологического знания тех эмпирических данных, которые находятся в распоряжении различных психологических дисциплин. Разрабатывать психологию, по мнению Челпанова, должны специалисты различных областей науки, в силу профессии обращающиеся к фактам проявления душевной жизни (лингвисты, историки, психиатры и др.); но разрабатывать систему психологии могут только психологи-философы, специалисты в области общей психологии, которая и есть собственно психология, призванная исследовать «законы духа». Следствием правильного понимания отношения, существующего между психологией и философией, по мнению Челпанова, является точное определение места естественнонаучной психологии как условия «правильного хода развития научной психологии»***.

Тема программной лекции была развита в докладе «Задачи современной психологии» (1909), прозвучавшем на втором Все-

* Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии // Вопросы философии и психологии. — М., 1907. Кн. 89 (IV). С. 309–323.

** Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии // Вопросы философии и психологии. — М., 1907. Кн. 89 (IV). С. 309.

*** Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии // Вопросы философии и психологии. — М., 1907. Кн. 89 (IV). С. 323.

российском съезде по педагогической психологии, в котором Челпанов с тех же теоретических позиций обратился к ее практически значимой стороне — вопросу о методах научной психологии*. Исходя из энциклопедичности как свойства психологического знания, он доказал единство познавательного потенциала экспериментальных и умозрительных методов исследования, абсурдность распространенного мнения о существовании и противопоставленности «двух психологий». Экспериментальный метод предполагает метод самонаблюдения: любое психическое явление получено в результате самонаблюдения и операционализируется в терминах самонаблюдения. Эксперимент в психологии не является принципиальным нововведением последних лет; его результативность подлежит количественной оценке; без теории — дедукции — он превращается в бессмысленное собирание фактов. Но применение экспериментального метода показано при решении многих современных проблем психологии. Потому в образовательных учреждениях нужно расширять работу по их изучению. Для правильной ее организации необходимо соблюдать требование первоначальности теоретического образования, предваряющего обучение собственно методам экспериментального исследования. Таким образом, выдвигая на первый план проблему «основательности» разработки эксперимента в психологии, Челпанов способствовал формированию основ профессиональной культуры психологов.

В печати Челпанов предложил к обсуждению целый ряд основополагающих теоретико-методологических проблем: о предмете психологии (1908), об экспериментальном исследовании высших умственных процессов (1909), о задачах психологии (1909), об индивидуально-психологических исследованиях (1910), о проблемах психологии и педагогики (1911, 1912).

Средством борьбы с дилетантством, стремящимся проникнуть в психологию, испытывающим пренебрежение к теоретическим знаниям и питающим заблуждение относительно степени трудоемкости сбора психологических фактов, Челпанов всегда считал воспитание культуры психологического мышления, которая должна формироваться с учебной скамьи. Заступив на новое место службы, он поднял вопрос о слабой организации преподавания психологии в Университете и ее искусственной локализации в лоне только учебных задач и необходимости самостоятельной кафедры психологии.

Начиная уже с 1907 г. при Московском университете Челпанов организует Психологическую семинарию, или Лабораторию. Работа Семинарии начинается с проведения лекционных и практических занятий по экспериментальной психологии, а через два года в план его работы были включены и научные экспериментальные исследования.

Как следует из воспоминаний одного из первых московских учеников Челпанова Н.А. Рыбникова, Георгию Ивановичу великолепно

* Челпанов Г.И. Задачи современной психологии // Вопросы философии и психологии. — М., 1909. Кн. 99. С. 285–308.

удалось подобрать людей в дружный коллектив и побудить к активной работе: «Педагог и организатор он был исключительный... (Лаборатория) помещалась в трех комнатах нового здания Университета, с левой стороны от входа, окнами к памятнику Ломоносову... Первая комната — библиотека, где можно было почитать и позаниматься. Там выставлялись очередные доклады, тезисы. Рядом — большая комната — Лаборатория. Несколько столов с аппаратурными установками. Здесь-то и велись опытные работы, причем график их был так составлен, чтобы участники работы не мешали друг другу. Последняя — дальняя комната — кабинет самого Челпанова, который там бывал почти все время, если не читал лекций. Заседания семинара и доклады по экспериментальной психологии проходили в Лаборатории. В семинаре участвовало около 20 человек, прошедших соответствующие испытания, но по экспериментальной психологии работали не все»*. Плеяду первых российских экспериментальных психологов составили студенты Г.И. Челпанова — М. Балабанов, С. Беляева-Экземплярская, Н. Гордеев, А. Казлас, К. Корнилов, С. Кравков, Н. Рыбников, Б. Северный, В. Смирнов, П. Тутышкин, К. Фридрих, Б. Холчев, В. Экземплярский.

В связи с задачами преподавательской деятельности Челпанов подготовил серию переизданий своих учебно-психологических работ: «Введение в философию» (1907, 1910), «Учебник психологии» (1907, 1909, 1910), «Учебник логики» (1907, 1909, 1911); издал курсы лекций по психологии и логике (1909).

Венцом многосторонней профессиональной деятельности Г.И. Челпанова остаются организация и открытие им первого Психологического института в Москве.

Создание в 1912 г. Психологического института явилось результатом уникального научного проекта начала XX века. Его осуществление связано как с именем Георгия Ивановича Челпанова, так и с именем знаменитого российского предпринимателя и мецената Сергея Ивановича Щукина (1854–1936). Как уже было показано выше, Челпанов был одним из первых отечественных ученых, указавшим на действительное значение психологии для любой из сфер деятельности человека, сумевшим спрогнозировать широкую научную перспективу ее будущего развития и необходимость подготовки высоко профессиональных специалистов в этой области. Для психологии, пребывающей в виде области знания, содержание которого интерпретировалось через другие науки, а понятия использовались как комментарии к проблемам философии, медицины или достижениям физиологии, профессор Челпанов выработал определение предмета и методов исследования, построил иерархическую систему ее специальных дисциплин. В разноплановой востребованности психологических знаний ученый предугадал «болевую точку» психологии как науки — возможность ее распада на отдельные отрасли, связанную с увлеченностью конкретно-практическим применением результатов в ущерб фундаментальным исследованиям, направленным на изучение сложнейших

*

ОР РГБ. Ф. 367, к. 4, ед. хр. 2. Л. 6.

законов диалектики психического. Средство предотвращения уже наметившейся в первой четверти XX века атомизации психологии Челпанов видел в создании крупного общепсихологического центра, задачей которого бы явилась консолидация «всего того, что относится к изучению духа и проявлению душевной жизни»*.

Обдумывая проект будущего института, Челпанов в 1910–1911 гг. детально ознакомился с работой и устройством психологических лабораторий, возглавляемых лучшими профессорами Германии — В. Вундтом, К. Штумпфом, К. Марбе, О. Кюльпе, — а также психологических институтов, созданных при ведущих американских университетах. Нетрудно предположить, что в рамках скудного университетского бюджета план создания высоко технологичного научного центра вряд ли бы имел свое достойное воплощение. Но экономические трудности были преодолены благодаря пожертвованиям московского купца С.И. Щукина, действовавшего в традиционном духе посильного служения своему Отечеству, характерного для лучшей части российских предпринимателей. Сумма, предложенная им на строительство и обустройство Психологического института при условии, что деньги будут переданы в полное распоряжение профессора Челпанова, а самому институту будет присвоено имя его покойной жены Лидии Григорьевны Щукиной (1864–1907), была соразмерна грандиозному замыслу ученого. В свою очередь, Георгий Иванович вложил в создание Института весь потенциал своих выдающихся организаторских способностей. В июле 1910 г. Министерством Народного Просвещения был утвержден проект здания, в конце января 1911 г. было начато, а в ноябре уже закончено его возведение. К началу учебного 1912 года Институт был готов к работе и приему слушателей.

Создание Института поставило на реальную основу преобразование психологической подготовки. Г.И. Челпановым была разработана четкая система обучения специалистов и на деле осуществлен принцип преемственности этапов психологического образования; определен необходимый для абитуриентов объем гуманитарных, математических и естественнонаучных знаний; разработаны лекционные курсы по общей, педагогической, дифференциальной психологии, а также содержание практических занятий по экспериментальной психологии.

Незаменимой методической базой выступили вышедшие в печати работы Г.И. Челпанова «Об экспериментальном методе в психологии» (1913), «К вопросу о соотношении между психофизическими методами» (1914). В 1915 г. Челпанов опубликовал «Введение в экспериментальную психологию»: книга, содержание которой составил курс его лекций 1909–1910 гг., не один год оставалась самым востребованным учебным пособием по экспериментальной психологии. В этом же году выдержали очередное переиздание учебники по психологии и логике, в 1916 г. — «Введение в философию».

*

Челпанов Г.И. Задачи современной психологии // Вопросы философии и психологии. — М., 1909. Кн. 99. С. 288.

Школа Г.И. Челпанова, так как он ее задумывал и развивал, была явлением чисто научным, т. е. свободным в своих творческих основаниях от любых идеологических привнесений. Для него был немыслим диктат в отношении мировоззренческих установок своих учеников. Уважение права каждого сотрудника на собственную социальную позицию стало традицией в стенах созданного им научного центра. Все отмечали отличающую Челпановский институт особую атмосферу доброжелательности, бескорыстия и самоотверженной преданности науке.

Институт стал высокопрофессиональной базой научных исследований и центром подготовки психологов для всей России. Он развивался как живой организм: его структура не была косной и изменялась, чутко реагируя на психологические запросы времени. Так, к началу 1920-х гг. были созданы Отделение прикладной психологии (зав. В.М. Экземплярский), Кабинет этнической и социальной психологии (зав. Г.Г. Шпет), Общество экспериментально-психологических исследований (в которое вошли специалисты разных факультетов университета).

Результаты теоретических и практических исследований сотрудников нового психологического центра нашли свое отражение в вышедшем в печати в 1914 г. первом томе Трудов Психологического института.

После революции 1917 г. Г.И. Челпанов остается в России. Известно, что один из братьев Георгия Ивановича готовился к эмиграции и предлагал ему уехать за границу, но для него и жизнь, и работа были возможны только на родине*.

В условиях чудовищных перемен, происходящих в стране, Челпанов не теряет крепости духа и продолжает начатое им дело формирования отечественной психологической науки.

В 1917 г. Челпанов осуществил свой замысел создания единого информационного центра для специалистов в области психологии: он (вместе с Г.Г. Шпетом) начал издавать журнал «Психологическое обозрение». В двух первых номерах была помещена его статья «Об аналитическом методе в психологии» (1917 и 1918 гг.). Из-за недостатка средств для финансирования журнала его выпуск пришлось прекратить в 1918 г.

В 1917 г. вышла рецензия Г.И. Челпанова на книгу В.В. Зеньковского, посвященная рассмотрению теоретической проблемы психической причинности; рецензии на книги А.П. Болтунова и Н.А. Рыбникова, в которых были проанализированы вопросы практического использования метода анкетирования и особенностей исследования представления об идеале; опубликована полемическая статья «О превращении школ в психологические лаборатории»; в 7-й раз переизданы «Учебник логики» и «Введение в философию». В 1918 г. он опубликовал острополемическую работу «Демократизация школы» и сумел переиздать весь цикл написанной им учебной литературы (6 наименований) и книгу «Мозг и душа».

*

Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 1. Воспоминания Татьяны Mailliard-Parain. Рукопись. Л. 3.

В 1919 г. Челпанов был назначен на должность декана философского факультета Московского университета, но в этом году ему удалось напечатать только «Учебник психологии» (16-е изд.).

В 1920-х гг. в системе отечественных наук воцарилось идеологическое направление, и у психологии появилась директивная потребность поиска своих оснований в русле вульгарно-механистической версии марксистской философии. Ее положения о формировании личности только социальными факторами, необходимости воспитания совсем «нового» человека, критериальной непогрешимости практики построения коммунизма и в первую очередь ее атеистически-атомистический первопринцип стали мировоззренческой почвой для возвращения идей манипулятивного управления человеком, «овладения» его психикой и искусственного конструирования у него оптимальных для решения новых политических задач свойств и качеств.

Включение психологии в идеологический контекст ознаменовалось созданием новых дисциплин — педологии и психотехники. В их рамках предполагалось под углом новейших требований «осмыслить и проверить результаты» прежних исследований, «прочистить методы и основные понятия» психологии, более того — заложить ее «фундаментальные принципы».

Для того, чтобы отвечать запросу на искусственное управление человеческим поведением, психотехники выстраивали свою теорию по образцу естественных наук, т. е. отвлеченную от рассмотрения этических, ценностных и смысловых категорий. Педологи, настроенные на массовое тиражирование «улучшенного издания человека», доказывали ненужность генетического подхода, изучения проблемы природных основ и индивидуальных различий психики, выступая за достаточность использования измерительных процедур (тестов) в психолого-педагогической работе школы. «Ученик — это реагирующий аппарат» — вот самая важная истина, которую они стремились раскрыть перед учителем.

К 1930-м гг. психологическая наука практически закончила работу по отождествлению своих принципов с правилами политической игры, но, поскольку большая игра сама выбирает себе игроков, то катастрофическое развитие событий стало для нее неизбежным.

Психология в духе вульгарного материализма, спешно создаваемая в приказном порядке, и психологическая наука, созидаемая трудами Челпанова и его последователей, по существу своих принципов были антиподами.

Глашатаями перевода психологии на «рельсы марксизма» (а фактически — атомистически-механистического материализма) в стенах Психологического института оказались К.Н. Корнилов и П.П. Блонский. Элементарные по содержанию, но отличающиеся натиском и умелым манипулированием именами великих мира сего, их выступления в печати и на публичных заседаниях Института проходили в атмосфере страха и нравственного одичания, воцарившихся в научной среде, и сыграли предписанную им роль «психической атаки», сопровождающей императивное внедрение марксизма в психологию «сверху». Левиафан новой государственности нуждался

в «подготовлении новых кадров работников просвещения» (1919) и с неотвратимостью осуществлял свою программу. Георгий Иванович, оценивая ситуацию, писал: «Когда правительство объявило, что психология должна, подобно всем наукам, разрабатываться в духе марксизма, нас обвинили в том, что мы как метафизики и идеалисты для дальнейшей работы не годимся».

В 1921 г. историко-филологический факультет Московского Университета (наряду с другими гуманитарными факультетами) был подвергнут разрушительной «реорганизации». С сентября 1922 г. начал функционировать Факультет общественных наук, призванный проводить линию партии в гуманитарных науках. Психологический институт был введен в Ассоциацию Научно-исследовательских институтов при ФОНе. Фактически он был оставлен в качестве вспомогательного учреждения по обслуживанию деятельности педагогического отделения ФОНа (предоставлять свои помещения для его работы вменялось Институту в обязанность). Его штат был составлен из 12 человек в звании действительных членов и 20 человек в звании научных сотрудников. Структурно Институт был разделен на 4 секции: общей психологии (включая историю психологии), экспериментальной, физиологической и прикладной психологии. Г.И. Челпанов был утвержден в звании действительного члена Психологического института по секции Общей психологии и почти до конца 1923 г. осуществлял руководство Институтом.

В октябре 1923 г. в результате «очень твердо» проведенной на заседании Факультета общественных наук «чистки» Г.И. Челпанов вместе с другими известными профессорами был отстранен от преподавания в университете «ввиду общественно-политических взглядов, ...идеалистического мировоззрения и т. п. соображений» (Из отчета члена Моссовета В.Я. Брюсова о ходе реорганизации Московского университета).

В ноябре 1923 г. он был уволен из Московского университета и смещен с должности директора Психологического института. Место директора Института занял К.Н. Корнилов.

Учитывая политизированную обстановку тех лет, можно с уверенностью сказать, что на развитие событий «советского периода» в жизни Георгия Ивановича повлиял и факт его принадлежности к политически «неблагонадежной» семье. Еще в 1920 г. Георгий Иванович получил от своей племянницы Софьи Васильевны известие об аресте в Мариуполе его старшего брата, а через месяц узнал, что его брат расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности.

За увольнением Челпанова, безжалостным и безнравственным, последовало и фактическое изгнание из Института его учеников В.М. Экземплярского, С.В. Кравкова, П.А. Рудика, Б.Н. Северного, П.А. Шеварева и др., и это особой болью отзывалась в сердце учителя.

Сохранился бесценный документ, относящийся к концу 1923 г. — черновой автограф ответного слова Георгия Ивановича на выраже-

ния сочувствия в свой адрес в связи с увольнением из Психологического института*.

Я глубоко тронут выражением Вашего сочувствия по поводу вынужденного ухода моего из Института и приношу искреннюю благодарность за него, но, к сожалению, Ваши судьбы оказались неразрывно связанными с моей, и это тяжелое испытание** выпало и на Вашу долю, даже в большей мере, чем на мою. Я заканчиваю свое жизненное поприще, Вы его только начинаете. Все то, что приходится на долю одной человеческой жизни, то я уже свершил. У вас же все это еще впереди, в будущем... Примите мое сочувствие и пожелание, чтобы вы не окончательно порвали с наукой и чтобы в будущем Вы все же вернулись к интенсивной научной работе...

...Что же для этого нужно сделать? Есть кодекс, в котором очень точно и недвусмысленно изложены наши психологов неоспоримые права. Этим кодексом мы до сих пор очень мало пользовались. Мы просто в него не заглядывали. Когда нас обвиняли, мы просто обижались, может быть, даже не подозревая о существовании такого кодекса.

Этот кодекс — есть сочинения Маркса и Энгельса. Его нужно изучить. Это ваш долг перед наукой. Если в глухой провинции писание Енчмена и др. принимается за подлинный марксизм, то с этим приходится мириться. Но если в Университетском городе психологи, получившие философское образование, станут без проверки считать элукубрации Енчмена марксизмом, то это будет очень унижительно для русской философской мысли. Итак, будем не покидать нашей научной психологической работы и будем всеми силами стремиться к ее реабилитации.

Если мы это сделаем, то в тот момент, когда судьба вновь нас призовет к работе, мы будем в состоянии вновь объединиться и опять составим дружную семью. И выполним свой долг перед русской наукой и культурой.

...Но что нам делать в ближайшее время?

Покидая Институт, мы лишаемся возможности вести коллективную работу и вместе с этим, конечно, утрачиваем те высокие импульсы, которые с ней связаны, но мы не будем предаваться унынию. Отдадимся временно индивидуальной работе. Так, навыки и интересы, которые приобретены за время Институтской работы, вполне гарантируют успешность нашей индивидуальной работы. Но я думаю, что мы наш долг перед русской наукой не выполним полностью, если будем думать только о личной работе и саморазвитии.

Мы должны будем всегда помнить, что мы и та наука, которой мы призваны служить, несправедливо осуждены, и что рано или поздно мы должны реабилитировать и себя, и нашу науку.

Для этого мы все здесь присутствующие должны на всех путях жизни всеми доступными нам средствами защищать психологию.

*

ОР РГБ. Ф. 326 Челпанов Георгий Иванович, к. 37, ед. хр. 60.

**

Все подчеркивания в тексте сделаны рукой Г.И. Челпанова.

...Еще так недавно очень многие из здесь присутствующих спрашивали крестины Института, а сейчас, страшно подумать, может быть, мы присутствуем на его похоронах. Какие надежды мы питали тогда. Теперь нам приходится уходить, не выполнив и четверти того, что мы надеялись выполнить. Мы стойко вынесли и бедствие войны, и все невзгоды бурного периода революции. Мало того, мы даже немножко выросли в это необыкновенно тяжелое для науки время. И вот теперь в эпоху мирного строительства революции мы должны уходить и прервать неоконченную работу! С этим, конечно, трудно мириться. Когда тяжелая колесница революции в своем порывистом шествии давит и виновит и ни в чем не повинных, мы готовы с этим мириться. Мы в этом видим что-то непреодолимое! Но когда в мирное время разрушается с таким огромным трудом созданное культурное дело и разрушается без всякой надобности, то мы с этим никак примириться не в состоянии. Если бы мы стали искать причины, то должны были бы признать, что это является результатом необыкновенно низкой культуры.

Гибель научной психологии, невольными свидетелями которой мы являемся, у нас в России есть результат нашей общей некультурности.

Ведь гонение на психологию, как какая-либо эпидемическая болезнь пронеслась по всему миру. Всюду пронесся клич «объективная психология», «психология поведения», бихевиоризм, рефлексология. Но, однако, как различно реагировали на него различные народы. Западные народы — Германия, Франция, Англия — не приняли рефлексологию. Более длительное увлечение этой последней оказалось в Америке, но посмотрите, какой энергичный отпор дали бихевиоризму и рефлексологии американские психологи... Каким слабосильным оказался по сравнению с этим организм русской психологии. Всероссийский съезд психоневрологов спасовал перед рефлексологией, даже перед такой комической фигурой, как Тутышкин.

И вот в результате нашей малокультурности научная психология стерта с лица земли русской: ни говорить, ни печатать, ни собираться — даже обсуждение научных вопросов по психологии в настоящее время не представляется возможным. Если это продлится долго, то конец психологии в России очень недалеко!

Но будет ли это положение очень длительно? Я этого не думаю.

В первую очередь Челпанов сам включился в реализацию плана по реабилитации психологии, и систему своих доказательств он построил в прогностическом контексте общемировой перспективы развития психологии в XX веке: «Для меня нет никакого сомнения в том, что психологии в будущем принадлежит первенствующее место среди других наук. Если XVIII век был веком “просвещения”, если XIX век был веком “естествознания”, то XX век будет веком “психологии”». Огромные специальные проблемы, выдвигаемые жизнью, потребуют изучения социальной психологии. Научная мысль будет направлена на изучение не природы, а человека. Не природа, а человек и его социальная структура будут главным предметом научного

интереса. Ввиду этого и русская наука должна достойным образом подготовиться к участию в работе общемировой науки.

Научное содержание этого этапа его борьбы «с дурной психологией» было отражено в шести выпусках монографии «Психология и естествознание» (1923), работах «Психология и марксизм» (1924, 1925), «Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения)» (1925); «Психология или рефлексология (Спорные вопросы психологии)» (1926), «Социальная психология или “условные рефлексы”» (1926), «Спинозизм и материализм (Итоги полемики о марксизме в психологии)» (1927) и др. Еще в работе 1900 г. «Мозг и душа» Челпанов выступил с опровержением все более укоренявшегося в обществе представления, что теория экономического материализма XIX в. есть результат и научное подтверждение материалистического мировоззрения. В 1920-х гг. он, обращаясь к анализу первоисточников (а не к той интерпретации «на злобу дня», которой заменили смысл их содержания борцы за марксизм от психологии), показал, что теория Маркса не тождественная теория вульгарного материализма и ее психологические аспекты базируются на принципе психофизического параллелизма. Соответственно, ввиду общности их основополагающего принципа, современной общей психологии в новом идеологическом контексте не требуется ревизия ни методов, ни содержания и в услугах рефлексологии (которая есть физиологическая редукция явлений душевной жизни) или учения об условных рефлексах (которое, по собственному признанию И. Павлова, есть чистая физиология мозга) и пр. в качестве своих заместителей она не нуждается. В силу внутреннего закона своего формирования в начале XX в. она выдвинула проблему исследования психологического общения, или коллективной психологии (В. Вундт) как перспективу своего дальнейшего развития, и это совпадает с общественно-исторической направленностью теории Маркса. Назрела необходимость построения новой области психологического знания — социальной психологии. В ее ограниченном специальными задачами и предметом методологическом пространстве может быть показано применение «марксистского метода». Совокупное единство индивидуальной и социальной психологии должно составить целое психологии.

Челпанов был активным участником Всероссийской конференции по научной организации труда (1921), Первого Психоневрологического съезда, на котором в январе 1923 г. сделал доклад «Предпосылки современной эмпирической психологии», выступил в дискуссиях 1926 г. во 2-ом МГУ в Москве и по приглашению Клуба ученых в Ленинграде с докладом «К столетию объективизма в психологии (О. Конт и Л. Фейербах)».

В 1924 г. Челпанов подает докладную записку в Главнауку, считая необходимым предложить специалистам Института научной философии дать взвешенную оценку невежественным и губительным для дальнейшей судьбы психологии взглядам, пропагандируемым К.Н. Корниловым, П.П. Блонским, А.Б. Залкиндом. В этом же году, пытаясь противостоять процессу развала научной работы в Психологическом

институте, бывшие его сотрудники — последователи Челпановской линии в психологии — В.М. Экземплярский, С.В. Кравков и П.А. Рудик — обратились в Главнауку с письмом, доказывающим целесообразность возвращения в Институт старых и подготовленных специалистов. Совет Института за подписью его директора К.Н. Корнилова и ученого секретаря А.Р. Лурии категорически отказал в возобновлении работы в нем «организованной группы», стоящей на принципиально чуждой Институту идеологической платформе. В 1926 г. Челпанов обратился в Главнауку с предложением об организации Института социальной психологии, способного на должном научном уровне решать проблему социально-психологических исследований. По рекомендации Учебно-консультационной комиссии был выработан план работы Секции социальной психологии, но сопротивление со стороны президиума института и Ассоциации научно-исследовательских институтов было столь сильно, что Секция на деле оказалась фиктивным образованием.

Последним официальным местом работы Г.И. Челпанова была Государственная Академия художественных наук, действительным членом которой он состоял еще с 1921 г.; Георгий Иванович работал в физико-психологической лаборатории ГАХН*.

Организатором и руководителем лаборатории был В.М. Экземплярский. Сотрудники лаборатории Н.П. Ферстер, С.Н. Беляева-Экземплярская, сестры О.А. и Н.А. Черниковы и др., получившие профессиональную подготовку в Психологическом институте, проводили исследовательские работы по изучению психофизических условий и протекания процесса эстетического восприятия, направленные на выявление сложных механизмов художественного творчества. Наряду с экспериментальными исследованиями психологи активно участвовали и в обсуждении теоретических проблем, связанных с развитием эстетики, искусствознания, психологии искусства в контексте развития гуманитарных наук в целом.

В 1926 г. Челпанов обратился в Президиум Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов с заявлением, в котором просил разрешить ему участвовать в работах Психологического института и предложил разработанный им план предстоящих экспериментальных исследований. Однако на свое заявление он получил отказ. Но все же в ГАХН ему удалось осуществить значительную часть своего плана. Челпанов в течение 6 лет возглавлял научную работу комиссии по исследованию восприятия пространства и художественного творчества. Специфика этого академического учреждения позволила ему расширить тематику начатых в молодости работ, обратившись к проблемам личности, неосознаваемости психических процессов, влияния культуры на познавательную активность человека. По итогам работы он выступил в ГАХН с докладами «Роль движений глаз в оценке красоты формы» (1924), «Психологическое объяснение красоты элементарных форм» (1925), «Роль подсознательного

*

В литературной секции ГАХН работал Александр Челпанов, сын Георгия Ивановича, который был по специальности филологом-германистом.

в процессе творчества» (1925), «Психофизическое объяснение эстетического удовольствия» (1926), «Проблемы психологии художественного творчества» (1926), «Методы художественного творчества» (1926), «Механизм творческой мысли (природа вдохновения)» (1927), «Проблема понимания чужой душевной жизни в искусстве» (1928), «Методика экспериментального изучения детского художественного восприятия» (1928), «О творчестве в науке и искусстве» (1929)*. В сборнике научных работ сотрудников ГАХН был помещен ряд статей Челпанова; в аспирантуре академии он продолжил свою педагогическую деятельность**. В 1928 г. ГАХН выдвинул кандидатуру Челпанова в члены Всесоюзной Академии наук. Под Представлением, констатирующим заслуги Г.И. Челпанова перед отечественной наукой, стояло 22 подписи, среди которых были уже известные в научном мире имена Г.Г. Шпета, А.Ф. Лосева, В.М. Экземплярского. Но тем не менее своего действия это представление не возымело.

В том же 1926 г. Челпанов публикует книгу «Очерки психологии» — одну из наиболее значительных работ этого периода. Ее содержание было направлено на разработку фундаментальных проблем психологии и возможностей их экспериментального изучения, предоставляло обширный материал для углубленного научно-психологического анализа***.

До 1929 г. Челпанов продолжал свои публичные выступления в Московском Доме ученых. Начиная с 1925 г. им были прочитаны лекции «Проблема эмерджентной эволюции на 6-м Международном философском конгрессе в Америке», «Эволюция бихевиоризма в Америке», «Структурная психология (Gestaltpsychologie) в Германии», «Новейшие психологические течения во Франции», «Закон диалектического развития в современной психологии», «Психология в эпоху Великой Французской революции»****.

До 1930 г. Челпанов работал в ГАХН в звании действительного члена академии, затем он был отчислен по сокращению штатов.

Официально пребывая все последующие годы в вынужденной отставке, Челпанов, насколько позволяли силы, продолжал трудиться на благо отечественной психологической науки. В научном архиве ПИ РАО хранятся материалы 1926–1936 гг., свидетельствующие об изобретательской деятельности Г.И. Челпанова и раскрывающие историю создания и внедрения в учебно-практическую деятельность сконструированного им уникального аппарата для демонстрации экспериментально-психологических методов. «Комбинированный

* Ждан А.Н. Георгий Иванович Челпанов // Вестник Московского университета. 1994. № 2. Серия «Психология». С. 68–73.

** Марцинковская Т.Д., Ярошевский М.Г. Неизвестные страницы творчества Г.И.Челпанова // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 99–106.

*** Первое переиздание «Очерков психологии» после выхода книги в 1926 г. было осуществлено сотрудниками Психологического института в 2006 г.: Челпанов Г.И. «Очерки психологии». — М.; Обнинск: ПИ РАО; ИГ СОЦИН, 2009.

**** Ждан А.Н. Георгий Иванович Челпанов // Вестник Московского университета. 1994. № 2. Серия «Психология». С. 68–73.

психологический прибор», как его называл Челпанов, фактически представлял собой компактную и мобильную психологическую лабораторию. Она помещалась в небольшом чемоданчике и могла быть развернута в любых условиях*.

Последние годы жизни оказались для Георгия Ивановича временем материальных лишений, болезней и тяжелейших личных утрат. Его дочери Наталье, которая вышла замуж за французского атташе, с 1930 г. был запрещен въезд в Советский Союз, и Георгий Иванович больше никогда ее не видел**. 3 марта 1933 г. при странных и до конца не выясненных обстоятельствах погибла его вторая дочь Татьяна. В 1935 г. был арестован его сын Александр по сфабрикованному «Делу по обвинению немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР (дело № Н9276)». После недолгого следствия, в декабре этого же года филологи-германисты А. Челпанов, Е. Мейер и А. Дик, занимавшиеся подготовкой к изданию «Большого немецко-русского словаря», квалифицированного судом как «контрреволюционный и фашистский», были расстреляны. 30 декабря 1935 г. от осложнения после гриппа умерла 10-летняя Мариночка — внучка Георгия Ивановича; девочка так и не привыкла к тому, что рядом не было отца, «она ждала его каждый вечер около двери»***.

Георгий Иванович Челпанов скончался 13 февраля 1936 г. Ему, тяжело болевшему последнее время, так и не решились сообщить о расстреле сына...

Проститься с Георгием Ивановичем люди приходили и 13 и 14 февраля. Психологический институт прислал очень красивые цветы. В последний путь его провожали не только родные, но все его ученики и сотрудники Психологического института. Слово о Челпанове — ученом, педагоге, прекрасном друге и человеке — произнес С.В. Кравков. Библиотека Г.И. Челпанова, насчитывающая 3000 тыс. томов, была передана Психологическому институту по просьбе его руководства****.

Георгий Иванович воспитал целую плеяду учеников, внесших значительный вклад в решение задачи научного осмысления психологических явлений. Именно в стенах Психологического института они обрели «магистральный сюжет» всей своей последующей научной деятельности. При этом рождались новые научные школы

* См.: Универсальный психологический прибор Г.И. Челпанова // *Челпанов Г.И. «Очерки психологии»*. — М.; Обнинск: ПИ РАО; ИГ СОЦИН, 2009. С. 323; Гусева Е.П., Серова О.Е. О деятельности Г.И. Челпанова по созданию технических средств для обучения и популяризации психологии (по материалам архивного фонда) // *Челпанов Г.И. Очерки психологии*. — М.; Обнинск: ПИ РАО; ИГ СОЦИН, 2009. С. 231–237.

** Наталью Георгиевну лишили права приехать на похороны отца в 1936 г.

*** Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 1. Воспоминания Татьяны Mailliard-Pagain. Рукопись. Л. 6.

**** Гусева Е.П. Из материалов личного фонда Г.И. Челпанова (описание коллекции писем) // *Альманах Научного архива Психологического института. Челпановские чтения* — 2008. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2008. С. 216.

и новые направления отечественной психологии, но ученых, представлявших эти направления, при всем разнообразии спектра проводимых исследований, отличала общность методологического воззрения на предмет психологии — единство основания, сформированного Челпановым. Продолжателям его традиции в науке принадлежит заслуга разработки самого широкого круга основополагающих проблем: *философской интерпретации психологии* (В.В. Зеньковский, В.П. Зубов, А.Ф. Лосев, Б.В. Холчев, Г.Г. Шпет), *индивидуальной психологии* (В.М. Экземплярский, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов), *психофизиологии* (С.В. Кравков, Н.И. Жинкин, Н.Н. Ладыгина-Котс, Б.М. Теплов), *педагогической и детской психологии* (В.В. Зеньковский, Н.А. Рыбников, А.А. Смирнов, В.Е. Смирнов, Б.В. Холчев, В.М. Экземплярский), *психологии искусства* (С.Н. Беляева-Экземплярская, Н.Н. Волков, Н.И. Жинкин, Б.М. Теплов), *психологии труда и психотехники* (В.М. Экземплярский, Б.М. Северный, П.А. Рудик) и др. Все это позволяет говорить о Г.И. Челпанове как о первом создателе оригинальной научной школы отечественной психологии.

В перспективе актуальных теоретико-методологических, социокультурных и научно-образовательных проблем современной психологической науки и педагогической практики специфика челпановского подхода к пониманию всего многообразия специальных научно-психологических исследований как единого проблемного поля науки о духе обретает новую степень значимости. Психологические труды самого Георгия Ивановича и его учеников, большинство которых не переиздавались со времени их первой публикации и вследствие этого на долгие годы «выпали» из сферы интерактивного научно-информационного пространства, сегодня как никогда прежде требуют вдумчивого и непредвзятого прочтения. Профессиональным психологам еще только предстоит открыть для себя всю глубину и нравственную неотразимость той научной традиции, которую заложил своими трудами Г.И. Челпанов, и на которой базировалась исследовательская практика лучших его учеников — С.Н. Беляевой-Экземплярской, Н.Н. Волкова, В.В. Зеньковского, В.П. Зубова, Б.В. Холчева, В.М. Экземплярского — сумевших в годы тотальной несвободы, не отрекаясь, продолжить разработку психологических идей своего учителя. Предстоит заново оценить степень устойчивости идеалистической основы, на которой в конце XIX — начале XX века и сложилась самобытная научно-психологическая школа, вдохновителем и организатором которой стал Г.И. Челпанов.

Но собственно научный, свободный от любых околонучных привнесений анализ произведений Г.И. Челпанова и в целом психологических идей того направления отечественной и мировой научной мысли, к которому он принадлежал, находится сегодня на начальной стадии своего осуществления. Его только предстоит совершить в процессе историко-психологических исследований качественно нового методологического уровня, используя возможности принципов новой постнеклассической парадигмы для построения философских посылок, открывающих возможности анализа психологических идей Г.И. Челпанова на современном уровне понимания.

С.И. ЩУКИН (1854–1936) — МЕЦЕНАТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Сергей Иванович Щукин. 1897 г.

О Сергее Ивановиче Щукине, чьи щедрые дары дали возможность создать Alma mater русской психологии — великолепный Психологический институт, готовый к проведению теоретических и экспериментальных исследований, а также к обучению студентов — следует рассказать особо.

С.И. Щукин был одним из виднейших российских промышленников и предпринимателей начала XX в., европейски образованным человеком. Он получил экономическое образование, окончив Высшую коммерческую академию в Баварии. Его отличал глубокий интерес к философским и психологическим наукам. Не чужда этому интересу была и семья Щукиных: брат Сергея Ивановича учился на философском отделении историко-филологического факультета Московского Университета, а старший сын — Иван Сергеевич, — будучи студентом

того же факультета, активно участвовал в работе Психологического семинария.

«Сергей Иванович Щукин, — пишет историк Н.Г. Думова, — был несомненно талантливым предпринимателем, известным своей склонностью к рискованным операциям. Он обладал почти безошибочной интуицией и смелой решительностью. В деловом мире его прозвали «министром коммерции» <...> Он играл видную роль в жизни московского купечества — был членом правления (одно время старостой) Московской купеческой управы, товарищем старшины московского купечества и почетного старосты детских приютов <...>

В 1883 г. Сергей Щукин женился на Лидии Григорьевне Кореневой, происходившей из украинского помещичьего семейства... Ее «русалочья красота», по воспоминаниям дочери П.М. Третьякова В.П. Зилоти, поражала всю Москву.

<...> Дом Щукиных стал славиться в московских высших сферах роскошными приемами и домашними концертами. Приглашение туда считалось большой честью... К Щукиным съезжался цвет московского дворянства, политические деятели, иностранные дипломаты, генералы, торгово-промышленная элита, знаменитости из мира искусства и литературы. В украшенных алыми розами залах дворца*, где звучала музыка Баха, Бетховена, Моцарта, собирались всегда: князь Юсупов, князь Сергей Щербатов, братья Михаил и Иван Морозовы, Николай Рябушинский, Сергей Сергеевич Боткин. В доме Щукиных бывали Станиславский и художник Серов, там пел Шаляпин и играл Рахманинов. Приезжая в Москву, обязательно наносили визиты Щукиным петербуржцы Дягилев и Бенуа. Частым гостем здесь был молодой художественный критик Анатолий Луначарский <...>

С.И. Щукин был известным коллекционером новой западной живописи — «искусства живого, активного, действенного, искусства сегодняшнего дня» (И. Грабарь) — и собрал первую в России и одну из лучших в мире коллекцию картин импрессионистов и постимпрессионистов, предугадав их будущее значение. Талантливый собиратель не получил художественного образования, но при выборе картин не без основания полагался на свое собственное мнение, так как был наделен редким даром — «чутьем изящного» (А.С. Пушкин). Со временем С.И. Щукин стал обладателем коллекции шедевров мировой живописи**. В 1909 г. он открыл двери своего дома на Знаменке для желающих познакомиться с его коллекцией, и чуть ли не вся московская интеллигенция прошла через его увешанные картинами залы.

Лидия Григорьевна Щукина. 1900-е гг.

* В 1882 г. И.В. Щукин купил московский дом кн. Трубецких в Б. Знаменском переулке. — Авт.

** В его коллекции, например, насчитывалось 13 картин Моне, 16 полотен Гогена, 8 — Сезанна, 5 — Дега, 4 — Ван Гога, 17 — Дерена, 9 — Марке, 7 — Руссо, вещи Ренуара, Гогена, Вламинка, Уистлера, Пюви де Шаванна, Писарро, Синьяка, Тулуз-Лотрека, Родена, Сислея и других.

В 1905–1908 гг. С.И. Щукину пришлось пережить тяжелую полосу личных трагедий: он потерял брата, двух горячо любимых сыновей (Сергея, которому было семнадцать лет, и Григория — двадцати одного года); в 1907 г., не оправившись от этого удара, скоропостижно скончалась Лидия Григорьевна. После смерти жены Сергей Иванович завещал свою коллекцию картин городу Москве, поставив условие, чтобы собрание хранилось и экспонировалось целиком. «Я не хочу, — говорил он сыну Ивану, — чтобы мои картины прятались где-нибудь в подвале и вытаскивались оттуда поодиночке или продавались». Впоследствии полотна из собрания С.И. Щукина составили гордость самых крупных музеев России»^{*}.

В память о жене Сергей Иванович, по совету сына Ивана, принял участие в создании научного института в Москве, учреждения совсем нового в России профиля — психологического.

После февраля 1917 г. С.И. Щукин стал членом Московского совета по делам искусства, куда входили художники, архитекторы, искусствоведы и коллекционеры. В годы Первой мировой войны он занялся организацией отраслевых объединений торговцев и промышленников. После Октябрьского переворота в январе 1918 г., в период борьбы советской власти с «капиталистами» Сергей Иванович был арестован по обвинению в экономическом саботаже, но вскоре освобожден. Ему предложили стать хранителем музея современного искусства (декрет о переходе его коллекции в собственность государства был подписан Лениным), в который был превращен его дом. Щукин дал согласие и поселился в домике привратника. В августе 1918 г. он вместе с сыном Иваном уехал в Германию, а в 1919 г. перебрался во Францию. В его квартире продолжали собираться соотечественники — Бенуа, Дягилев, Николай Рябушинский и многие другие. Скончался Сергей Иванович в возрасте восьмидесяти четырех лет и похоронен в Париже. Внуки и правнуки его сегодня живут во Франции и США.

 *

Думова Н.Г. Московские меценаты. — М.: Молодая гвардия, 1992. С. 22–34.

И.С. ЩУКИН (1886–1975)

Иван Сергеевич Щукин — старший сын С.И. Щукина. Окончил Московскую частную гимназию Поливанова. В 1904 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Но события 1905 г. прервали занятия. Следующей весной он приступил к занятиям в Марбургском университете в семинаре профессора Германа Когена. По возвращении в Московский университет Иван Щукин стал активным участником Психологического семинария, организованного Г.И. Челпановым. В отчете о деятельности Психологического

Иван Сергеевич Щукин. 1900-е гг.

семинария за 1907–1913 гг., составленном Г.И. Челпановым, отмечено оппонирование И.С. Щукиным доклада Б.А. Вишневого «О реальности по Беркли» (20 сентября 1908 г.), а также указан его доклад «О вещи в себе по Когену» (27 февраля 1909 г.).*

После эмиграции в 1920-ых гг. он окончил Сорбонну, жил в Париже. В начале 30-х гг. поселился в Бейруте, преподавал в Каирском университете. Иван Сергеевич Щукин стал одним из крупнейших в мире специалистов по искусству средневековой Персии, Индии и Турции. Живя и работая в Ливане, Иван Щукин собрал огромную коллекцию древнерусских икон. В октябре 1975 г., возвращаясь из зарубежной поездки, домой в Бейрут, он погиб в авиационной катастрофе — при обстреле пассажирского самолета над Александрией.

Сочинения: Персидские миниатюры (1932); Миниатюры манускриптов эпохи Теймуридов (1954)**.

* Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 4. *Челпанов Г.И.* Отчет о деятельности Психологического семинария при Московском Университете за 1907–1913 годы // Психологический институт имени Л.Г. Щукиной при Императорском Московском Университете (История, описание устройства и организация занятий). — М., 1914. С. 298–327.

** Архив Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Собрание А.А. Демской.

- a) Kritische Grundlegung des transcendentalen Realismus; b) Das Grundproblem der Erkenntnistheorie; c) Kategorienlehre; d) Neukantianismus etc; e) Die Weltanschauung der modernen Physik; f) System der Philosophie im Grundriss).

Въ теченіе осенняго полугодія имѣли мѣсто 9 засѣданій, на которыхъ были прочитаны слѣдующіе доклады:

1. Вишневецкій В. А. О реальности по Беркли (20 сент.).
Оппонентами по докладу были: ст. Щукинъ, Шилкарскій, Маштаковъ и др.
2. Корниловъ К. Н. Ученіе Канта о вещи въ себѣ по первому изданію Критики чистаго разума (18 октября). Оппонентами по докладу были: ст. Побѣдоносцевъ, Гордонъ, Савостьяновъ и др.
3. Савостьяновъ И. И. Ученіе Канта о вещи въ себѣ по второму изданію Критики чистаго разума (25 октября). Оппонентами по докладу были: ст. Фридрихъ, Гордонъ, Корниловъ и др.
4. Гордонъ Г. О. Къ вопросу о пониманіи проблемы вещи въ себѣ въ теоретической философіи Канта (1 ноября). Оппонентами по докладу были: ст. Корниловъ, Савостьяновъ, Огневъ и др.
5. Гордонъ Г. О. Разборъ противоположныхъ взглядовъ на вещь въ себѣ у Канта (8 ноября). Оппонентами по докладу были: ст. Маштаковъ, Огневъ, Боричевскій и др.
6. Петрова А. Е. Ученіе Шопенгауэра о реальности (15 ноября). Оппонентами по докладу были: ст. Фриденбергъ, Туча, Экземплярскій и др.
7. Штокмаръ В. П. Ученіе Ф. А. Ланге о реальности (22 ноября). Оппонентами по докладу были: ст. Маштаковъ, Гордонъ, Ляшкевичъ и др.
8. Маштаковъ В. И. О реальности по Шуппе (29 ноября). Оппонентами по докладу были: ст. Кунце, Васильевъ, Огневъ и др.
9. Бушуевъ. Монистическая гносеология Леклера (5 декабря). Оппонентами по докладу были: ст. Боричевскій, Ляшкевичъ, Гордонъ и др.

Въ теченіе весенняго полугодія 1908/9 года было 10 засѣданій, на которыхъ были прочитаны слѣдующіе доклады:

1. Кунце В. Р. О реальности по Виндельбанду (24 января). Оппонентами по докладу были: ст. Грифповъ, Маштаковъ, Гордонъ и др.

— 307 —

2. Грифцовъ Б. А. Ученіе Риккерта о трансцендентномъ (31 января). Оппонентами по докладу были: ст. Боричевскій, Огневъ, Маштаковъ и др.
3. Маштаковъ В. И. Понятіе объективнаго познанія у Наторпа (21 февраля). Оппонентами по докладу были: ст. Боричевскій, Щукинъ, Гордонъ и др.
4. Щукинъ И. С. О вещи въ себѣ по Когену (27 февраля). Оппонентами по докладу были: ст. Маштаковъ, Гордонъ и др.
5. Савостьяновъ И. И. О воззрѣніяхъ Кассирера на Кантову вещь въ себѣ (7 марта). Оппонентами по докладу были: ст. Боричевскій, Гордонъ и др.
6. Бабынинъ Б. Н. Проблема реальности у Вундта (11 марта). Оппонентами по докладу были: ст. Майгуръ, Гордѣевъ и др.
7. Казласъ А. А. Проблема реальности у Лотце (14 марта). Оппонентами по докладу были: ст. Разевигъ, Маштаковъ и др.
8. Рыбниковъ Н. А. О реальности по Рилу (19 марта). Оппонентами по докладу были: ст. Балабановъ, Боричевскій, Савостьяновъ и др.
9. Боричевскій Е. И. Критика идеализма у Гартмана (18 апрѣля). Оппонентами по докладу были: ст. Огневъ, Маштаковъ и др.
10. Огневъ А. И. Ученіе о реальности Канта въ пониманіи и оцѣнкѣ Гартмана (25 апрѣля). Оппонентами по докладу были: ст. Боричевскій, Маштаковъ и др.

1909/10 годъ.

Занятія Психологическаго Семинарія въ 1909/10 учебномъ году распались на: а) семинарій по этикѣ, б) просеминарій по экспериментальной психологійи и в) лабораторныя занятія по экспериментальной психологійи.

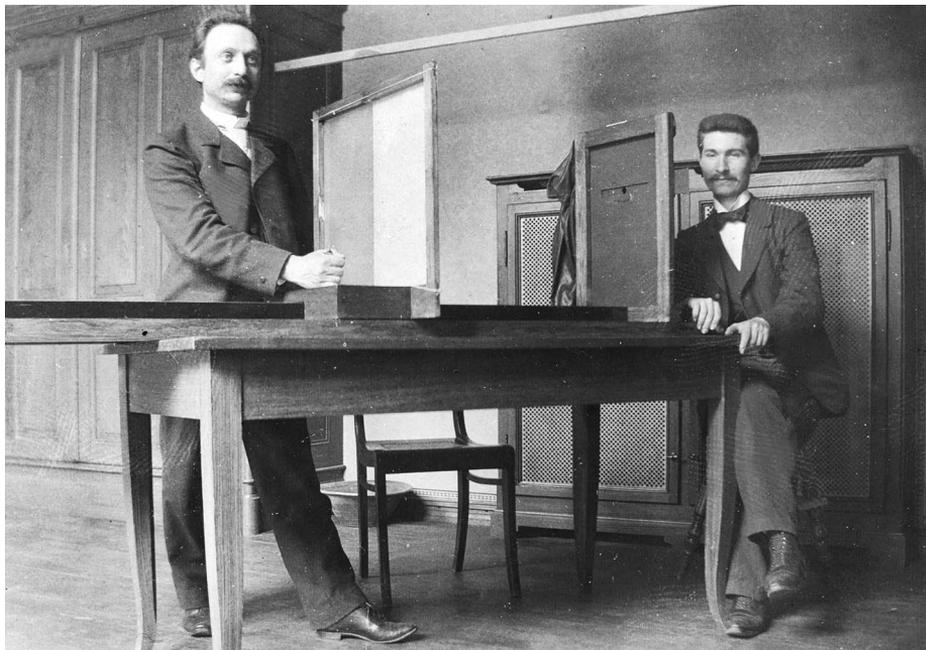
Изъ состава семинарія къ началу года вышло 9, вновь поступило 12, такъ что къ началу года состояло 49 чел.

Предметомъ занятій въ осеннемъ полугодіи 1909/10 учебнаго года въ Семинарії былъ вопросъ „**объ обоснованіи этики**“ по слѣдующему плану:

1. Обоснованіе этики по Канту (Kant. Kritik der praktischen Vernunft; Grundlegung zur Metaphysik der Sitten; Куно-

20*

Фрагмент из Отчета психологического семинария с фамилией И.С. Щукина среди оппонентов (С. 306) и докладчиков (С. 307)

Киевская Психологическая семинария. Занятия по экспериментальной психологии под руководством Г.И.Челпанова. Киев. 1898 г.

Созданию института предшествовала активная работа Г.И. Челпанова в двух небольших научных учреждениях — Психологическом семинарии при Киевском университете (1897–1906) и Психологическом семинарии при Московском университете, организатором и руководителем которых он был на протяжении ряда лет.

Деятельность Психологического семинария при Московском университете, или Лаборатории, как ее иногда называли, датируется 1907–1920-ми годами. Работа Семинария начиналась с проведения лекционных и практических занятий по экспериментальной психологии, а через два года в план были включены и самостоятельные научно-экспериментальные исследования студентов.

Как следует из воспоминаний Н.А. Рыбникова³⁷ (который был одним из первых московских сотрудников Челпанова), Георгию Ивановичу великолепно удалось подобрать людей в дружный коллектив и побудить к активной работе: «Педагог и организатор он был исключительный... Лаборатория помещалась в трех комнатах нового здания Университета, с левой стороны от входа, окнами к памятнику Ломоносову...

Первая комната — библиотека, где можно было почитать и позаниматься. Там выставлялись очередные доклады, тезисы и пр. Рядом — большая комната — Лаборатория. Несколько столов с аппаратурными установками. Здесь-то и велись опытные работы, причем их график был так составлен, чтобы участники не мешали работать друг другу.

Императорский Московский Университет. 1914 г.

Последняя — дальняя комната — кабинет самого Челпанова, который там бывал почти все время, если не читал лекций (помимо проведения занятий в Семинарии, Челпанов читал ежегодно 16 лекций и вел практические занятия³⁸. — *Ред.*). Заседания семинара и доклады по экспериментальной психологии проходили в Лаборатории. В семинаре участвовало около 20 человек, прошедших соответствующие испытания, но по экспериментальной психологии работали не все³⁹ <...> Собирались и затрагивали психологические темы не только на официальных семинарах, но и в дружеской компании за чашкой чая. Чаще всего

К.Н. Корнилов и Н.А. Рыбников — ближайшие помощники Г.И. Челпанова по созданию Лаборатории при Московском университете. 1900-е гг.

Г.И. Челпанов среди учеников. Москва. 1910-е гг.
В первом ряду справа сидит С.В. Кравков.
Стоят: 2-й слева — А.А. Смирнов, 3-й — Н.И. Жинкин

собирались у меня. Памятно собрание, на котором Корнилов впервые поведал о своих реактологических установках. Делились результатами своей работы, соображениями о планах и т. п.»⁴⁰.

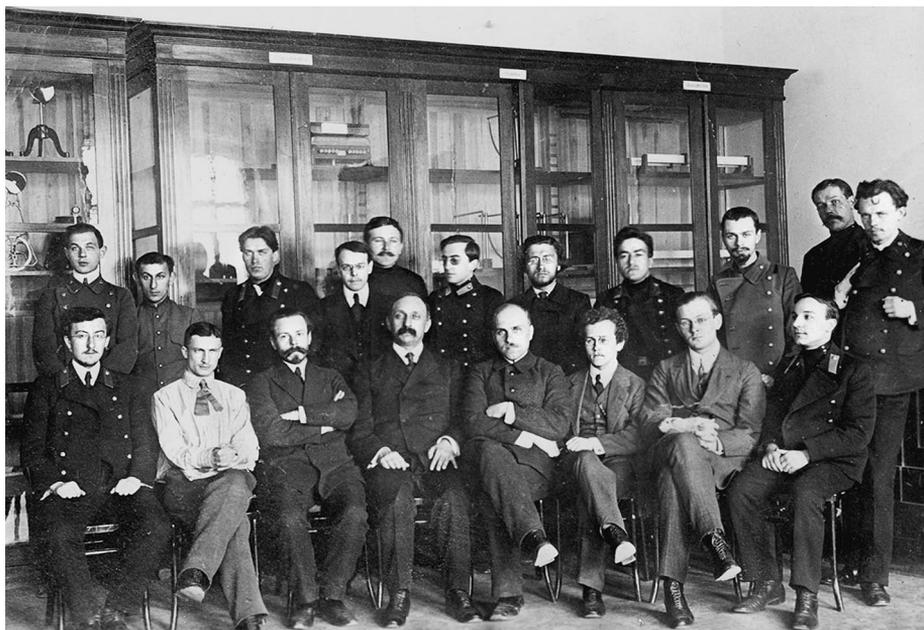
«Испытания», о которых упоминалось Н.А. Рыбниковым, заключались в следующем. Каждый желающий участвовать в работе Семинарии должен был рассказать о своих научно-психологических приоритетах, написать работу по заданной теме и продемонстрировать уровень владения иностранным(и) языком(ами). За основу для принятия того или другого решения со стороны руководителя принимались научные интересы экзаменуемого. Так, П.А. Шевареву, пожелавшему стать студентом Психологической семинарии и изучавшему французский и немецкий языки, после разговора об интересовавших его проблемах психологии и выборе направления будущих исследований «Челпанов дал книгу Титченера на английском языке, по которой Шевареву и надлежало сделать доклад»⁴¹.

Самую первую плеяду российских экспериментальных психологов составили студенты Г.И. Челпанова — М. Балабанов, С.Н. Беляева-Экземплярская⁴², Н. Гордеев, Н.И. Жинкин, В.П. Зубов⁴³, А.А. Каэлас, К.Н. Корнилов, С.В. Кравков, А.Ф. Лосев, Н.А. Рыбников, Б.Н. Северный, А.А. Смирнов, В.Е. Смирнов, Б.М. Теплов, П. Тутышкин, Н.П. Ферстер, К. Фридрих, П.А. Шеварев, Б.В. Холчев⁴⁴, В.М. Экземплярский⁴⁵.

В связи с задачами первого этапа преподавательской деятельности в московском Психологическом семинарии Г.И. Челпанов подготовил серию переизданий своих учебно-психологических работ: «Введение в философию» (1907, 1910), «Учебник психологии» (1907, 1909, 1910), «Учебник логики» (1907, 1909, 1911); издал курсы лекций по психологии и логике (1909).

В сентябре 1912 г. занятия Психологического семинария были перенесены в здание Психологического института.

Создание Института поставило на реальную основу задачу преобразования профессиональной подготовки психологов. Г.И. Челпановым была разработана четкая система обучения специалистов и на деле осуществлен принцип преемственности этапов психологического образования; определен необходимый для абитуриентов объем гуманитарных, математических и естественнонаучных знаний; разработаны лекционные курсы по общей, педагогической, дифференциальной психологии, а также содержание практических занятий по экспериментальной психологии. Студентам читался обязательный пропедевтический курс по психологии, затем велся просеминарий по экспериментальной психологии, после чего следовали специальный курс психологии и семинарий по общей и экспериментальной психологии, а также курсы по педагогической и дифференциальной психологии.

Г.И. Челпанов со студентами в Малой аудитории Психологического института. 1914 г.

Слева направо: сидят 3-й — К.Н. Корнилов, 4-й — Г.И. Челпанов, 5-й — Н.А. Рыбников, 7-й С.В. Кравков, 8-й — П.А. Шеварев

Первая плеяда российских психологов —
учеников Г.И. Челпанова

Софья Николаевна Беляева-Экземплярская (1895–1973)

Василий Павлович Зубов (1900–1963)

Борис Николаевич Северный (1888–1938)

Борис Михайлович Теплов (1896–1965)

Наталья Павловна Ферстер (1876–1968)

Борис Васильевич Холчев (архимандрит Борис) (1895–1971)

Владимир Михайлович Экземплярский (1889–1957)

Таким образом, каждый курс был связан с последующим, дополнявшим и расширявшим предыдущий, а в целом создавалась стройная и последовательная система научно-психологического образования.

Практические занятия также были организованы очень четко. В Малой аудитории, служившей для их проведения, работали одновременно 18 человек — 6 групп по три человека в каждой: экспериментатор, испытуемый, протоколист, причем роли попеременно менялись. Для каждой группы формулировалась задача экспериментального

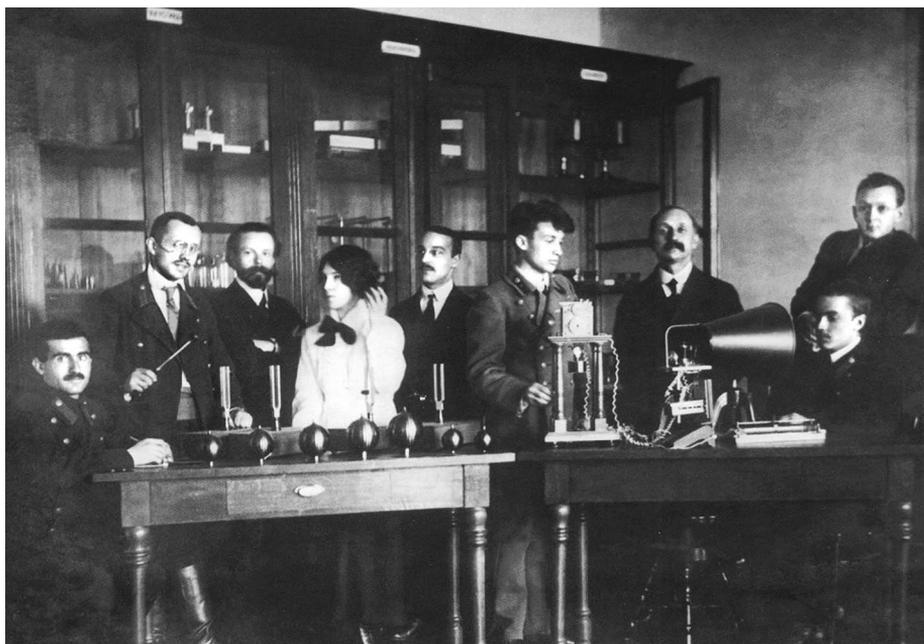
исследования, для решения которой выдавалась соответствующая аппаратура. В течение недели студент, последовательно попеременно все позиции, должен был обработать полученный материал и предоставить профессору протокол с результирующей проведенного исследования.

На новом месте и на новом уровне продолжили свою работу семинарии по теоретической и экспериментальной психологии, просеминарий по экспериментальной психологии; кроме этого, с использованием нового оборудования стали проводиться лабораторные занятия, направленные на практическое овладение навыками экспериментального исследования.

Число членов Психологического института к началу учебного года достигло 53 человек.

В отчете Г.И. Челпанова за 1912 г. были отражены подробно разработанные программы изучения методологических вопросов исследований психологии личности в теоретическом семинарии и вопросов, связанных с проблемой измерения внимания в семинарии по экспериментальной психологии. Отмечено, что на рабочих заседаниях теоретического семинария было прочитано и критически рассмотрено 15 докладов, для работы в экспериментальном семинарии было предложено 11 докладов.

Темы докладов, представленных к обсуждению членами Психологического семинария, помогают составить представление о том,

Занятие по экспериментальной психологии. Малая аудитория. 1914 г.
Слева направо: 3-й — К.Н. Корнилов, 4-я — Н.Н. Ладыгина-Котс,
5-й — А.Ф. Лосев, 7-й — Г.И. Челпанов, 8-й — С.В. Кравков.
Справа сидит А.А. Смирнов

с чего начиналась собственно научная жизнь Института. В теоретическом семинарии были прочитаны доклады: *Учение Вундта о личности* (П.А. Сычев); *Единство сознания по Гартману* (Н.В. Петровский); *Учение Липпса о личности* (И.К. Марков); *О личности по Липпсу* (П.С. Попов); *Учение Шуппе о личности и единстве сознания* (И.Н. Дьяков); *Личность по Риккерт* (С.В. Шенрок); *Изменение личности по Бине* (Н.С. Трухачев); *Личность по Жане* (М.П. Столяров); *О подсознательности* (С.Е. Бережков); *«Я» по Остеррайху* (П.К. Дале); *О подсознательном по Фрейд* (В.А. Милицын); *Учение Бергсона о личности* (К.Г. Локс); *О Бергсоне* (И.Н. Дьяков); *Учение Бергсона о личности* (Г.В. Мурашев).

Темой следующего, 1913 учебного года было изучение проблем функциональной психологии и экспериментального исследования воли. Было сделано 10 докладов в теоретическом и 7 — в экспериментальном семинарии.

А в 1914/15 учебном году в экспериментальном семинарии прорабатывалось уже 28 тем.

Темы научных исследований (1914/1915)

- ♦ *Психофизические методы в области глазомера* (руководитель — профессор Г.И. Челпанов, испытуемые — Рудик, Кравков, Никифоров, Уссит);
- ♦ *Исследование реакций по динамометрическому методу* (руководитель — К.Н. Корнилов, испытуемые — Добрынин, Шеварев, Уссит, Стеллецкий, Смирнов, Чижов);
- ♦ *Успехи логического запоминания* (Н.А. Рыбников / Дунаевский, Линтварев, Капанадзе, Стеллецкий, Грюнер, Дьяков, Изосимов);
- ♦ *О типах представлений* (В.М. Экземплярский / Дунаевский, Зайдлиц, Уссит, Кейль, Линтварев, Лосев);
- ♦ *Об отрицательных абстракциях* (В.Е. Смирнов / Загоровский);
- ♦ *Влияние упражнения на объем зрительного восприятия* (Н.П. Ферстер / Уссит, Макеев, Аристов, Блонский);
- ♦ *Методы рядов в области ощущений тяжести* (Б.Н. Северный / Дунаевский, Дьяков, Кравков, Уссит);
- ♦ *Экспериментальное исследование процесса суждения* (П.А. Сычев / Цирес, Бережков, Изосимов, Шенрок, Лосев, Смирнов, Жинкин);
- ♦ *Опыты с complicationей* (М.П. Кононова / Аристов, Чижов);
- ♦ *Волевое усилие и пульс* (А.А. Каэлас / Петровский, Капанадзе, Кейль);
- ♦ *Субъективация и объективация ощущений* (П.П. Блонский / Стеллецкий, Журавлев, Павлов, Изосимов);
- ♦ *Об условиях произвольного внимания* (Г.В. Мурашев / Попов, Петровский, Шенрок);
- ♦ *Сфигмографические и пневмографические симптомы реакций* (Н.В. Петровский / Мурашев, Аристов, Орильников);
- ♦ *Колебание внимания при световых ощущениях* (И.Ф. Добрынин / Петровский, Журавлев, Смирнов, Мурашев);

- ♦ *Об упражнении в области глазомера* (П.А. Рудик / Стеллецкий, Смирнов, Скаткин, Сорин, Ефанов);
- ♦ *Геометрические элементы композиции* (Н.В. Макеев / Цирес, Бережков, Сычев, Шернок, Стеллецкий, Волкович, Стратанович);
- ♦ *О разностном пороге по «М. Ср. Ош» и «М. М. Из»* (Д.Н. Никифоров / Ефанов, Чижов, Протоклитов, Рудик, Орильников);
- ♦ *Психическая природа представлений и понятий* (П.С. Попов / Лосев, Дунаевский, Павлов, Уссит, Смирнов, Чижов, Кейль);
- ♦ *О взаимодействии одновременных ощущений* (С.В. Кравков / Шеварев, Никифоров, Лосев, Смирнов, Кейль, Экземплярский, Сорин);
- ♦ *Анализ процесса выбора* (Д.К. Кейль / Чижов, Шеварев, Лосев, Смирнов, Кейль);
- ♦ *Исследование феноменологической стороны волевого акта* (П.А. Шеварев / Кравков, Мурашев, Кейль, Чижов, Стеллецкий);
- ♦ *Эстетическая оценка простейших пространственных форм* (Б.М. Волкович / Загоровский, Стратанович, Иваницкий, Макеев);
- ♦ *Об эстетической образности* (А.Ф. Лосев / Журавлёв, Кейль, Дьяков, Жинкин, Иваницкий, Стеллецкий);
- ♦ *Влияние усовершенствования в одной умственной способности на деятельность другой способности* (П.И. Иваницкий / Волкович, Лосев, Дунаевский);
- ♦ *Анализ процесса воспоминания в области формы и цвета* (Л.Р. Дунаевский / Северный, Грюнер, Лосев, Фортунатов, Аристов, Ечеистов, Чериковер, Кульков);
- ♦ *О детерминативном и ассоциативном течении представлений* (А.А. Смирнов / Кравков, Лосев, Жинкин, Кейль, Рудик, Шеварев, Никифоров);
- ♦ *Об условиях самообновления* (Н.И. Жинкин / Орильников, Стеллецкий, Сориш, Липсберг, Линтварев);
- ♦ *Сравнение методов постоянных раздражений и минимальных изменений в области ощущений тяжести* (К.И. Уссит / Грюнер, Северный, Фортунатов).

В начале 1914 г. Г.И. Челпанов опубликовал первый том «Трудов Психологического института», который объединил результаты проведенных научных исследований⁴⁶.

Как уже было показано, с первых же дней в Институте была организована и впоследствии отлажена четкая система подготовки будущих психологов, однако эта система несколько не исключала творческой инициативы молодых исследователей, не только не исключала, но была направлена на развитие творческой инициативы молодых исследователей. «Начинающему работнику предлагалось повторить чью-нибудь экспериментальную работу, причем перечень этих работ был указан. Обычно это были работы, вышедшие из школы В. Вундта. Но, отправляясь от данных уже проведенных исследований, большинство начинающих экспериментаторов в процессе работы далеко отходили от оригиналов. Так, К.Н. Корнилов, отправляясь от исследования, проведенного Н.Н. Ланге, сделал попытку выяснить природу простой

Г.И. Челпанов среди преподавателей и студентов Императорского Московского университета у бокового входа в Психологический институт. Слева направо: сидят в первом ряду — 2-й — Н.А. Рыбников, 4-я — Н.П. Ферстер, 5-й — Г.И. Челпанов, 6-й — К.Н. Корнилов; стоят: во втором ряду — 3-й справа — А.Ф. Лосев, 6-й справа — И.С. Шукин

реакции, уточнить, в какой мере типичные формы простой реакции определяются направлением внимания. В итоге проведенного исследования (“Динаметрический метод исследования реакции”, 1914) К.Н. Корнилов пришел к выводу, что обе основные формы реакции являются однородными, и что индивидуальные отличия в реагировании стоят в связи с темпераментом испытуемого. Вместе с тем удалось установить, что выяснение хронометрической стороны реакции совершенно недостаточно для характеристики процесса реакции в целом. Необходимо исследовать и саму реакцию. С этой целью К.Н. Корнилов использовал сконструированный им аппарат динамоскоп»⁴⁷.

Вопросы психологии эмоций были предметом исследований А.А. Каэласа. Подвергнув критической переоценке работу Н. Алексеева, автор пришел к выводу, совершенно расходящемуся с господствующими взглядами, в частности, с трехмерной теорией Вундта. Так, по данным Каэласа, перемены пульса не находятся в прямой связи с эмоциями, в них отражаются лишь «наличные при чувствованиях волевые состояния» («Волевое усилие и импульс», 1914).

Вопросам психологии памяти посвящено было исследование, проведенное Н.А. Рыбниковым. В своих опытах он отталкивался от

работы Рейтера, выполненной в лаборатории Вундта. Но в процессе работы в корне изменились направление исследования, а также его методика и содержание, и в результате была представлена новая трактовка психологии запоминания. Экспериментальная работа Рыбникова по психологии памяти оказалась во многом исходным пунктом для его дальнейшей многолетней работы в этой области исследований («Успехи логического запоминания», 1914).

Это были одни из самых первых экспериментальных исследований челпановских учеников, результаты которых в форме научных статей вместе с другими — «Экспериментальное исследование сравнения» (Б.Н. Северный), «Материал к вопросу о типах представлений» (В.М. Экземплярский), «Экспериментальное исследование процессов абстракции» (В.Е. Смирнов) — были опубликованы в первых «Трудах» Института⁴⁸.

Эти работы объединяло то, что их авторы стояли на позициях эмпирической психологии и, стремясь вывести свои исследования на уровень, достигнутый в европейских экспериментально-психологических лабораториях, уделяли много внимания методологии дальнейшего изучения выдвинутых проблем. Но конкретным выбором пути исследований, по свидетельству Н.А. Рыбникова, первые работы челпановских учеников уже заметно отличались друг от друга: «Если работы К.Н. Корнилова, А.А. Каэласа, Н.А. Рыбникова содержат смелую попытку наметить новые пути изучения, подчеркивают необходимость объективных показателей, то <...> работы В.Е. Смирнова и Б.Н. Северного базируются лишь на данных самонаблюдения. Недаром в итоге своей работы Б.Н. Северный пришел к выводам, очень близким к позиции Вюрцбургской школы. Таким образом, уже в первых работах наметилось заметное расхождение в установках работников Института. Это расхождение становилось все более заметным по мере дальнейшего развертывания работы и уточнения принципиальных позиций сотрудников»⁴⁹.

Различия в методах исследования, оцениваемые Н.А. Рыбниковым как «заметное расхождение», совершенно иначе трактовались самим Г.И. Челпановым, который был убежден, что «противоположение экспериментальной психологии прежней, неэкспериментальной, совершенно неуместно. Экспериментальной психологии, как особой психологии, нет: есть только экспериментальные методы психологии. И все содержание современной экспериментальной психологии входит в содержание психологии просто, а потому говорить о двух психологиях было бы совершенно нецелесообразно. Есть только одна психология»⁵⁰, и она предполагает многообразие теоретических подходов и экспериментальных методов в зависимости от конкретного предмета и задачи исследования.

Школа Челпанова, так как он ее задумывал и развивал, была явлением чисто научным, т. е. свободным в своих творческих основаниях от любых идеологических привнесений. Для него был немислим диктат в отношении мировоззренческих установок своих учеников. Уважение права каждого сотрудника на собственную научную и мировоззренческую

позицию стало традицией в стенах созданного им научного центра. И много лет спустя все отмечали отличающую челпановский институт особую атмосферу доброжелательности, бескорыстия и самоотверженной преданности науке.

Научные разработки многих тем, выдвинутых в первые годы существования Института в 1913–1914 гг., нашли свое продолжение (как например, изучение проблемы психологии памяти в научном творчестве А.А. Смирнова, Н.А. Рыбникова, В.М. Экземплярского) и позднее оформились в большие исследования, на основе результатов которых были написаны известные монографии: К.Н. Корниловым — о реакциях человека, Н.Ф. Добрыниным — по проблемам изучения внимания, С.В. Кравковым — ощущения и зрительного восприятия.

Твердую научную позицию занимал Институт по вопросу организации исследований по педагогической психологии. Руководство в лице директора Г.И. Челпанова возражало против поверхностной «увязки» работы психологов и педагогов на уровне научной психологии. Известна его отрицательная рецензия на работы Н.А. Рыбникова «Деревенский школьник» и «Идеалы гимназисток», выполненные с использованием метода опросников и применением статистических процедур анализа результатов исследования. При этом конкретные данные «с мест» были самостоятельно собраны учителями при отсутствии непосредственного контроля со стороны психолога. Психолог, считал Челпанов, не имеет права пользоваться данными, за корректность которых не отвечает. Такая позиция базировалась на резком неприятии Г.И. Челпановым дилетантизма в науке и на его искреннем убеждении, что «измерение душевных особенностей есть вопрос научный», требующий для своего разрешения профессиональной философско-психологической подготовки, которой школьные педагоги не обладали. «Пусть педагоги и на будущее время обнаруживают интерес к психологии вообще и к психологии ребенка в частности, но пожелаем в то же время, чтобы они ограничивались только лишь ознакомлением с тем, что делается в науке, но чтобы не делали попыток превращать школу в психологическую лабораторию с аппаратами. Школа сама по себе представляет превосходную психологическую лабораторию. Педагог имеет возможность *наблюдать, исследовать*⁵¹ детей на уроках, во время бесед, во время игр. Такого изучения вполне достаточно для вздумчивого психологически образованного педагога»⁵², понимающего, что принципиальной разницы между «старым» методом наблюдения и новомодным методом эксперимента не существует.

Признавая заглавную роль теоретической психологии в ее неразрывной связи с экспериментальной психологией, Г.И. Челпанов доказывал избыточность организации лабораторий для самостоятельных психологических исследований педагогов: без опытных руководителей, профессионально владеющих сложной процедурой организации эксперимента, при отсутствии достаточной теоретической подготовки со стороны педагога, работа таких лабораторий в лучшем случае окажется «бесплодной»⁵³. С целью повышения педагогической куль-

туры психологов, с одной стороны, и психологической культуры педагогов — с другой, а также разработки комплекса психологических методов, соразмерных в своем применении возможностям педагогической практики, Г.И. Челпанов содействовал созданию новых научно-практических «ячеек» — лабораторий, проводивших конкретные исследования по детской и педагогической психологии под руководством ученых-психологов. Так получили автономное существование лаборатории при Московском учительском доме (руководитель Н.А. Рыбников), при Московском педагогическом собрании (А.А. Каэлас), при Московском отделе народного образования (Е.В. Гурьянов), при Институте дошкольного воспитания (К.Н. Корнилов) и др.

Впоследствии такие «ячейки» создавались не только в Москве, но и на периферии, где в качестве руководителей выступали лица, получившие подготовку в Психологическом институте. Эти лаборатории, хотя и отпочковались от Института, все же продолжали быть связанными с ним: их членами были сотрудники Института, проводившие в жизнь его принципы, его методологию. Практически это были лаборатории Института, просто работавшие вне его стен. Г.И. Челпанов планировал и поддерживал создание подобных «площадок», расширяя таким образом сферу действия формирующейся в стенах Института психологической школы.

Обязательным для сотрудников Института было коллегиальное обсуждение полученных результатов экспериментальных исследований на общем собрании всех участников практикума, при этом в методику дальнейшей работы вносились уточнения и дополнения. Такая продуктивная организация экспериментального практикума позволила Г.И. Челпанову в достаточно короткое время собрать материал для написания пособия для студентов по экспериментальной психологии. «Введение в экспериментальную психологию» было издано им в 1915 г. и неоднократно переиздавалось. В дальнейшем все подобные пособия, — напр., «Практикум по экспериментальной психологии» К.Н. Корнилова, В.А. Артемова и других — строились по образцу челпановского «Введения». Книга, содержание которой составил курс лекций, прочитанных Челпановым в 1909/1910 учебном году, на протяжении длительного времени оставалась самым востребованным пособием по экспериментальной психологии для учащихся учебных заведений разного уровня. Даже спустя несколько десятилетий, в 1967 г. профессор А.Н. Леонтьев посчитал должным отметить, что это было первое и единственное пособие по психологическому практикуму на русском языке, лучшее среди аналогичных зарубежных изданий, и с чисто дидактической стороны оно и до сих пор может считаться образцовым.

Незаменимой методической базой для работы и обучения выступили и другие вышедшие в печати работы Г.И. Челпанова: «Об экспериментальном методе в психологии» (1913), «К вопросу о соотношении между психофизическими методами» (1914). В 1915 г. выдержали очередное переиздание учебники по психологии и логике, в 1916 г. — «Введение в философию».

Николай Федорович Добрынин
(1890–1981)

Петр Антонович Рудик
(1893–1983)

Иван Михайлович Соловьев
(1902–1986)

Направленность великолепных организаторских способностей Г.И. Челпанова на подготовку научных кадров не могла не дать свои плоды: многие его ученики, воспитанники Психологического института, стали известными учеными — П.А. Шеварев, Н.Ф. Добрынин, Н.И. Жинкин, С.В. Кравков, Н.А. Рыбников, П.А. Рудик, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, В.М. Экземплярский и др.

После подготовки и выхода в свет первого тома «Трудов Психологического института» (1914) важной инициативой Г.И. Челпанова стало издание с 1917 г. «Психологического обозрения» — специализированного психологического журнала. До сих пор работы психологов публиковались в философских, педагогических, медицинских и других журналах, так как своего — психологического — издания не было. С организацией нового журнала психологи получили такую возможность: в нем печатались теоретические и методологические работы сотрудников Института, публиковались результаты экспериментальных исследований. В 1917 г. начал выходить и второй психологический, но ориентированный на определенный ракурс исследований журнал «Психология и дети», под редакцией сотрудника Института И.М. Соловьева.

К началу 1920-х гг. Психологический институт им. Л.Г. Шукиной внутренне сформировался и стал тем центром, который «удерживал

внутреннее единство психологии». Все задачи, поставленные его создателем в программной речи 1914 г., были решены, сложился методологический фундамент науки, что и обеспечило ее сохранение (пусть не всегда в явном виде) в последующие годы. К этому времени Психологический институт им. Л.Г. Шукиной стал реальным образцом организационного становления отечественной психологии как академической научной дисциплины в ее синтетическом единении с практикой психологического просвещения и образования разных социальных слоев.

- ¹ Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 4. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. С. 2–3.
- ² См.: Утро России. 1914, 23 марта; Раннее утро. 1914, 23 марта; Новь. 1914, 23 марта; Русское слово. 1914, 23 марта; Голос Москвы. 1914, 23 марта; Русь. 1914, 23 марта; Столичная молва. 1914, 24 марта. Копии: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 3.
- ³ Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 1–33. Приложение. С. 1–2.
- ⁴ «Искры». Иллюстрированный художественно-литературный журнал 1914. № 13. С. 102. Копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 4.
- ⁵ *Челпанов Г.И.* О задачах Московского психологического Института // Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 3–6. Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5.
- ⁶ В дальнейшем тенденцию на сохранение общей психологии настойчиво проводил ученик Г.И.Челпанова, директор Психологического института член-корр. АПН СССР А.А. Смирнов.
- ⁷ *Рубцов В.В.* Из истории становления Психологического института им. Л.Г. Шукиной // Альманах Научного архива Психологического института. Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. Вып. 5. М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. С. 106.
- ⁸ Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 7.
- ⁹ Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 11.
- ¹⁰ Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 12.
- ¹¹ Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 15.
- ¹² Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 16.

- 13 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 17.
- 14 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 18.
- 15 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 18.
- 16 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 20.
- 17 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 21.
- 18 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 22.
- 19 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 23.
- 20 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 23.
- 21 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 25.
- 22 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 46.
- 23 Письмо профессора Корнельского университета Титченера // Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 32–33. Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5.
- 24 Два письма профессора Уестерского университета Сэнфорда // Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 30–32. Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5.
- 25 Письмо профессора Колумбийского университета Кеттела // Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 32. Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5.
- 26 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 6. *Челпанов Г.И.* Психологический институт имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете: (История, описание устройства и организации занятий). М., 1914. С. 9.
- 27 В книге здесь и далее использованы материалы коллекции фотоархива ПИ РАО. Научный архив ПИ РАО. Ф. 28–29.
- 28 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 7. American psychological laboratories by G. Tchelpanov (Professor in University of Moscow). М., 1912. С. 3.
- 29 Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 7. American psychological laboratories by G. Tchelpanov (Professor in University of Moscow). М., 1912. С. 1.

- ³⁰ Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 6. *Челпанов Г.И.* Психологический институт имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете: (История, описание устройства и организации занятий). М., 1914.
- ³¹ *Гусева Е.П., Серова О.Е.* О деятельности Г.И. Челпанова по созданию технических средств для обучения и популяризации психологии (по материалам архивного фонда) // *Челпанов Г.И.* Очерки психологии. — М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2009. С. 231–238.
- ³² Научный архив РАО. Ф. 47, оп. 1, ед. хр. 73. *Рыбников Н.А.* К истории Института психологии. Рукопись. 1952. Л. 6–7.
- ³³ *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. — М., 1975. С. 91–92.
- ³⁴ Государственный архив г. Москвы. Д. № 251. 5 мая 1910. Дело правления Императорского московского университета о постройке психологического института при Университете. Копия: Научный архив ПИ РАО.
- ³⁵ Государственный исторический архив г. Москвы. Ф. 418, оп. 241, д. 55.
- ³⁶ Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 5. Речи и приветствия на Торжественном открытии Психологического института имени Л.Г. Шукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 9.
- ³⁷ О Н.А. Рыбникове см., напр.: *Гусева Е.П.* Николай Александрович Рыбников: первый летописец Психологического института // Альманах Научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. С. 183–191.
- ³⁸ См.: *Летцев В.М.* Жизненный и творческий путь Г.И. Челпанова: борьба за психологию // Г.И. Челпанов. Очерки психологии. — М.: СОЦИН, 2009. С. 240.
- ³⁹ Н.А. Рыбников, в частности, имеет в виду П.П. Блонского, который, обучаясь на историко-филологическом отделении Киевского Университета св. Владимира, был студентом Г.И. Челпанова и участником его Психологической семинарии. Георгий Иванович привез Блонского с собой в Москву, но занятия экспериментальной психологией Блонский не стал продолжать.
- ⁴⁰ Отдел рукописей РГБ. Ф. 367, к. 4, ед. хр. 2.
- ⁴¹ Цит. по: *Журавлев И.В.* О философии Г.И. Челпанова // Челпанов Г.И. Введение в философию. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. X.
- ⁴² О жизни и деятельности С.Н. Беляевой-Экземплярской см., напр.: Челпановские чтения — 2005: Психология искусства (К 110-летию со дня рождения С.Н. Беляевой-Экземплярской). — М.: БФ «Твердислов», 2005; *Серова О.Е.* С.Н. Беляева-Экземплярская: развитие челпановского подхода к эксперименту в исследованиях восприятия музыки // Альманах Научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. С. 204–216.
- ⁴³ О жизни и деятельности В.П. Зубова см., напр.: *Зубова М.В.* Василий Павлович Зубов — «малозумный энтузиаст науки» // Альманах Научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. С. 153–168.
- ⁴⁴ О жизни и деятельности Б.В. Холчева см., напр.: Альманах Научного архива Психологического института: Челпановские чтения — 2006/2007. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2007; *Гусева Е.П.* Психолог Борис Васильевич Холчев: ученый и пастырь // Альманах Научного архива Психологического

института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. С. 143–153.

- ⁴⁵ О жизни и деятельности В.М. Экземплярского см., напр.: Альманах Научного архива Психологического института: Челпановские чтения — 2009. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2009; *Серова О.Е.* Психолого-педагогическая концепция воли В.М.Экземплярского: по страницам истории московской психологической школы // Альманах Научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. С. 168–183.
- ⁴⁶ Труды Психологического института. Психологические исследования // Ученые записки Императорского Московского университета: кн. 43. — М., 1914. Т. 1. Вып. 1–2.
- ⁴⁷ Научный архив РАО. Ф. 47, оп. 1, ед. хр. 73. *Рыбников Н.А.* К истории Института психологии. Рукопись. 1952. Л. 13–14.
- ⁴⁸ Научный архив РАО, ф. 47, оп. 1, ед. хр. 73.
- ⁴⁹ Научный архив РАО, ф. 47, оп. 1, ед. хр. 73.
- ⁵⁰ *Челпанов Г.И.* Сборник статей: Психология и школа. — М., 1912. С. 174, 207.
- ⁵¹ В цитате курсив Г.И. Челпанова. — *Авт.*
- ⁵² Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 1.
- ⁵³ *Челпанов Г.И.* Задачи современной психологии // Челпанов Г.И. Сборник статей: Психология и школа. — М., 1912. С. 99.

ГЛАВА II

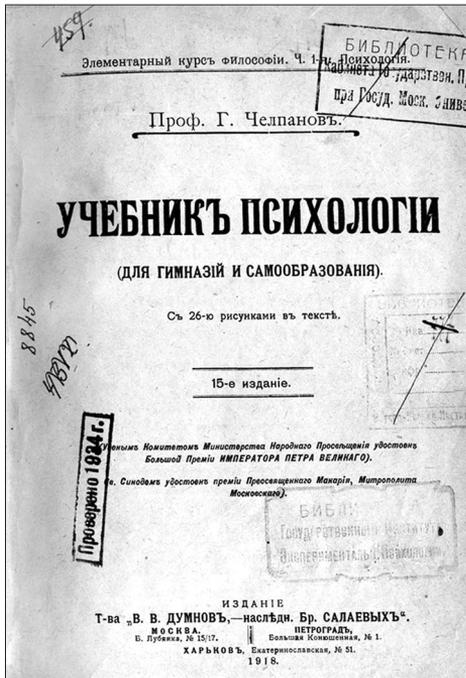
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ: РЕОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 1921–1941 гг.

Октябрьский переворот и последовавшая за ним Гражданская война стали началом уничтожения всех видов продуктивной деятельности в стране. Наука не стала исключением. Г.И. Челпанов делает все от него зависящее для сохранения Психологического института. Это был подвиг не только ученого, но и гражданина России, положившего жизнь на создание школы русской психологии. В 1918 г. в чудовищных условиях ему удается переиздать книги «Мозг и душа» (6-е изд.), «Учебник психологии» для средних учебных заведений (15-е изд.), «Введение в экспериментальную психологию» (2-е изд.).

В полемической брошюре «Демократизация школы (По поводу проекта Государственного Комитета по народному образованию)» Челпанов выступил против «демократизации» школы путем понижения уровня обучения и децентрализации школьного управления, призывая к сохранению всего лучшего, что было в российской системе образования. К 1919 г. вышли третья и четвертая книги «Психологического обозрения», они оказались последними, так как из-за недостатка средств издание журнала было прекращено.

Челпанов продолжал работу по развитию внутренней структуры Института, которая была задумана как подвижная и изменяющаяся в зависимости от психологических запросов науки и жизни. Так в Институте начало работу Общество экспериментально-психологических исследований, в которое вошли специалисты разных факультетов университета. В 1920-е гг. Челпанов, приступая к разработке методологических оснований социальной психологии, сразу же предпринимает конкретные организационно-практические шаги, и в самом начале 1920 г. в структуре Института появляется Кабинет этнической психологии (под руководством его ученика, профессора Г.Г. Шпета) и с целью «планомерного исследования проблем психотехники»¹ открывается «Отделение прикладной психологии» (под руководством учеников Г.И. Челпанова, профессора В.М. Экземплярского и Б.Н. Северного).

Но вместе с тем в 1919 г. в лаборатории экспериментальной психологии проводились исследования лишь по шести темам, в семинарии

Титульный лист книги Г.И. Челпанова. Учебник психологии. 1918

Внешний вид книги Г.И. Челпанова.

Введение в экспериментальную психологию. 1916

по теоретической психологии занималось всего восемь человек, в практикуме по экспериментальной психологии было только двенадцать участников.

В 1921 г. историко-филологический факультет Московского Университета (наряду с другими гуманитарными факультетами) был подвергнут разрушительной «реорганизации». С сентября 1922 г. начал функционировать Факультет общественных наук (далее в тексте — ФОН), призванный проводить линию партии в гуманитарных науках.

Психологический институт был введен в Ассоциацию Научно-исследовательских институтов при ФОНе. Фактически он был оставлен в качестве вспомогательного учреждения по обслуживанию деятельности педагогического отделения ФОНа. Предоставлять свои помещения для его работы вменялось Институту в обязанность. Но Г.И. Челпанов сумел по-своему распорядиться ситуацией, и в стенах Психологического института нашли себе приют закрытое Философское отделение Московского университета и Московское психологическое общество.

Структурно Институт был разделен на 4 секции: общей психологии (включая историю психологии), экспериментальной, физиологической и прикладной психологии². Секцией общей психологии и истории психологии руководил Г.И. Челпанов; в состав секции экс-

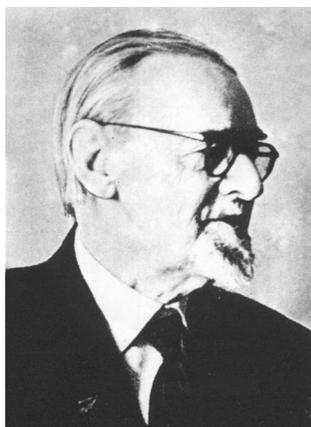

Густав Густавович Шпет
(1879–1937)

периментальной и физиологической психологии вошли Н.А. Бернштейн, К.Н. Корнилов, В.К. Хорошко, В.М. Экземплярский; в секции генетической психологии работали П.П. Соколов и Н.Н. Ладыгина-Котс; в секции прикладной психологии — Б.Н. Северный.

Кадровый состав был поделен на разряды: действительные члены, которые назначались Государственным ученым советом; кандидаты в действительные члены; научные сотрудники первого и второго разрядов. Первого разряда были удостоены такие сотрудники, как, например, А.А. Смирнов, П.А. Шеварев; по второму разряду прошли Н.А. Бернштейн, Н.Ф. Добрынин. В общей сложности штат сотрудников Института был составлен из 12 человек в звании действительных членов и 20 человек в звании научных сотрудников. Г.И. Челпанов был утвержден в звании действительного члена Психологического института по секции Общей психологии и истории психологии, практически до конца 1923 г. осуществлял руководство Институтом³.

Ситуация 1920-х гг. показала, насколько «область науки беспорядочно и сложно переплетается с другими сторонами государственной,

Николай Александрович Бернштейн
(1896–1966)

общественной, нравственной жизни личностей и групп»⁴. В эти годы в системе отечественных наук воцарилось идеологическое направление, и у психологии появилась директивная потребность поиска своих оснований в русле вульгарно-механистической версии марксистской философии.

Сохранилась статья из берлинского журнала «Дни» за 1923 г. Ее автор — непосредственный участник событий 1920-х гг. — характеризует особенности развития науки в РСФСР в тот период и особенности «совсем специфических», по его выражению, условий работы советских психологов, которые в другой обстановке показались бы просто абсурдными: «Своеобразно понимаемая марксистская идеология является тормозом свободных изысканий не только в области экономических наук, обществоведения, философии и т. п. В этих дисциплинах вопрос решается часто очень просто: немарксист прямо признается негодным для данной науки. Если, например, выслать и удалить всех философов немарксистов, то этим самым устанавливается правильная база для работы в области философии. Наиболее благополучно дело обстоит с математикой, техникой, медициной и точными науками, — ну, как, например, отличить буржуазный или пролетарский уклон в чистой математике. С естествознанием дело уже несколько хуже, — на дарвинизм кладется печать государственного одобрения, все остальное оказывается под запретом. В наихудшем положении, однако, находятся науки исторические, гуманитарные, науки о духе»⁵.

После разгрома, произведенного в университете, возможностей для работы старого преподавательского состава практически не было: профессию травили и тоже старались «поставить на марксистские рельсы», непокорных преподавателей изгоняли. В 1930 г. в Париже вышел юбилейный сборник, посвященный Московскому университету. Из опубликованных в сборнике мемуаров В.В. Стратонова: «Профессора претерпевали материальные и моральные тяготы, но еще могли сохранять достоинство, оставаясь просто беспартийными. Аполитичность еще терпелась. Это уже после погрома 1922 г. — под непрерывной угрозой потери места, а следовательно, голода — профессура оказалась вынужденной изучать Маркса и по приказу выносить претящие чувству и достоинству резолюции... Но до того времени можно было, уйдя глубоко в себя, отводить душу в преподавательской и научной работе. Так и поступала в массе профессура, более преклонная по возрасту.

Иначе было с более молодым университетским персоналом. Некоторые еще живо помнили о тяготившем их, иногда слишком “генеральском”, отношении к ассистентам, лаборантам и пр. со стороны профессоров, возглавлявших кафедры; от этого молодежь теперь фактически была освобождена. А затем — молодые приват-доценты, не менее как с трехлетним преподавательским стажем, сами автоматически стали профессорами. И вся университетская преподавательская молодежь (ассистенты, лаборанты и др.) приобрела не только равенство голоса с профессурой, но и почти равное материальное обеспечение. Кто же, в тайниках души, озлобится из-за увеличения своих прав»⁶.

Павел Петрович Блонский
(1884–1941)

Глашатаями перевода психологии на «рельсы марксизма» (а фактически, атомистичеки-механистического материализма) в стенах Психологического института оказались К.Н. Корнилов и П.П. Блонский.

Элементарные по содержанию, но отличающиеся натиском и умелым манипулированием именами великих мира сего, их выступления в печати и на публичных заседаниях Института проходили в атмосфере страха и нравственного одичания, воцарившихся в научной среде, и сыграли предписанную им роль «психической атаки», сопровождающей императивное внедрение марксизма в психологию «сверху». Левиафан новой государственности нуждался в «подготовлении новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма» (Программа ВКП(б), 1919) и с неотвратимостью осуществлял свою задачу.

Судьба Челпанова была предрешена. Ведь психология в духе вульгарного материализма, спешно создаваемая в приказном порядке, и психологическая наука, созидаемая трудами Челпанова и его последователей, *по существу своих принципов были антиподами.*

Георгий Иванович, оценивая ситуацию, писал одному из своих учеников: «Когда правительство объявило, что психология должна, подобно всем наукам, разрабатываться в духе марксизма, нас обвинили в том, что мы, как метафизики и идеалисты, для дальнейшей работы не годимся»⁷.

Очевидец Очевидец — автор уже упомянутой статьи — повествовал обо всем гораздо более подробно: «За последнее время в Психологическом институте до сих пор, благодаря бдительной охране Г.И. Челпанова, относительно благополучно пережившем все невзгоды безвременья, два ученика Г.И. Челпанова — К.Н. Корнилов и П.П. Блонский — выпустили по книге с возвещением новой эры в сфере психологической науки. Авторы в них пытаются доказать бесполезность всех исследований в данной области, не стоящих на их точке зрения... Дело принимает совсем недоброкачественный оборот, когда это связывается с вопросом

о том, марксист ли тот или иной психолог или же он противодействует материалистической революционной волне». Экспериментальная психология, как полагало большинство ученых, а priori защищена от всяких обвинений в мистицизме, поскольку именно она внедряет естественнонаучные методы исследования в область наук о духе. Но «два недавних публичных заседания Психологического института в Москве показали, что и экспериментальная психология может оказаться наукой, вредной для РСФСР. Эти заседания имели несомненно крупное общественное значение: помимо того, что здесь собрались все представители данной науки разных направлений и представители смежных с психологией дисциплин, огромный наплыв слушателей, аплодисменты и шиканье, возгласы из публики, кулуарные краткие дебаты — все это свидетельствовало об очень напряженной атмосфере <...> Ввиду разных нападков на Институт за то, что «он не отзывается на новые веяния в психологической науке», Челпанов решил выступить и доказать научную безупречность практикуемых в институте методов; с этой целью еще за неделю к дверям были прибиты «тезисы» доклада Челпанова. Они отличались большой скромностью, и, если хотите, элементарностью. Автор пытался выяснить, что психология может плодотворно развиваться при взгляде на науку как на эмпирическую дисциплину; привнесение же всяких посторонних принципов, как спиритуализма, так и материализма, вроде материализма Корнилова и Блонского, вредит чистоте исследования. <...> Корнилов объявил, что Челпанов «сменил вехи» своей науки, что он, будучи всегда представителем философской психологии, решил, выбитый из колеи революцией, поступиться своими принципами и свести все дело к эмпирической психологии; а между тем для плодотворного развития этой науки в социалистическом государстве необходим чисто марксистский и материалистический подход. Тщетно многие ученики Челпанова (и даже коммунист Гордон) пытались разуверить г. Корнилова. Пошел разговор о различии философского материализма и исторического материализма, пришлось выслушать ссылки на Плеханова, Энгельса и т. д. Следующий доклад г. Блонского с авторефератом его психологии вызвал еще больший наплыв публики и еще более интенсивное возбуждение. Блонский пытался свергнуть и ликвидировать всякую психологию, эту «бесплодную деву, рождающую дефективных детей». Аргумент в пользу такого упразднения очень прост: душа, анимистическое представление дикарей, давно потеряла кредит в науке; когда она разбилась на множество явлений, то эти осколки пытались сохранить под названием душевных явлений или душевных переживаний. Однако такое понимание тоже сплошь анимистично и примитивно-вульгарно. На самом деле никакого сознания нет вовсе»⁸.

П.П. Блонский был по своим политическим убеждениям эсером (в Киеве Г.И. Челпанов не раз выручал своего студента из опасных ситуаций), и подобная резкость тона, вероятно, от него была все же ожидаема. Но К.Н. Корнилов, успешно проводивший в течение десяти лет с помощью интроспективного метода экспериментальные

Г.И. Челпанов с учениками
в Большой аудитории Психологического института. 1922 г.
В первом ряду слева направо: П.А. Рудик, А.А. Смирнов, Б.Н. Северный,
В.М. Экземплярский, Г.И. Челпанов, Н.П. Ферстер, С.В. Кравков, П.С. Попов,
С.Н. Беляева-Экземплярская, Н.И. Жинкин. Во втором ряду 4-й слева —
П.А. Шеварев, 6-я — В.А. Бубнова, 11-я — А.М. Орлова, 12-я — А.Н. Залеская

исследования, достаточно неожиданно для всех теперь стремился «трактовать психологию как естественную науку, оторвать ее от идеалистической психологии», утверждая, «что отнесение к философским наукам только тормозит развитие научной психологии, делает ее насквозь умозрительной», и к обличительным сентенциям, добавляя, что именно такого рода психология получила «особенно яркое выражение в школе профессора Г.И. Челпанова»⁹. В 1921 г. он опубликовал монографию «Учение о реакциях человека с психологической точки зрения», в которой резко разошелся с принципами челпановской методологии. Затем он резко разошелся и с требованиями научной этики, превратившись в политически ангажированного гонителя своего наставника.

Впервые со дня основания Института в его стены проникли политические страсти.

Однако и в условиях идеологических нападок научная жизнь здесь активно продолжалась: ни Г.И. Челпанов, ни верные ему ученики не прекратили психологических исследований. Силу духа и высокий профессионализм научной школы Челпанова показала работа I Всероссийского съезда по психоневрологии, который проходил в Москве 10–15 января 1923 г. Г.И. Челпанов был председателем Психологической секции и членом президиума съезда.

Программа Психологической секции
I Всероссийского съезда по психоневрологии¹⁰

- ♦ *Бехтерев В.М.* Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии.
- ♦ *Кольцов Н.К.* Генетический анализ способностей человека.
- ♦ *Челпанов Г.И.* О предпосылках современной эмпирической психологии.
- ♦ *Нечаев А.П.* К вопросу о классификации душевных явлений.
- ♦ *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм.
- ♦ *Болтунов А.П.* О научных заслугах Бинэ.
- ♦ *Экземлярский В.М.* К вопросу о типах представления.
- ♦ *Рудик П.А.* Об упражнении в области глазомера.
- ♦ *Кравков С.В.* О реакции на сходные упражнения.
- ♦ *Шеварев П.А.* К вопросу об экспериментальном исследовании воли.
- ♦ *Добрынин Н.Ф.* Об автоматической регистрации показаний хроноскопа.
- ♦ *Сотонин К.К.* О методике исследования внушаемости.
- ♦ *Экземлярский В.М.* О дифференциальной психологии.
- ♦ *Смирнов В.Е.* Исследования мышления подростков.
- ♦ *Соколов П.П.* Объективное изучение страха.
- ♦ *Челпанов Г.И.* Демонстрация универсального психологического аппарата (осмотр Психологического института).
- ♦ *Котс Н.Н.* Исследование познавательной способности шимпанзе.
- ♦ *Челпанов Г.И.* К методике опроса при исследовании высших умственных процессов.
- ♦ *Добрынин Н.Ф.* Экспериментальное исследование внимания.
- ♦ *Мальцева Е.А.* Об основных элементах слуховых ощущений.
- ♦ *Беляева-Экземлярская С.Н.* К психологии музыкальных восприятий.
- ♦ *Петровский Н.В.* Психологическая природа сознания реальности.
- ♦ *Северный Б.Н.* Экспериментальное исследование процессов сравнения.
- ♦ *Ферстер Н.П.* Образование привычек в области зрительно-моторных координаций.
- ♦ *Смирнов А.А.* О свободном течении представлений.
- ♦ *Сотонин К.К.* По поводу мнимо-непосредственной передачи в опытах академика В.М. Бехтерева.

Все происходящее на секции по психологии этого представительного собрания долгие годы было принято описывать только в идеологическом ракурсе — с точки зрения дискуссии о возможности марксистской психологии. Но это было, прежде всего научное мероприятие с насыщенным графиком обсуждения именно научно-психологических проблем. Большая часть докладов участников секции была посвящена изложению данных, полученных в экспериментальных исследованиях. Проведенная работа доказала, что за годы войн и революций челпановская школа сумела не только выжить, но поднявшись на более высокую ступень, прийти к съезду с новыми и интересными результатами. Это

было свидетельство успешного развития и роста психологической науки в России к началу 1920-х гг. как в теоретическом, так и в прикладном направлениях. По словам профессора П.О. Эфрусси — ученицы знаменитого Мюллера, участницы Съезда, не задействованной в политических разборках, происходящих в русской психологии тех лет, — следовало спокойно ожидать дальнейшего расцвета русской психологии, усовершенствования методов, уже доказавших свою эффективность, углубления проблем и расширения области практического использования научных результатов. Но на пленарных заседаниях «неожиданно с большой остротой выступила другая тенденция, направленная в сторону отрицания правомерности психологии в том виде, как она развивалась до сих пор. Наиболее острым вопросом, от которого зависит судьба психологии в России, оказался, как это ни странно, вопрос о методах психологии. Выяснению спорных вопросов служили четыре доклада: Г.И. Челпанова «О предпосылках современной эмпирической психологии», В.М. Бехтерева «Субъективное и объективное изучение личности», К.Н. Корнилова «Психология и марксизм» и П.П. Блонского «Психология как наука о поведении»¹¹. Методологический редукционизм последних докладчиков приводил к построению странной, по определению Эфрусси, «сумеречной» психологии, в которой все многообразие душевных переживаний должно было быть сведено к одному рефлексу.

Г.И. Челпанов выступил с методологическим докладом на вечернем заседании 10 января. Отметив как условие последующего обсуждения тот факт, что научная психология с 1922 г. поставлена перед необходимостью своего реформирования в согласии с идеологией марксизма, ученый с научной убедительностью выстроил систему доказательств: отрицание сознания есть отрицание гуманистического направления в учении Маркса, исходящего из понятия цельного человека, а рефлексология, отрицающая реальность сознания и сводящая душевные явления к материальным, — которую утверждали Корнилов и Блонский и которой хотели заменить немарксистскую эмпирическую психологию, — есть не что иное, как вид механистического материализма и находится в решительном противоречии с марксистской философией. Более того, отстаивая независимость эмпирической психологии от всех видов натурфилософии, Г.И. Челпанов указывал, что специально марксистской психологией может быть только социальная психология, изучающая генезис «идеологических форм» по марксистскому методу, а «эмпирическая и экспериментальная психология марксистской так же стать не может, как не может стать марксистской минералогия, химия, физика».

К.Н. Корнилов доказывал свой тезис о том, что эмпирическая психология стоит в прямом противоречии с марксизмом, поскольку ее самые известные представители — Вундт, Джемс, Бэн и др. — являются идеалистами; кроме того, она является индивидуальной психологией, изучающей абстрагированную, насквозь интеллектуализированную и лишенную актуального характера личность. Вывод — «эмпирическая

психология есть идеологический сколок с породившей ее эпохи индивидуализма». Ближе к марксизму стоят, по мнению Корнилова, психология поведения и рефлексология. Но им также в определенной мере присущи негативные черты: наивно-материалистическая точка зрения, биологизм и тот же индивидуальный характер. Если эмпирическая психология повинна в переоценке самонаблюдения как метода исследования, то рефлексология — в недооценке его. Марксистская же психология должна исходить из диалектического материализма, рассматривать психику как частный вид общебиологических процессов, свойство организованной материи, признавать пространственность психических процессов и изучать поведение человека как совокупность его реакций на биосоциальные раздражители. В число методов психологии должны быть включены сравнительно-генетический и диалектический методы. Обвинив профессора Челпанова в том, что он назвал Маркса эмпирическим дуалистом и извратил основы диалектического материализма, К.Н. Корнилов заключил тем, что марксистская психология должна исходить из американской психологии поведения.

П.П. Блонский из-за болезни не смог выступить, и с содержанием несостоявшегося доклада знакомился по двум его статьям «Реформа науки» (1919) и «Очерк научной психологии» (1921).

Достаточной научной аргументации оппоненты Г.И. Челпанова привести не смогли. Один из «реформаторов», А.Б. Залкинд, чтобы оправдать ситуацию, придал ей в своей статье о съезде вид обучающей ступени: «Доклад Корнилова на съезде и все прочие выступления по вопросу об идеологической ревизии психологии приходится рассматривать как первичный зародышевый этап марксистского штурма на последнюю твердыню мистицизма и метафизики. Конечно, нет оснований думать, что бой кончится скоро. Должного вооружения у марксистов в этом вопросе еще нет»¹². В целях решения определенной политической задачи сами материалы заседаний Съезда не были опубликованы в сборнике тезисов или докладов. При освещении его работы в СМИ вносились нужные купюры и расставлялись соответствующие акценты, направленные на формирование образа победившей поборников психологического мистицизма когорты марксистско-мыслящих передовых советских ученых, реализующих идею фундаментальной перестройки психологии в русле марксистской теории. Идеологические конструкторы советской психологии понимали, что «реформа психологии, начинающаяся с разрушения всего ее костяка, с отрицания сразу и предмета ее, и рабочих гипотез, и испытанных методов, попытка строить новую психологию на пустопорожном месте объективной психологии человека была... равносильна ее самоупразднению»¹³.

В октябре 1923 г. «ввиду общественно-политических взглядов, ... идеалистического мировоззрения и т. под. соображений» в результате «очень твердо» проведенной на заседании Факультета общественных наук кадровой «чистки» Г.И. Челпанов вместе с другими известными профессорами был отстранен от преподавания в университете (Из от-

чета члена Моссовета В.Я. Брюсова о ходе реорганизации Московского университета)¹⁴.

В ноябре 1923 г. Г.И. Челпанов был уволен из Московского университета и смещен с должности директора Психологического института.

Место директора Института занял К.Н. Корнилов.

Институт был еще раз реорганизован и сменил название — теперь он назывался Московским государственным институтом экспериментальной психологии. Основная проблематика исследований была сосредоточена на изучении реакций в русле реактологической теории К.Н. Корнилова. Была объявлена и новая цель деятельности Института: стать флагманом марксистской психологии. Кадровый состав Института существенно изменился: после увольнения Г.И. Челпанова были изгнаны и его ученики — продолжатели научной линии своего учителя, все те, кому Институт был обязан своим существованием — В.М. Экземплярский, С.В. Кравков, П.А. Рудик, Б.Н. Северный, П.А. Шеварев, С.Н. Беляева-Экземплярская и др. По официальному распоряжению штат Института был увеличен более чем вдвое, и вскоре были набраны новые сотрудники.

Георгий Иванович призывал своих учеников не предаваться унынию, использовать время для индивидуальной работы, никогда не забывая, что они и та наука, которой они призваны служить, осуждены несправедливо, и надо приложить все усилия, для того чтобы были реабилитированы и они, и та психология, которую они создали.

В первую очередь Челпанов сам включился в реализацию плана по реабилитации психологии, и систему своих доказательств он построил в прогностическом контексте общемировой перспективы развития психологии в XX веке: «Для меня нет никакого сомнения в том, что психологии в будущем принадлежит первенствующее место среди других наук. Если XVIII век был веком “просвещения”, если XIX век был веком “естествознания”, то XX век будет веком “психологии”. Огромные специальные проблемы, выдвигаемые жизнью, потребуют изучения социальной психологии. Научная мысль будет направлена на изучение не природы, а человека. Не природа, а человек и его социальная структура будут главным предметом научного интереса. Ввиду этого и русская наука должна достойным образом подготовиться к участию в работе общемировой науки». Г.И. Челпанов пришел к выводу: эмпирическая психология имеет все необходимые логические предпосылки для своего эффективного развития в том виде, как она сложилась на настоящий момент и перестройки не требует, но назрела необходимость построения новой области психологического знания — социальной психологии. Только в ее методологическом пространстве, ограниченном специальными задачами и предметом, может быть уместно применение «марксистского метода». Совокупное единство индивидуальной и социальной психологии должно составить целое психологии.

Научное содержание этого этапа его борьбы «с дурной психологией» было отражено в 6-ти выпусках монографии «Психология и естествознание» (1923), работах «Психология и марксизм» (1924, 1925),

«Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения)» (1925); «Психология или рефлексология (Спорные вопросы психологии)» (1926), «Социальная психология или “условные рефлексы”» (1926), «Спинозизм и материализм (Итоги полемики о марксизме в психологии)» (1927) и др.

Даже пребывая вне стен Психологического института Г.И. Челпанов находил возможности корректировки направления его научной работы.

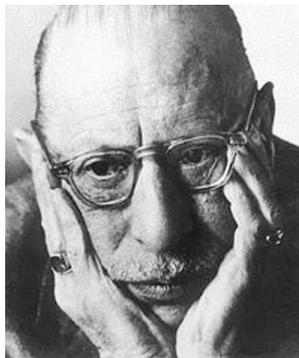
Весной 1924 г. он составил и подал в Главнауку докладную записку, где указывал, что толкование идеологии марксизма К.Н. Корниловым, П.П. Блонским и А.Б. Залкиндом является ошибочным и оказывает губительное влияние на судьбы научной психологии в России. Как считал Г.И. Челпанов, материализм указанных профессоров является механистическим, а психология ими прямо подменяется рефлексологией, что в результате выльется в ее совершенное устранение. «Мы считаем совсем ненормальным, чтобы вся Россия и все русские психологи в своей научной работе руководились указаниями лиц, совершенно несведущих в марксизме», — писал Г.И. Челпанов и предлагал передать рассмотрение этого вопроса Институту научной философии, членами которого являлись известные теоретики марксизма¹⁶.

Эта докладная записка вызвала ответную реакцию со стороны К.Н. Корнилова, А.Б. Залкинда и П.П. Блонского, которые, как оказалось, в отношении вопроса рефлексологии не были едины.

А.Б. Залкинд сразу же обвинил Г.И. Челпанова в передержках, утверждая, что рефлексология — материалистическая дисциплина, которую «пролетариат может и должен использовать».

К.Н. Корнилов писал, что всегда критично относился к этой дисциплине, считая марксистскую психологию синтезом рефлексологии с эмпирической психологией. Свое объединение с рефлексологами он назвал тактическим: «ввиду моей резкой критики ... рефлексологии мне было указано, что из тактических соображений лучше воздерживаться от этой критики, хотя она и правильна по существу, и блокироваться с рефлексологами, для того чтобы окончательно сбить с позиции умозрительную, субъективную психологию». В ответе Корнилов много места уделил своему тезису о материальности и пространственности психических явлений. В ходе дискуссии он вывел вопрос пространственности / непространственности за рамки проблемы «марксизм и психология», предположив возможность его автономного рассмотрения вне исходного вопроса о сущности психического. Отсюда указание на то, что непростительной ошибкой Челпанова является утверждение психологии как науки о душе. Выдернув по цитате из трех книг Челпанова, свидетельствующих, по мнению Корнилова, о его безусловном расхождении с марксизмом, он сообщил о необходимости указанный материал, как имеющий «крупное принципиальное значение», направить в ЦК партии.

В том же стиле, но еще в более резком тоне, выдержан ответ П.П. Блонского. Он не преминул напомнить, что челпановский

Арон Борисович Залкинд
(1888–1936).

«Учебник психологии» снискал одобрение царского Министерства просвещения и Синода, и даже был удостоен премии митрополита Макария. «Неужели, — ставя под сомнение возможность перевоспитания Челпанова, писал Блонский, — какой-нибудь мало-мальски уважающий себя и науку ученый изменит весь ход своих научных исследований, вплоть до выводов, не потому, что он понял ошибочность направления своих работ, но потому, что на днях вышел такой-то циркуляр Главнауки». Одновременно, как и Корнилов, он каялся, что ему пришлось сократить свою «правильную критику рефлексологии» по указанию свыше. Блонский признавал вопрос о непространственном характере психических явлений действительно спорным и ставил перед Институтом научной философии ряд вопросов, направленных на выяснение некоторых различий в формах существования материи.

Как следует из вышеприведенного, неустойчивость методологических позиций К.Н. Корнилова, П.П. Блонского, А.Б. Залкинда компенсировалась умелым перескальзыванием на устойчивые теоретические положения своего противника и утверждением марксистских деклараций с помощью внеученных, административно-политических приемов.

Осенью 1924 г. три бывших сотрудника Института — В.М. Экземплярский, С.В. Кравков и П.А. Рудик — направили в Главнауку письмо, в котором обращали внимание на то, что произошедшее в результате реорганизации Института устранение почти всего состава его научных сотрудников — от действительных членов до молодых исследователей, имеющих специальную подготовку, опыт исследовательской работы и научных публикаций — нецелесообразно: «в последние годы в области психологии нарастает целый ряд актуальных тенденций, реализовать которые теперешнему составу... едва ли окажется по силам»¹⁷. В письме было показано, что планы К.Н. Корнилова вести работу Института в совершенно новом направлении не осуществились (по крайней мере за истекший год); более того, что К.Н. Корнилов «не предлагает каких-либо новых путей или приемов исследования для психологии», что он

Александр Романович Лурия
(1902–1977).

«остается в пределах подготовки, полученной им в школе Г.И. Челпанова, — а следовательно, старые сотрудники, имеющие ценную подготовку и опыт, могут по-прежнему принимать участие в этой работе».

Предложение встретило решительный отпор со стороны К.Н. Корнилова. Был созван Совет Института, на котором принято постановление, утверждающее, что Институт никогда не препятствовал «отдельным» сотрудникам работать в институте, но введение в институт «организованной группы», стоящей на принципиально противоположной Институту платформе, «совершенно немыслимо». Соответствующее письмо было направлено в Главнауку за подписью директора Института К.Н. Корнилова и секретаря Института А.Р. Лурии.

К этому времени Институт уже был преобразован в психологическую секцию Института научной философии, но реально функционировал в качестве полноценного научно-исследовательского института, особенностью и ценностью которого было, как указывалось в составленной К.Н. Корниловым осенью 1924 г. докладной записке с описанием его работы, «исключительное богатство специально оборудованного помещения». К.Н. Корнилов отдавал должное заслугам профессора Челпанова в обеспечении Психологического института всем необходимым для проведения экспериментально-психологической работы. Но вносил актуальное дополнение, что психологический эксперимент при отсутствии специальной биологической подготовки исследователей «сплошь и рядом вырождался». Выход из тяжелой ситуации, грозящей в будущем большими потерями, Корнилов видел, во-первых, в создании при Институте лаборатории по изучению функций нервной системы, в планах которой должно быть предусмотрено гистологическое изучение мозга, физиологическое изучение функций нервной системы на животных, включительно до опытов, разработанных И.П. Павловым; во-вторых — организации в Институте измерительного физического практикума, который бы обеспечил ознакомление с точными методами широкого круга измерительных процедур, применяемых в современной физике.

В связи с этим следует напомнить, что необходимость естественнонаучной подготовки сотрудников и необходимость работы практикума по изучению методов измерения в науке была провозглашена еще Г.И. Челпановым; соответственно, В.М. Экземплярский, С.В. Кравков и П.А. Рудик были правы, когда писали, что ничего принципиально нового К.Н. Корниловым в работу Института было не внесено. Инициированные по его распоряжению занятия по диалектическому материализму и марксистской социологии для сотрудников второго разряда, пожалуй, можно не считать, ведь он сам писал, что они необходимы только для того, чтобы углубить познания сотрудников, «поскольку мы имеем дело с марксистским контингентом».

Всего в 1924 г. в Институте работал 91 человек.

Структура и кадровый состав Института (1924)

1. Подсекция по *общей психологии* — действительные члены К.Н. Корнилов и П.П. Блонский, сотрудники 1-го разряда — А.Р. Лурия и В.Е. Смирнов, сотрудники 2-го разряда — 6 человек (сотрудники 2-го разряда в записке, составленной К.Н. Корниловым, поименно не называются. — *авт.*);
2. Подсекция по *психопатологии* — действительный член А.Б. Залкинд, один сотрудник 1-го разряда и один сотрудник 2-го разряда;
3. Подсекция по *социальной психологии* — действительный член М.А. Рейснер и один сотрудник 2-го разряда;
4. Подсекция по *психотехнике* — сотрудники 1-го разряда И.Н. Шпильрейн и С.П. Геллерштейн и один сотрудник 2-го разряда;
5. Подсекция по *зоопсихологии* — сотрудник 1-го разряда В.М. Боровский и один сотрудник 2-го разряда;
6. Подсекция по *детской психологии* — сотрудник 1-го разряда С.Н. Шпильрейн.

Исаак Нафтулович Шпильрейн (1891–1937)

Соломон Григорьевич Геллерштейн (1896–1967)

Характеризуя *направления и содержание работы* Института за 1924 г., К.Н. Корнилов выделил шесть направлений: 1) подготовка сборника «Психология и марксизм»; 2) разработка тем для научно-экспериментальных исследований: работы по заказу РКИ, Санупра, Реввоенсовета, ПУРа, которые принимаются в ходе предварительного обсуждения на закрытых научных конференциях (напр., психологическое обследование красноармейцев, изучение словаря красноармейца и т. д.); 3) организация открытых конференций, на которых с докладами выступали сотрудники Института; 4) интенсификация производственных задач механической мастерской (работа по заказам); 5) практикум по экспериментальной психологии со студентами ФОНа и 6) занятия с учителями Московского уезда по педагогической психологии.

Как видно из этого перечня, собственно научно-исследовательской работе внимания в институте, возглавляемом К.Н. Корниловым, почти не уделялось: было указано лишь десять лабораторных исследований, но, видимо, в силу незначимости данного вопроса для институтской жизни, темы исследований не были указаны.

Достаточно информативным представляется описание *финансового положения* Института на 1924 г.: «На всю нашу психологическую секцию мы имеем 7 полных ставок по 3,5 червонца. Распределяем мы их таким образом, что только один секретарь А.Р. Лурия, на которого падает громадная техническая работа, получает полную ставку, все другие сотрудники получают или по 1/2 ставки, или работают бесплатно. Если принять во внимание, что большинство сотрудников Института, учеников профессора Челпанова, не пошло к нам на работу и нам пришлось приглашать идейно близких нам людей иногда из других городов (т. Лурия — из Казани, т. Выгодский — из Гомеля, т. Чучмарев — из Харькова), каковых сотрудников, не связанных с Москвой, приходится обеспечивать в первую очередь, если учесть, что из 10 научных сотрудников пока ни один еще не получает содержания, станет ясным, что вся работа держится пока на энтузиазме группы людей, увлеченных заманчивой перспективой научной работы в институте, который действительно по условиям своей работы представляет нечто исключительное»¹⁸.

В 1925 г. Наркоматом просвещения было принято Постановление о создании в Институте психоаналитического отдела вместо ликвидированного Психоаналитического института. К.Н. Корнилов в своем письме, отправленном в Коллегию Наркомпроса, доказывал невозможность реализации данного решения: «Считая психоанализ, как цельную систему, как мировоззрение в области психологии, принципиально неприемлемым, коллегия Государственного Института экспериментальной психологии находит эти широкие психоаналитические задачи не совместными с задачами Института, который стремится изучить человеческую психику с точки зрения марксизма, диалектического материализма». Подобная аргументация возымела свое действие, и Постановление было отменено.

Сотрудники Государственного института экспериментальной психологии. 1925 г.

Слева направо: сидят – 2-й – А.Р. Лурия, 3-й – Л.С. Выготский, 6-й – Н.Ю. Войтонис, 7-й – К.Н. Корнилов, 9-й – В.А. Артемов; стоят 2-й – В.М. Экземплярский, 3-й – Л.М. Шварц, 4-й – И.М. Соловьев, 5-й – Л.В. Занков, 6-й – А.А. Таланкин, 8-й – С.Н. Архангельский, 11-й – Н.Ф. Добрынин

В 1926 г. Наркомпрос сделал попытку присоединить к Институту Практическую лабораторию по зоопсихологии при Уголке Дурова, которая была в хорошем рабочем состоянии; эта попытка тоже была отражена ходатайствами К.Н. Корнилова.

Отказ от психоаналитической и зоопсихологической лабораторий означал, что челпановская традиция оставалась действенной в стенах Института: новые подразделения оказались излишними, так как их исследования были построены на иной методологии, не той, что культивировалась в Институте приверженцем принципов общей психологии его первым директором Г.И. Челпановым, и на которой сформировались базовые научные представления его нового директора. То, что Корнилов закрыл двери Института перед своими бывшими коллегами, воспитанниками той же традиции, говорит только о нравственном уровне его личных качеств и превашировании карьерных амбиций, делающих его зависимым от изгибов линии партии по отношению к науке.

В 1926 г. в очередной раз реорганизованный Институт был введен в состав Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов.

В этом же году Г.И. Челпанов, продолжавший бороться за подлинно научный облик отечественной психологии, направил в Президиум Ассоциации докладную записку. В ней он снова поднимал вопрос

об искаженном понимании основ учения Маркса такими научными деятелями, как К.Н. Корнилов, П.П. Блонский, Ю.В. Франкфурт, А.Б. Залкинд, занимающих достаточно высокое положение в структуре советской науки, позволяющее им влиять на ход ее развития. Непродуманность их позиции выявилась в очередной смене научной ориентации Корнилова и Блонского (а следовательно и института в целом), которые отошли от объективной рефлексологии и «всецело перешли на сторону традиционной интроспективной психологии <...> Этим возвращением к интроспективной психологии Гос. Психологический институт показал, что он никакого решения проблемы марксистской психологии не имеет, ибо интроспективная психология так же нейтральна к марксизму, как химия или физика». Челпанов обращал внимание на организационные недостатки в сфере психологической науки и ее возрастающую изолированность от мировой психологической мысли. «Научные занятия психологов, — писал он, — встречаются очень серьезное препятствие в отсутствии органов, объединяющих их работу. Они не могут организовать психологический журнал, в котором можно было бы напечатать психологические исследования; нет *Ученого общества*, которое объединяло бы русских психологов. Вследствие отсутствия объединенной коллективной работы развитие научной психологии у нас почти совсем остановилось. Связь с западной наукой порвалась настолько, что становится невозможным следить за ее успехами». Подчеркнув, что научная психология в СССР может пойти по пути правильного развития только в случае разработки нового социально-психологического аспекта ее исследований, Г.И. Челпанов выступил с инициативой организации Института социальной психологии. «Молодежь в настоящее время учится психологии по преимуществу физиологической и биологической и не учится психологии социологической и этнологической. Вследствие несоответствующей подготовки она не будет в состоянии в ближайшие годы приступить к исследовательской работе в области социальной психологии»¹⁹, потому вопрос создания нового научного учреждения носил, по убеждению Г.И. Челпанова, неотложный характер²⁰.

Вопрос о необходимости организации Института социальной психологии был поставлен в октябре 1926 г. на заседании Учено-консультационной комиссии Ассоциации научно-исследовательских институтов. Комиссия, после долгих споров, одобрила идею об изучении социальной психологии и приняла постановление о создании комиссии для выработки программы ее изучения. При дальнейшем обсуждении вопрос об Институте был снят и разработан план создания Секции социальной психологии. Руководителем Секции был назначен профессор М.А. Рейснер, но в его сопроводительной записке мы находим указание на действительное положение дел: секция социальной психологии в составе Института экспериментальной психологии «оказалась совершенно фиктивным учреждением, т. к. она была лишена благодаря противодействию президиума Института и Ассоциации и средств, и необходимого личного состава»²¹.

Лев Семенович Выготский
(1896–1934)

В 1924 г. по приглашению К.Н. Корнилова для работы по предложенной им проблематике в Институт пришел Л.С. Выготский, молодой психолог из Гомеля.

К этому времени он был вполне сформировавшимся человеком, далеким от традиций Психологического института, нашедшим в его стенах только площадку для создания своих трудов. Его научная оригинальность так и осталась его личной научной оригинальностью, а перед учениками и последователями действительно встала проблема «исторической раздвоенности»: с одной стороны — Л.С. Выготский, с другой — Институт и традиция, созданные Г.И. Челпановым.

Отчет молодого сотрудника 2-го разряда Выготского за один год (февраль 1924/февраль 1925) отразил диапазон его интересов и уровень рабочего потенциала. За год им было написано шесть научных работ — «Сознание как проблема психологии поведения», «К психологии детской дефективности», «Исследование доминантных реакций», «Исследование учащейся молодежи», «Краткий курс педагогической психологии», «К психологии искусства»; за этот период он выступил редактором пяти книг, в их числе работы Э.Л. Торндайка, А.Ф. Лазурского, З. Фрейда и др.; в сотрудничестве с другими ассистентами им было составлено два учебника; прочитано десять курсов, практикумов и семинаров в разных учебных заведениях (по психологии, педологии и рефлексологии); сделано десять докладов на различных конференциях и в учреждениях (психотехнической лаборатории, Психоаналитическом обществе, ГУСе и др.).

На 1926 г. Л.С. Выготский составил список из 16 докладов — «Психология искусства», «Проблема развития и воспитания в современной психологии», «Борьба направлений в психологии и смысл кризиса», «Экспериментальное исследование доминантных реакций (сверхкомпенсации)», «Психофизическая проблема в экспериментальном исследовании», «Психологическая терминология», «Gestalt-theorie: проблемы, теории, методика», «Современная французская психология», «Психофизическая доктрина Бинэ», «Персонализм Штерна и психология», «Смысл психологического кризиса», «Индивидуальная

и социальная психология», «Анализ акта вчувствования», «Методика психологического исследования (теория методов)», «Научно-исследовательские задачи марксистской психологии» — которые предложил сделать на конференциях Института, в секции общей психологии и Совета Института. В архиве Института сохранились, кроме того, тезисы докладов Л.С. Выготского «Методика рефлексологического исследования в применении к изучению психики», «Психология в средней школе», «Формы мышления».

В 1926 г. Л.С. Выготский защитил диссертацию на тему «Психология искусства», и издал первую книгу «Педагогическая психология», в 1928 г. вторую — «Педология школьного возраста»; им было опубликовано множество статей.

В декабре 1928 г. Л.С. Выготским была подана докладная записка в Коллегию ГИЭП о том, что для его работы в Институте создана «в высшей степени трудная обстановка»: К.Н. Корнилов обвинил его в отходе от марксизма в психологии, протаскивании идеалистических понятий. Выготский имел в виду свой конфликт с директором по поводу своего выбора для исследования темы воли; суть в том, что молодой ученый не сделал и не считал возможным выступить с заявленным докладом «Проблема воли в марксистской психологии». «Нельзя выступать с научным докладом, — писал Выготский, — когда он наперед (подчеркнуто Л.С. Выготским — авт.), до его изложения, объявляется руководителем попыткой “протащить идеалистическое понятие” <...> Я не имею уверенности в том, что оно (исследование) по окончании не будет объявлено идущим вразрез с основной линией Института и направленным во вред этой линии». Резко поставив вопрос о возможности продолжения работы в Институте, Выготский просил «изменить создавшуюся... обстановку и дать возможность вести исследование в уверенности, что оно нужно для Института». Сведений о том, как разрешился конфликт, в архиве не сохранилось, но, видимо, в ситуацию вмешались, поскольку работа Выготского в институте продолжалась и далее.

Сохранилась стенограмма доклада Л.С. Выготского «Педология и психотехника», сделанного в ноябре 1930 г., в нем автор объяснил истоки и смысл педологии (которая к этому времени, как говорил Выготский, умерла там же, где и родилась, т. е. на Западе и в Америке). Рассмотрев педологию как единую и самостоятельную науку о развитии ребенка, имеющую свое основание в объективной реальности единого процесса развития, который и является предметом ее изучения, Л.С. Выготский пророчески заметил: «И если бы мы сейчас с вами, например, проголосовали бы здесь, что педология как самостоятельная наука не может существовать, прекратили бы всякие педологические исследования, то мы не могли бы вычеркнуть из действительности того ее разреза, того рода связей, которые без педологии никогда никакой другой наукой не могут изучаться. А если они будут изучаться другой наукой, то она будет той же самой педологией, только носящей другое имя». Определяя взаимоотношения между педологией и психотехникой, Выготский поставил между ними психологию, так как саму пси-

хотехнику он считал психологической дисциплиной, «или, правильнее сказать, целой областью психологических знаний». Разделяя точку зрения И.Н. Шпильрейна, что под психотехникой следует разуметь все области психологии во всем ее объеме, он утверждал, что «детская психология... развивается как одна из педологических дисциплин, ... она должна исходить в своих основных построениях из целостного, т. е. педологического представления о том месте, которое занимает психологическая эволюция в общей системе онтогенеза». Психотехника детского и юношеского возраста, по мысли Л.С. Выготского, «может и должна развиваться как одна из педологических дисциплин». Психотехника в этом случае должна включиться в новые системы понятий, поскольку изучает явления, возникшие в процессе детского развития. Взаимоотношения педологии с педагогикой освещаются с точки зрения того, «что педология изучает воспитательный процесс во всех его формах, как один из центральных факторов детского развития». Таким образом, педология приобретает значение одной из основных руководящих дисциплин в исследовании развития ребенка²³.

В 1927 г. снова был поднят вопрос об изменении структуры Института; его ведущим сотрудникам было предложено разработать свои планы и проекты новой структуры. В архивах ПИ РАО сохранилась лишь небольшая часть поданных предложений. Например, Н.Ф. Добрынин в своем плане подчеркнул необходимость связи Института с практической жизнью и создание атмосферы сплоченности его сотрудников. Он предложил организовать внутри Института только две секции — общей (или «чистой») психологии и прикладной психологии. Вторую секцию, по мысли Н.Ф. Добрынина, следовало разделить на педагогическую и психотехническую подсекции. «Мы еще не настолько богаты, — пояснял свою позицию Н.Ф. Добрынин, — чтобы позволить себе роскошь самостоятельной постановки задач, изолированной от общей генетической психологии». Ю.В. Франкфурт предлагал противоположное — увеличение количества секций до восьми. Из них исследовательской работой по плану должны были заниматься шесть секций — психологии коллектива, психологии индивида, психопатологическая, педологическая, зоопсихологии и истории психологии; решением задач прикладной психологии должны были заниматься психотехническая и педагогическая секции. Ю.В. Франкфурт разработал также подробную схему учебной работы с аспирантами. Схема включала теоретическую работу, экспериментально-техническую подготовку, общественно-педагогическую работу и изучение языков. Проект, предоставленный И.Н. Шпильрейном, предполагал разветвленную и детализированную схему структуры Института. Основных секторов в Институте намечалось четыре: работы с документацией, научный, учебный и административно-хозяйственный. Научный сектор включал исследовательскую и практическую работу, которые, в свою очередь, были разделены по исследуемым проблемам.

В 1930–1934 гг. Институт был переориентирован и превращен в Государственный институт психологии, педологии и психотехники

ПРОГРАММА

Совещания по вопросам психологии восприятия на
7-ой международной психотехнической конференции
12 сентября 1931 г., 19 ч. 30 м.—22 ч. 30 м.

1. *Коган Т. А.* Экспериментальное исследование эстетических восприятий в свете идеологической направленности.
2. *Шварц Л. М.* Оформление строки как фактор эффективности чтения.
3. *Артемов В. А.* Сравнение восприятия 6-й и латинской гарнитуры (корпус).
4. *Рудик П. А.* Психология кино-восприятия.
5. *Шейн А.* Проблема восприятия и осмысления кино-фильмы детьми.
6. *Добрынин Н. Ф.* К вопросу об активизации внимания при радио-восприятии (в условиях опытной школы по радио для малограмотных).
7. *Теплов Б. М.* Влияние на функции зрения светлоты окраски рабочих мест и помещений.

Уполн. Главлита В 8839

Тираж 1 000

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18. н. 4894

Программа совещания по вопросам психологии восприятия на 7-ой международной психотехнической конференции. Москва. 12 сентября 1931 г.

Российской ассоциации научных институтов марксистской педагогики (РАНИМП). Его возглавил А.Б. Залкинд, и институт широко развернул работу в области педологии. К этому времени в нем уже не работали бывшие соратники К.Н. Корнилова — П.П. Блонский и Л.С. Выготский.

В 1931 г. К.Н. Корнилов, долгое время выступавший основным борцом за марксистскую психологию по большей части в роли нападающего, не без юмора описывал период методологических дискуссий 1920-х гг. как цепочку перекрестных обвинений и упреков: «Павлов не признает рефлексологии Бехтерева; Бехтерев не признает никакой психологии и упрекает Корнилова в субъективизме; Корнилов обвиняет Павлова и Бехтерева в механистическом материализме; Челпанов упрекает Корнилова в незнании марксизма; Франкфурт уличает рефлексологов в эклектизме, а Челпанова в извращении марксизма; Челпанов, не оставаясь в долгу, обвиняет Франкфурта в енчменизме; Струминский упрекает всех московских психологов-марксистов в субъективизме и т. д. и т. п.»²⁴. В свою очередь, и сам Корнилов под-

вергся жесточайшей критике со стороны партийной организации Института в ходе так называемой «реактологической дискуссии».

С основным, докладом громящим реактологию и ее поборников выступил А.А. Таланкин. Доклад был переполнен обвинениями, и по его окончании началось «отмежевание» реактологов. Вот как вспоминал этот день К.Н. Корнилов: «Один за другим поднимались на кафедре “кающиеся интеллигенты”, исповедовавшиеся в своих “реактологических грехах”. Вот вам т. Лурия — семь лет он был реактологом и только теперь, когда начали “чистить” Корнилова, почувствовал себя впервые психологом. Ну, а что останется у Лурии, если отнять от него все его реактологические работы, совершенные им по “сопряженной методике”, насквозь реактологической?! Почти ничего! ... Вот вам Артемов! Ну разве этот может согрешить в области реактологии: он же давным-давно видел эти недочеты в работах Корнилова, но если ничего об этом не говорил, то только потому, что у него были очень хорошие отношения с Корниловым! <...> Т. Веденов был прав, когда применил крепкое слово к характеристике поведения Артемова! <...> Тест на реактологию оказался чрезвычайно эффективным на этот раз для изучения изменчивости в поведении самих психологов». Цитирую выступление А.Б. Залкинда, Корнилов перечислил те характеристики, которыми наделил его директор: «политически опасный человек», «активный враг социалистического строительства», «враг изобретательства, творчества, энтузиазма масс», «злейший враг психологии, материализма, диалектики» и т. д.²⁵

Свое выступление К.Н. Корнилов посвятил критическому разбору аргументации своих оппонентов. Он прибег к старому, испытанному приему — шли в ход цитаты из классиков марксизма, Ленина, Сталина, Бухарина, дежурные обвинения в отрыве от рабочего класса и упоминание о своем членстве в Моссовете и в конце концов по логике Корнилова, в идеологических извращениях оказались виновными сами оппоненты, главным образом Таланкин и Залкинд. Сам же Корнилов «никогда и нигде не противопоставлял и не отождествлял свою реактологию как систему с марксистской психологией, а мыслил реактологию как одну из многих возможных методик экспериментального исследования поведения или реакций человека в системе марксистской психологии». Указав далее на значение своей методики измерения времени реакции и формы движения для профессионального отбора, профессор отразил упреки тех, кто обвинял его в отрыве от задач социалистического строительства²⁶.

Его слова не возымели никакого действия. Обвинения в механицизме, в физикализме и дуализме легли в основу резолюции партийного собрания, которая была опубликована в журнале «Психология», вместе с циклом обличительных статей сотрудников Института — Ф.Н. Шемякина, А.А. Таланкина, А.В. Веденова, П.И. Размыслова и др.

К 1934 г. собственно психологическая работа в Институте была практически дезорганизована, и это привело к назначению нового директора — В.Н. Колбановского, только что окончившего Институт

Федор Николаевич Шемякин (1899–1980)
 Александр Васильевич Веденов (1901–1970)
 Пителирм Иванович Размыслов (1906–1968)

Виктор Николаевич Колбановский
 (1902–1970)
 Наталья Александровна Менчинская
 (1905–1984)

Красной профессуры. В Институт вернулись П.П. Блонский, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.В. Кравков, А.А. Смирнов. Начали работать в нем Б.М. Теплов, Н.А. Менчинская и Е.В. Гурьянов. Число педологов резко сократилось.

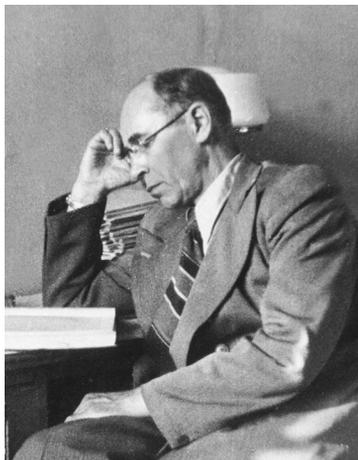
Н.А. Рыбников вспоминал: «Намечен был план реконструкции работы Института, но реорганизация протекала сравнительно медленно. Лишь в 1934 г. окончательно сложилась его новая структура»²⁷.

Структура и подразделения Института (1934)

1. Кабинет по истории и теории психологии — заведующий В.Н. Колбановский;
2. Лаборатория психофизиологии ощущений — заведующий Б.М. Теплов;
3. Сектор по сравнительной физиологии и психологии — заведующий В.М. Боровский;
4. Сектор возрастной психологии — заведующий А.В. Веденов;
5. Лаборатория по психопатологии — заведующий Ф.Н. Шемякин.

В лабораториях была развернута экспериментальная работа.

Лаборатория психофизиологии ощущений решала задачу поиска основных психофизиологических закономерностей взаимодействия

Евгений Васильевич Гурьянов
(1889–1960).

ощущений, включая проблемы: а) индуктивного взаимодействия, взаимодействия одновременных ощущений, взаимодействия процессов положительной и отрицательной индукции, динамика индуктивных процессов, природы индуктивных процессов; б) влияния побочных раздражений на функцию зрения; в) сенсорной адаптации и зависимости от действия разного рода предшествующих и одновременных раздражений; г) электрической чувствительности глаза как пути к изучению чувствительности зрительных центров и зависимости ее от разного рода факторов.

Лаборатория вела разработку проблем, имеющих существенное значение не только для психофизиологии ощущений или для некоторых смежных дисциплин, но и для решения ряда теоретических задач. Исследовательская работа по проблеме взаимодействия ощущений была впервые начата советскими психологами в лаборатории Б.М. Теплова. Полученные результаты использовались для решения ряда конкретных вопросов, которые выдвигала практика: например, оформления книги, качества шрифтов и др.

Лаборатория психопатологии проводила исследование проблемы взаимоотношения простейших и более сложных функций восприятия при распаде психики.

Сектор сравнительной физиологии и психологии в качестве основной выдвинул проблему изучения обучаемости и формирования навыков у животных.

Сектор возрастной психологии был занят изучением возрастных закономерностей психического развития детей в процессе их школьного обучения.

Кабинет истории и теории психологии развернул работу по проблеме «материальный субстрат психики» и критическому рассмотрению основных направлений в истории психологии.

Выполнялись работы по целевому заказу различных учреждений и организаций: по заданию Всесоюзного Центрального комитета

нового алфавита проводилось изучение графем, гарнитур, кеглей и др.; по заказу Академии коммунального хозяйства изучался вопрос о рационализации уличного освещения; Государственная Третьяковская галерея была заинтересована в работах института по изучению восприятия картин и др.

В 1932 г. начался новый этап идеологической борьбы — с педологией и психотехникой. В резолюции, принятой ячейкой ВКП(б) Института в этом году, подчеркивалась необходимость «взять под обстрел марксистско-ленинской критики психотехнику и педологию, а также решительно преодолеть “империалистические” попытки педологии подчинить себе психологию ребенка, педагогику и педиатрию»²⁸. Когда в 1936 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», в Институте были приняты меры к перестройке работы, были ликвидированы педологический и психотехнический секторы, проведен ряд совещаний, развернута дискуссия в свете решения новых поставленных задач, на которой основной доклад сделал директор института В.Н. Колбановский; им же была опубликована серия статей, направленных на критику педологии и намечающих пути дальнейшего развития советской психологии и Института. Институт был вновь переименован: теперь он стал называться «Государственный институт психологии».

В этот период существенно активизировалась работа Института в области психологических исследований, особенно в лаборатории психофизиологии ощущений (руководители Б.М. Теплов и С.В. Кравков, участие в ее работе принимали П.А. Шеварев и А.А. Смирнов).

Крупным научным достижением Института в этой сфере исследований был выход в печати фундаментального труда «Глаз и его работа» (1932). Его автор С.В. Кравков был признан научным сообществом крупнейшим в стране специалистом по психофизиологии зрения. В лаборатории психофизиологии ощущений изучались цветовые ощущения, восприятие формы предметов, взаимодействие ощущений, вопросы психофизиологической оптики. Проводились исследования и в области прикладной психологии: изучались вопросы военной маскировки, начатые еще в 1920-х гг. под руководством Б.М. Теплова в Высшей школе военной маскировки²⁹, результаты исследования которой были использованы в годы Великой Отечественной войны; пути рационализации уличного освещения, применения цвета в архитектуре; для нужд полиграфии исследовались проблемы восприятия печатного текста, а также процессы чтения. Результаты работы лаборатории психофизиологии составили содержание сборника «Зрительные ощущения и восприятия», опубликованного в 1935 г. в редакции С.В. Кравкова и Б.М. Теплова.

В 1935 г. вышли две новые книги П.П. Блонского — «Развитие мышления школьника» и «Память и мышление».

Под руководством В.М. Боровского продолжалось изучение формирования навыков у животных. Были опубликованы два сборника: «Инстинкты и навыки» (1935) и «Рефлексы, инстинкты и навыки» (1936).

Сергей Васильевич Кравков
(1893–1951)

Группа сотрудников Института психологии (под руководством Ф.Н. Шемякина) проводила исследования психологических особенностей больных шизофренией в психиатрической клинике 1-го Медицинского института.

В 1937 г. произошла очередная смена руководства Института, директором был вновь назначен К.Н. Корнилов. Смена руководства сопровождалась перестройкой структуры Института и кадровыми изменениями. В частности, были прекращены исследования по психофизиологии ощущений, по зоопсихологии (В.М. Боровский ушел из Института).

Высшая Школа военной маскировки. 1920-е гг.
Первый ряд — слева 3-й — Б.М. Теплов, справа 1-й — П.А. Шеварев.
Во втором ряду слева 1-й — А.А. Смирнов

Структура научных подразделений Института (1938)

1. Лаборатория памяти — зав. А.А. Смирнов
2. Лаборатории мышления — зав. Ф.Н. Шемякин
3. Лаборатория развития психики — зав. А.Н. Леонтьев
4. Лаборатория искусства — зав. Б.М. Теплов
5. Лаборатория школьных навыков — зав. Л.М. Шварц, Е.В. Гурьянов
6. Группа психологических проблем обучения летному делу и изучения летных навыков — руководители Л.М. Шварц, Е.В. Гурьянов
7. Лаборатория воли и характера — зав. Н.Д. Левитов

Подробная характеристика этого этапа жизни и деятельности Института представлена в материалах архива Н.А. Рыбникова.

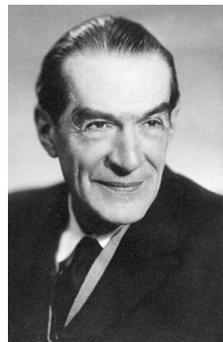
«Начиная с 1938 г. в составе Института работали следующие лаборатории.

Лаборатория памяти — зав. А.А. Смирнов. Эта лаборатория вела разработку вопросов, непосредственно связанных с проблемой усвоения и закрепления знаний у учащихся. Первая группа (руководитель А.А. Смирнов) имела дело с анализом процессов запоминания. Вторая группа (руководители Л.В. Занков, И.М. Соловьев) изучала некоторые основные закономерности припоминания и узнавания. Работы этой лаборатории впоследствии были опубликованы в книгах А.А. Смирнова и Л.В. Занкова.

Если вопросы памяти затрагивались в работах Института и ранее, то в отношении вопросов мышления дело обстояло иначе. Эти вопросы в работах Института были представлены совсем слабо. А проблема мышления является одной из центральных проблем современной психологии. Вот почему вновь созданной *Лаборатории мышления* (зав. Ф.Н. Шемякин) было уделено большое внимание.

Вновь была создана *Лаборатория развития психики*, руководство этой лабораторией было поручено профессору А.Н. Леонтьеву. Работа лаборатории велась по двум темам. С одной стороны, была выдвинута тема «Возникновение элементарных форм психики». Результаты этой работы позднее были оформлены в докторской диссертации профессора А.Н. Леонтьева и опубликованы в его книге «Проблемы развития психики». По другой теме — «Развитие первых слов ребенка» — работу вел Н.Х. Швачкин, оформивший выводы в своей кандидатской работе.

Весной 1938 г. была организована *Лаборатория искусства*, ее работой руководил Б.М. Теплов. В качестве основной темы исследований выступила проблема одаренности. Итоги работы в этом направлении были позднее оформлены в книге Б.М. Теплова «Психология музыкальных способностей» (1947) — его докторской диссертации. Другая сторона тематики исследований этой лаборатории состояла в разработке проблем художественного образа. Эту работу — под руководством Б.М. Теплова — проводили О.И. Никифорова и Л.В. Благонажина. В *Лаборатории школьных навыков* велось изучение психологических основ чтения (Л.М. Шварц) и письма (Е.В. Гурьянов).

Николай Дмитриевич Левитов (1890–1972)
Леонид Владимирович Занков (1901–1977)
Алексей Николаевич Леонтьев (1903–1970)

Была также организована группа, перед которой стояла задача разработки *психологических проблем обучения летному делу и изучения летных навыков в различных условиях* (Е.В. Гурьянов, Л.М. Шварц).

Последней по времени была организация *Лаборатории воли и характера*, руководимой Н.Д. Левитовым.

Создан был также *Кабинет истории психологии*, руководство которым было поручено Н.А. Рыбникову»³⁰.

Объединившей творческие усилия почти всех сотрудников Института стала работа по составлению учебного пособия по психологии для педагогических вузов, подготовка каждой главы которого детально обсуждалась на специальных заседаниях.

Сотрудники Института. Конец 1930-х гг.
Слева направо: 2-й — Б.М. Теплов, 3-й — Л.М. Шварц,
4-я — Н.А. Менчинская

Конференция психологов. 1–6 июля 1938 г.

Участники конференции у здания института.

Слева направо: первый ряд — 2-й — П.А. Шеварев, 4-й — В.А. Артемов, 5-я — Н.А. Менчинская, 2-й (справа) Г.С. Костюк; второй ряд — 2-я (в панаме) Е.Н. Кабанова-Меллер, рядом — З.И. Калмыкова, рядом — С.М. Василейский; в центре (через два человека от Калмыковой) К.Н. Корнилов, рядом — С.Л. Рубинштейн, за Корниловым — Н.Ф. Добрынин; третий ряд — слева от С.М. Василейского — А.А. Гайворовский, 4-й справа — А.А. Смирнов; четвертый ряд — 2-й слева Л.М. Шварц; пятый ряд — 4-й слева А.Р. Лурия, рядом — Л.И. Божович

В июне 1938 г. было созвано широкое совещание: на нем были подвергнуты обстоятельному аналитическому рассмотрению содержание и программы преподавания психологии в вузе. Психологи, приехавшие на это научно-методологическое мероприятие со всех концов СССР, не ограничились только критическим анализом структуры, содержания и пр. учебного пособия, но подвергли обсуждению и ряд вопросов, связанных с его выпуском, и информировали о текущей работе специалистов на местах.

Вводный доклад был сделан директором Института профессором К.Н. Корниловым. «Психология, — сказал докладчик, — пока не заняла подобающего ей места среди других наук, выпускаемые психологами работы все еще отстают от практики социалистического строительства. Основную причину отставания надо видеть в недостаточной высоте идейно-политического уровня психологов, их неумении отобразить в научной тематике практические актуальные запросы современности и обеспечить теоретическую полноценность своих работ. Это выра-

жается прежде всего в том, что советская психология еще не сумела сломить традиций, норм и установок буржуазной науки и поставить на их место свои традиции, свои нормы и установки. Отсутствует ленинская непримиримость в борьбе с чуждыми теориями. Критикуя буржуазные теории, мы не говорим при этом, как разрешается с нашей точки зрения данная проблема. Раболепство перед буржуазной наукой нашло свое наиболее яркое выражение в отсутствии идейной и политической заостренной борьбы против лженауки «педологии». Здесь мы очень мало сделали, борьба против педологических извращений не ведется так, как требует этого постановление: нет еще достаточно активного и сознательного участия психологов в построении марксистской науки о детях. Индивидуализму и академизму, которыми до сих пор страдает психология, надо противопоставить широкое общественное мнение психологов, с одной стороны, а с другой — представителей смежных наук и тех учреждений, которые заинтересованы в нашей работе»³¹.

Программа научной конференции Московского государственного научно-исследовательского института психологии.
30 января — 1 февраля 1941 г.

ИЗВЕЩЕНИЕ	
С 30 января по 1 февраля 1941 г. состоится научная конференция Московского государственного научно-исследовательского института психологии.	
ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ	
30 января в 7 час. вечера	
1. Доктор педагогических наук, проф. К. Н. Корнилов (директор Государственного института психологии). <i>Прения.</i>	К проблеме развития психики.
31 января в 10 час. утра	
1. Проф. А. А. Смирнов (зав. лабораторией «Памяти» института психологии).	Психологический анализ запоминания.
2. Л. В. Занков (старший научный сотрудник).	О видоизменении текста при его воспроизведении.
3. П. М. Соловьев (старший научный сотрудник). <i>Прения.</i>	Узнавание в условиях школьного обучения.
31 января в 6 час. вечера	
1. Доктор педагогических наук, проф. П. П. Влоцкий (научный руководитель лаборатории «Мышления и речи» института психологии).	Психология желания.
2. А. П. Соколов (старший научный сотрудник).	Психологический анализ понимания иностранного текста.
3. А. Д. Давыдова (мл. научный сотрудник). <i>Прения.</i>	Психология метафор.

1 февраля в 10 час. утра		
1. Л. М. Шварц (зав. лабораторией «Навыков» института психологии).	Основные проблемы психологии навыков.	
2. А. П. Богословский (старший научный сотрудник).	Навыки узнавания и различения зрительно воспринимаемых объектов.	
3. Е. В. Гурьянов (старший научный сотрудник).	Устойчивость senso-моторного навыка.	
4. Проф. П. А. Шеварев.	Интеллектуальные навыки при решении алгебраических задач.	
5. Н. А. Мелнишская (старший научный сотрудник). <i>Прения.</i>	Психология решения арифметических задач.	
1 февраля в 6 час. вечера		
1. Доктор педагогических наук, проф. В. М. Теплов (зав. лабораторией «Психологии искусства» института психологии).	Психология музыкального переживания.	
2. О. П. Никифорова (старший научный сотрудник). <i>Прения.</i>	Роль представлений в процессе восприятия художественных описаний.	
3. Н. Д. Левитов (зав. лабораторией «Воли и характера» института психологии). <i>Прения.</i>	Проблема сущности характера в психологии.	
Заседания будут происходить в большой аудитории Московского государственного научно-исследовательского института психологии (Москва, Моховая, 9, корпус «В»).		
Л25190	Заказ. 125.	Тир. 300
Школа ФЗО ОГИЗи треста «Полиграфинга». Москва, Хохловский, 7.		

В начале 1941 г. Институт организовал широкое обсуждение итогов своих исследований на научной конференции. Сотрудники сделали сообщения, каждое из которых подвергалось тщательному обсуждению.

Это был последний публичный отчет Института, сделанный до начала Великой Отечественной войны. Начавшаяся война в корне изменила характер и направление его деятельности.

- ¹ *Северный Б.Н., Экземплярский В.М.* От редактора русского перевода // Мюнстерберг Г. Основы психотехники. — М., 1923.
- ² ОР РГБ. Ф. 367, к.4, ед. хр. 2.
- ³ Протокол № 11 заседания Научно-политической секции. 18 октября 1921 г. Архив МГУ. Ф. 18.; копия: Научный архив ПИ РАО.
- ⁴ *Гревс И.М.* Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 8. Современная летопись. С. 31.
- ⁵ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 1.
- ⁶ *Стратонов В.В.* Потеря Московским университетом свободы // Московский университет. 1755–1930: Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 206.
- ⁷ Из переписки Г.И. Челпанова и А.М. Щербины (публ. Р. Золотницкой) // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 5. С. 90.
- ⁸ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 1.
- ⁹ Научный архив РАО. Ф. 47, оп. 1, ед. хр. 73.
- ¹⁰ Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1923. Т. 3. С. 246–319.
- ¹¹ *Эфрусси П.О.* Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10–15 января 1923 г. — П., 1925. С. 19–20.
- ¹² *Залкинд А.Б.* «Марксизм и психология» на I Всероссийском психоневрологическом съезде // Залкинд А.Б. Очерки культуры революционного времени. — М., 1924. С. 70–73.
- ¹³ *Эфрусси П.О.* Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10–15 января 1923 года. — П., 1925. С. 37.
- ¹⁴ Цит. по: *Боцманова М.Э., Гусева Е.П., Равич-Щербо И.В.* Психологический институт на Моховой. Исторический очерк (под. ред. В.В. Рубцова, А.Д. Червякова). — М.: Изд-во ИЧП «ЕАВ», 1994. С. 13.
- ¹⁵ *Челпанов Г.И.* Социальная психология или «условные рефлексы». — М.: изд. автора, 1926. С. 4.
- ¹⁶ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 1.
- ¹⁷ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 1.
- ¹⁸ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 1.
- ¹⁹ Интерес к социальной психологии у Г.И. Челпанова возник давно, и давно он собирал по крохам материалы, относящиеся к ней. В архивах П.А. и А.А. Кропоткиных сохранилось упоминание, что Г.И. Челпанов еще в 1918 г. был знаком с П.А. Кропоткиным и предоставил в его распоряжение свою библиотеку; он высоко ценил произведения П.А. Кропоткина и находил в них много материала для социальной психологии.
- ²⁰ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 1.
- ²¹ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 1.
- ²² Научный архив Психологического института РАО. Собрание Кабинета истории психологии: «Л.С. Выготский».
- ²³ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 3. Л. 23–71.

- ²⁴ Эту словесную карикатуру, составленную К.Н. Корниловым, привел много лет спустя в докладе, посвященном 50-летию Психологического института А.А. Смирнов.
- ²⁵ Научный архив Психологического института РАО. Собрание Кабинета истории психологии: «К.Н. Корнилов».
- ²⁶ Научный архив Психологического института РАО. Собрание Кабинета истории психологии: «К.Н. Корнилов».
- ²⁷ Научный архив РАО. Ф. 47, оп. 1, ед. хр. 73.
- ²⁸ Научный архив РАО. Ф. 47, оп. 1, ед. хр. 73.
- ²⁹ *Теплов Б.М.* Психологические исследования в области военно-маскировочного дела: (1923–1927 гг.). — М.: БФ «Твердислов», 2006. 168 с.: ил. — (К столетию Психологического института им. Л.Г. Шукиной: (1914–2014): Материалы к истории Московской психологической школы / под общ. ред. В.В.Рубцова); см. также: *Козлов В.И.* Психологические проблемы военной маскировки: научные исследования под руководством Б.М. Теплова / Альманах Научного архива Психологического института: Челпановские чтения — 2010. Вып. 4 — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2010. С. 24–30.
- ³⁰ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 73.
- ³¹ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 17.

Глава III

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.: ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Годы Великой Отечественной войны стали временем трагических испытаний и блистательных свершений для отечественной психологии. В этой войне бойцом оказался каждый — и носящий оружие, и не носящий его потому что каждый участвовал «в совместном духовном направлении *воли, мысли, чувства и действия*, ведущем к единому результату, именуемому *победой*»¹.

Психологический институт, официально называвшийся к началу 1940-х гг. Московским государственным научно-исследовательским институтом психологии, прочно занимал ведущие позиции в советской психологической науке. Под руководством выдающихся отечественных психологов А.А. Смирнова, Ф.Н. Шемякина, А.Н. Леонтьева, Б.М. Теплова, Н.Д. Левитова, Н.А. Рыбникова сотрудники Института проводили многосторонние исследования психики и закономерностей ее развития, а также были включены в процесс разработки научно обоснованной программы преподавания психологии в педагогических вузах и подготовки фундаментального учебного пособия по психологии. В активе Института было 7 научных лабораторий.

Отличительной чертой институтской жизни всегда оставалась традиция открытых обсуждений и научных дискуссий. Но со временем они все более политизировались. На одном из предвоенных совещаний директор института К.Н. Корнилов пытался образумить своих сотрудников, не обладающих, по его мнению, достаточным уровнем «ленинской нетерпимости» к идеологическим противникам, и укорял за «индивидуализм и академизм» научных исследований², несовместимые с принципом коллективизма практики коммунистического строительства. Никто тогда не предполагал, насколько быстро будут расставлены все точки над «і» и в полной мере выявится истинное значение научной работы Института. В горниле последующих испытаний «высокая» академическая традиция выступила незыблемым фундаментом психологической практики: все направления научной деятельности Института, заложенные

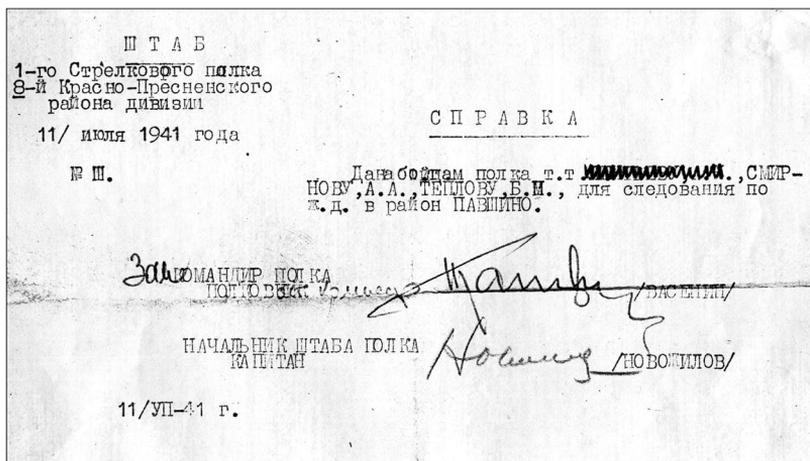

Народное ополчение. Москва. 1941 г.

в планах его довоенных исследований, были востребованы и в контексте решения труднейших задач военного времени сумели доказать силу своего творческого потенциала. Отсутствие у деятелей науки «ленинской нетерпимости» к своим научным оппонентам не помешало проявлению их нравственной нетерпимости к врагам своей Родины.

Результаты исследования архивных материалов, проведенного в 1994 г., позволили восстановить события жизни института в годы войны.

В первые же ее дни почти все сотрудники-мужчины или добровольцами ушли в народное ополчение, или поступили на армейскую

Справка Штаба 1-го Стрелкового полка 8-й Краснопресненского района дивизии. 11 июля 1941 г.

службу как военнообязанные. По состоянию на 15.11.1941 г. в Институте числилось лишь 38 человек. Из них в Народном ополчении находилось 12 человек. В ряды ополченцев встали и профессора Института А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, Л.М. Шварц.

Б.М. Теплов впоследствии рассказывал, что ополченцам нужно было перебраться через реку. Делали это поэтапно, и взвод, в котором находился Шварц, переправился на другой берег, а тот, в котором были Смирнов и Теплов, — не успел. «В это время в дивизию прибыл нарочный с приказом вернуть Смирнова, Теплова и Шварца в Москву». Но все, кто успел переправиться на другой берег, погибли, а то, что Теплов и Смирнов уцелели, можно считать чудом³. Таким образом, часть профессуры института по приказу военного командования была возвращена из ополчения для продолжения научной работы. Остальные вместе с другими ополченцами влились в ряды действующей армии и сражались за Родину. Некоторые пробыли на фронте в течение всей войны и вместе со всей армией встретили победу в Германии, другие погибли в первую же военную осень. Не вернулся с фронта заместитель директора по научной работе, молодой талантливый ученый Л.М. Шварц, погиб в боях за Родину старший научный сотрудник Ф.И. Музылев, не вернулись аспиранты М.П. Борисов, И.И. Волков, Г.И. Иванов, И.Н. Массарский, С.Ф. Петров, заведующий хозяйством И.М. Хромов, сотрудник мастерской П.А. Чернецов»⁴.

Уже к октябрю 1941 г. академические институты предоставили планы своей работы, скорректированные целями военного времени.

Доминирующее положение в ряду психологических дисциплин заняла *военная психология*. В Психологическом институте она понималась как «одна из отраслей общей психологии», специфическим предметом которой являлось изучение «психологии человека в условиях войны» (Н.А. Рыбников). Основная трудность исследований связывалась с многогранностью своеобразия психических процессов, вызываемых многообразными факторами военной обстановки. Задача состояла в том, чтобы, базируясь на положениях общей психологии, выявлять закономерности психологии рядового бойца, командира, воинского коллектива и пр. Научный подход к проблеме сотрудников Института основывался на утверждении: несмотря на огромную роль техники в условиях современного ведения войны, решающее значение в плане успешности боевых действий принадлежит человеку, силе его духа, силе его сопротивления или моральному фактору. Воин как средоточие духовных сил — вот образ того понимания, в котором виделся им ключ к объяснению экстремальных психологических явлений военного времени. В ходе исследований предполагалось вскрыть психологическую природу «морального фактора», выявить стимулы его возникновения, изучать личность и ее поведение в бою, выработать методы воспитания необходимых воину моральных качеств и т. п.⁵

Научные планы Института составлялись буквально под бомбами противника: ведь через месяц после начала войны немецкие военно-воздушные силы начали бомбардировки Москвы. Все сотрудники несли

дежурства по охране институтского здания. В ночь первого вражеского налета на столицу на крышу попало несколько зажигательных бомб, но урона они нанести не успели, поскольку были своевременно потушены дежурившим в тот день старшим научным сотрудником Е.В. Гурьяновым. А вечером 27 октября возле памятника М.В. Ломоносову разорвалась тяжелая фугасная бомба. На дежурство в этот день заступили Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, Н.А. Рыбников, Л.И. Румянцева. Из сотрудников института никто серьезно не пострадал, но в здании были выбиты все окна, сорваны с петель двери. Ситуацию осложняли рано ударившие морозы. Для того, чтобы забить окна, пустили в ход деревянные стелы, ящики, лабиринты — все то, что смогли найти в Институте. Примерно к декабрю удалось залатать наиболее зияющие раны.

Продолжавшиеся научные исследования обрели иной целевой ракурс. Например, в ходе работ по исследованию процесса утомления теперь с особой тщательностью изучались результаты воздействия определенных фармакологических веществ, предназначенных для борьбы с утомлением в условиях военных действий.

Институтом была развернута направленная просветительская и консультативная деятельность. В атмосфере неутешительных сообщений Советского информбюро сотрудники Института занимались подготовкой своих выступлений в печати и в самых различных аудиториях, предполагавших непосредственное общение со слушателями. Большая часть этих выступлений была посвящена проблеме формирования моральных качеств — стойкости, воли, мужества, храбрости — у бойцов. Напечатанные в центральных СМИ 1941 г. статьи Б.М. Телова «Бунт звериного инстинкта против человеческого разума» и Ф.Н. Шемякина «Бандиты и человеконенавистники в роли ученых-психологов» были направлены на выявление антигуманизма и научной несостоятельности фашистской психологической науки. Эти публикации сыграли свою позитивную роль в обстановке моральной напряженности первых месяцев войны.

После начала войны Психологический институт на год был переведен в административную систему научных учреждений МГУ. В середине октября было получено распоряжение о срочной эвакуации вместе с Университетом. Однако эвакуация Института так и не состоялась. После вторичного распоряжения об эвакуации сотрудники постепенно начали покидать московские стены и выезжать в Ашхабад. Но после разгрома немцев под Москвой вопрос об эвакуации сам собой отпал. Вследствие этого Институт оказался разделенным на две части.

О том, какие организационные изменения претерпел Институт после эвакуации сотрудников и разделения его на московскую и ашхабадскую части, говорится в приведенной ниже выписке из Приказа по Московскому государственному университету им. М.В. Ломоносова от 6 марта 1942 г. «Об упорядочении организации работы Научно-исследовательского института психологии МГУ»: «§ 2. Установить действующими в Ашхабаде: Дирекцию и Управление делами Института (директор — профессор А.Н. Леонтьев); Ученый совет Института

и Отделы Института — Отдел генетической психологии (зав. профессор А.Н. Леонтьев), Отдел психологии речи и мышления (зав. профессор Б.М. Теплов), Отдел педагогической психологии (зав. профессор А.А. Смирнов), Отдел психофизиологии сенсомоторных процессов (и.о. зав. доц. Е.В. Гурьянов). Действующими в Москве установить: Кабинет истории психологии (зав. профессор Н.А. Рыбников) и Лабораторию психофизиологии ощущений (зав. профессор К.Х. Кекчеев)⁶.

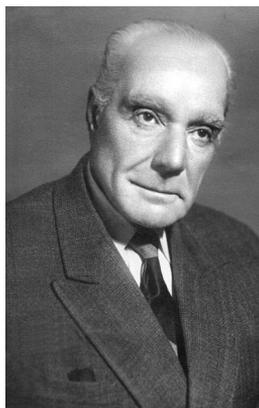
В Москве осталась весьма немногочисленная группа сотрудников. Директором московской части Института был назначен 11 декабря 1941 г. Н.А. Рыбников, который возглавил всю его работу, «умело организовал коллектив работников, находившихся в Москве и не входивших в штат Института. Это дало возможность в исключительно трудных условиях продолжать научную деятельность Института и в особенности провести ряд работ, имеющих оборонное значение и выполнявшихся по заданиям военных организаций» (из характеристики для представления к награждению медалью «За оборону Москвы», подписанной С.Л. Рубинштейном)⁷.

Таким образом, эвакуированных сотрудников Института в Ашхабаде возглавлял А.Н. Леонтьев, оставшихся в Москве — Н.А. Рыбников. Именно в ашхабадской эвакуации Б.М. Тепловым было начато исследование «Ум и воля военачальника», а П.А. Шеваревым, А.А. Смирновым, Е.В. Гурьяновым продолжена работа над монографиями. Летом 1942 г. ашхабадская группа Института переехала с Университетом в город Свердловск, и здесь под руководством А.Н. Леонтьева и активном участии А.В. Запорожца в одном из госпиталей были начаты исследования, направленные на поиск средств восстановления двигательных функций, нарушенных вследствие ранений. Группа же сотрудников Института, оставшихся в Москве, училась эффективно встраивать свою научную деятельность в план практических вопросов, которые ставили перед наукой военные ведомства.

Осенью 1942 г. на пост директора Института (в его московской части) был назначен С.Л. Рубинштейн, выдержавший самую тяжелую часть блокады в Ленинграде и прибывший после непродолжительной эвакуации в Москву.

В июне 1943 г. состоялось долгожданное воссоединение «свердловчан» и «москвичей», и Институт вновь стал работать как единое целое. В этот период С.Л. Рубинштейн подготавливал второе издание своих фундаментальных «Основ общей психологии», Б.М. Теплов писал первый советский учебник психологии для средней школы, призванный создать прочную базу научно-психологических знаний у учащихся. В Институт возвратились В.А. Артемов, Д.Н. Богоявленский, М.Н. Волокитина, Н.Ф. Добрынин, Н.И. Жинкин, С.В. Кравков, А.Р. Лурия, Н.П. Ферстер, П.М. Якобсон. В числе новых сотрудников были приняты на работу Е.А. Мальцева и М.В. Соколов.

В целом исследовательскую деятельность Института по военной психологии 1941–1943 гг. можно классифицировать по следующим направлениям:

Сергей Леонидович Рубинштейн (1880–1960)
Владимир Алексеевич Артемов (1897–1982)
Дмитрий Николаевич Богоявленский (1898–1981)
Николай Иванович Жинкин (1893–1979)
Павел Максимович Якобсон (1902–1979)
Михаил Васильевич Соколов (1894–1962)

I. Разработка общих проблем военной психологии

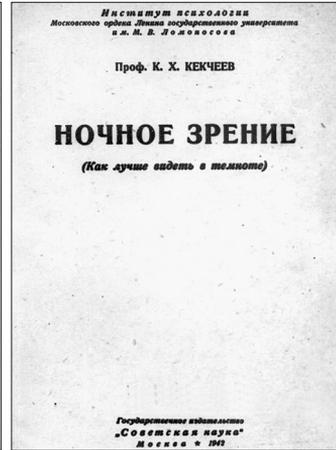
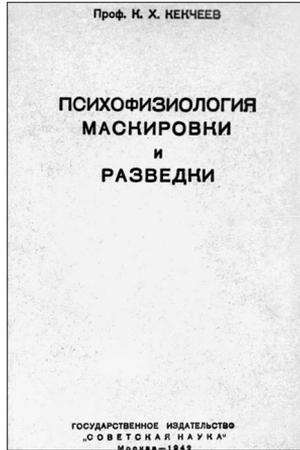
Результатом этой работы явился выход монографий «Ум полководца» Б.М. Теплова, «Психология командования» Т.Г. Егорова, «Психология боя» Н.И. Жинкина, «Суворов как военный психолог» К.А. Шершова и др.

II. Изучение проблемы восприятия в боевых условиях

Эти лабораторные исследования были развернуты по указанию санитарного отдела Штаба Московского военного округа. Они включали: исследование особенностей восприятия в условиях низкой освещенности (феномен «ночного зрения»), разработку методов ускорения адаптации к темноте, изучение психологических вопросов ориентировки на местности в боевых условиях. По результатам исследований К.Х. Кекчеевым были выпущены книги «Психофизиология маскировки и разведки» и «Ночное зрение. Как лучше видеть в темноте».

Крикор Хачатурович
Кекчев (1893–1948)

Кекчев К.Х. Психофизиология маскировки и разведки. — М.: Советская наука, 1942

Кекчев К.Х. Ночное зрение. (Как лучше видеть в темноте). — М.: Советская наука, 1942

III. Изучение психологических основ формирования навыков военного дела

Исследования навыков, их интерференции и упражнения еще в предвоенное время начал проводить Л.М. Шварц. Изучение проблем авиационной психологии («летного дела») и формирования профессиональных навыков летчиков осуществляли Т.Г. Егоров и Е.В. Гурьянов. Изучение психологических основ обучения военных радистов проводилось Е.А. Ракшей.

С первых дней войны группа по изучению психологических основ навыков летного дела продолжила свои исследования в составе отдела психофизиологии, возглавляемого К.Х. Кекчевым.

IV. Изучение психофизиологических условий восстановления функций, нарушенных в результате ранений

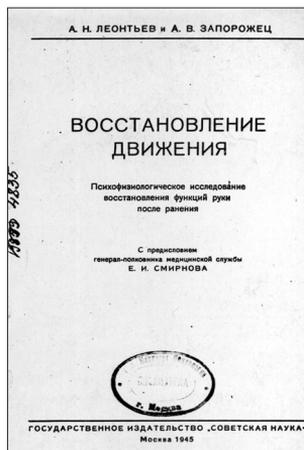
Итоги очень большого массива исследований нашли отражение в совместной монографии А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца «Восстановление движения: Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения», в работах А.Р. Лурии «Нарушение движений при поражении премоторных систем» и «Психологическое исследование движений после ранений руки» А.Н. Леонтьева.

V. Исследования влияния мозговых травм на высшие психические процессы

Работа имела гриф «секретно». Отчет об этой работе был заслушан на специальной конференции, проведенной Институтом совместно с кафедрой психологии МГУ. Только очень небольшая часть ее научно-практических результатов была опубликована в сборнике, закрытом для широкой научной аудитории.

Александр Владимирович
Запорожец (1905–1981)

Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения / пред. Е.И. Смирнова. — М.: Советская наука, 1945

VI. Просветительская и консультативная работа

Сотрудники Института читали доклады в воинских частях и на военных предприятиях, проводили беседы с ранеными, давали консультации и т. п.

В качестве ключевой военно-психологическая тематика — ее процесс и итоги исследований — обсуждалась на заседаниях Ученого Совета и совещаниях сотрудников Психологического института с активом московских психологов.

Конкретизировать *основные темы* по военной психологии и восстановить *имена исследователей* удалось по протоколам, представленным в Научном архиве ПИ РАО.

Темы исследований по военной психологии (1941–1945)

- ♦ Влияние внимания на чувствительность ночного зрения (Е.Н. Семеновская).
- ♦ Военное самовоспитание Суворова (К.А. Шерышев).
- ♦ Воспитание бесстрашия у бойца (Г.А. Фортунатов).
- ♦ Воспитание воли и характера бойца (Н.Д. Левитов).
- ♦ Героизм в Великую Отечественную войну (З.К. Столица).
- ♦ Зависимость порогов глубинного зрения от освещенности и от побочных раздражителей (К.Х. Кекчеев).
- ♦ Отечественная война и дети (Н.Д. Левитов).
- ♦ Психологические особенности воинского воспитания (Н.Ф. Добрынин).
- ♦ Психология боевой инициативы (Н.П. Ферстер).
- ♦ Психология бойца (Н.И. Жинкин).
- ♦ Психология командира (Т.Г. Егоров).
- ♦ Суворовское воспитание армии (В.А. Шерышев).

Тихон Георгиевич Егоров
(1891–1959)

Военные учреждения, реально внедрявшие результаты этих научных разработок Института в свою практическую деятельность, дали им очень высокую оценку⁷.

В октябре 1943 г. была учреждена Академия Педагогических Наук РСФСР, должность вице-президента которой занял бывший директор Психологического института К.Н. Корнилов. И в начале 1944 г. Психологический институт был передан в ведение новой академии. Ни для кого не являлось секретом, что поддержку в высших эшелонах Наркомпроса могли получить только те научные темы, которые имели выход на практические запросы школы и учителя. Вследствие этого Институт был переориентирован на прикладные исследования. Изучение архивных источников позволяет сделать вывод, что хотя на этом этапе по-прежнему декларировались высокие требования к уровню подготовки научных кадров и к качеству представляемых научных работ, но по существу был означен курс на учет мнения неспециалистов в психологии, знакомых или знакомящихся с этой наукой по статьям в педагогических журналах. В условиях смены ведомственного статуса Института методологические проблемы соотношения педагогики и психологии, а также значения предмета педагогической психологии стали основными для научных дискуссий: от их разрешения зависел выбор его будущей научной стратегии. Хотя эти вопросы и очень горячо обсуждались на объединенном заседании отделений педагогики и психологии АПН РСФСР (декабрь 1944 г.), но удовлетворительно для психологов решены не были. К.Н. Корнилов в своем докладе противопоставил педагогику и психологию, отведя психологу роль статиста без права выбора и решения в процессе, нормы которого должны вырабатываться педагогами. Отстаивая научно-методологическую состоятельность психологии, в полемике с ним участвовали Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов. Базовые установки, определяющие перспективы дальнейшей работы, сформулировал в заключительном выступлении президент АПН РСФСР И.А. Каиров: педагогика строится на психологической основе, педагогическая психология — это прикладная наука, предмет ее — раскрытие психики, личности ребенка в процессе обучения и воспитания⁸.

Переход в систему АПН РСФСР был связан для Психологического института с существенной реорганизацией. В первый же год почти втрое были увеличены штаты сотрудников, после чего в его активе было уже 8 отделов. За счет изменения вектора исследований в направлении изучения круга актуальных школьных проблем расширился план и объем научных работ. В число научных единиц входили отделы: общей психологии, детской психологии, педагогической психологии, психологии развития, психофизиологии, патопсихологии, психологии военного обучения, специальной психологии; предполагалась организация научно-технического отдела.

Что же касается условий для работы, то в этом отношении следует сказать следующее: здание Института в 1944 г. находилось в полуразрушенном состоянии, аудитории почти не отапливались, помещения мастерских были отданы под жилье, их оборудование было разбазарено начальствующими организациями, денег не было, да и приобрести на них что-то необходимое в условиях военного времени было невозможно. Но вот список *плановых научных исследований* 1944 г. (составленный на основании документов архива), проводимых в таких «неблагоприятных» условиях. Он свидетельствует о широте диапазона научной деятельности Института и отчетливо выявляет тот факт, что в обстановке продолжающейся войны были развернуты не только важные прикладные, но и базовые, фундаментальные, общепсихологические исследования.

Плановые научные исследования (1944)

- ♦ История русской детской и педагогической психологии.
- ♦ Мотивы деятельности ребенка (в игре, в рисовании, в речевом общении, в учении).
- ♦ Обучение военным специальностям (летчиков и военных радистов).
- ♦ Психические процессы при мозговых травмах (при поражении различных участков головного мозга).
- ♦ Психологические процессы при различных функциональных состояниях организма (при утомлении, при напряжении внимания у здоровых людей и у раненых).
- ♦ Психология детей дошкольного возраста (умственные процессы, двигательная деятельность).
- ♦ Психология детей семилетнего возраста (мышление и речь, особенности личности, освоение чтения и письма).
- ♦ Психология художественного творчества (музыкантов, певцов, актеров, художников, литературного творчества в детском возрасте).
- ♦ Развитие мышления в условиях школьного обучения (при запоминании, при усвоении математики — от арифметики до алгебры, при изучении родного языка и биологии).
- ♦ Распределение и объем внимания.
- ♦ Сознание долга у школьников (отношение к учебной работе, к учителю, к товарищам).

- ♦ Сознание и деятельность (их взаимоотношение, формирование сознания в процессе деятельности. частные проблемы — осознание слов и понятий, метафор, идиом, афоризмов).
- ♦ Формирование авторитета учителя.

Всего по этим и внеплановым темам было выполнено 89 наименований работ.

Как уже было отмечено, находился в стадии подготовки «Учебник психологии для средних учебных заведений», над которым работал Б.М. Теплов.

Под руководством Н.Д. Левитова в годы войны было проведено широкое психолого-педагогическое исследование в детских домах Москвы и Московской области⁹.

На время окончания войны в Институте работали такие видные психологи, как С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, А.Р. Лурия, А.В. Запорожец, П.А. Шеварев, Н.Г. Морозова, И.М. Соловьев, Н.А. Рыбников, С.В. Кравков, К.Х. Кекчеев, Н.Ф. Добрынин и многие другие. Еще молодыми, начинающими, на пороге своей научной славы были Л.И. Божович, Н.А. Менчинская, Я.З. Неверович.

В аспирантуре Института учился будущий историк и теоретик психологии М.Г. Ярошевский.

В 1944 г. после демобилизации с фронта пришел в институт Н.Н. Волков — психолог, логик и художник. Студентом Московского университета он учился у Г.И. Челпанова, затем работал вместе с ним в ГАХН. В институте Н.Н. Волков в течение многих лет возглавлял лабораторию психологии творчества¹⁰.

Сотрудниками проводилась постоянная работа по выправлению «прикладного крена» в работе Института. Как следует из документов Научного архива, май 1945 г. ознаменовался победой академической традиции: на заседании Ученого Совета было принято решение об усилении работы Института в области общей психологии: «В работе каждого научного сотрудника должен быть обеспечен общепсихологический аспект»¹¹.

Интенсивность научной жизни Института все военные годы была очень высока, что отразилось и в количестве опубликованных работ. В числе публикаций 1941 г. — «Программа и методические указания к курсу психологии для заочников педагогических институтов» Н.Ф. Добрынина, «Психология навыка чтения» Л.М. Шварца, «Способности и одаренность» Б.М. Теплова, «Влияние личного примера на формирование характера у учащихся 10-х классов» Н.Д. Левитова, «Внутренняя речь и понимание», «Роль осознания движения в выработке двигательных навыков» А.Н. Соколова, «К вопросу о природе алгебраических навыков» П.А. Шеварева, «К вопросу о навыках и их интерференции», «Интерференция и упражнение» Л.М. Шварца, «Вопросы развития мышления ребенка в дневниках русских авторов» Н.А. Менчинской, «Развитие руки на первом году жизни ребенка» Ф.Н. Шемякина и др.

Петр Алексеевич Шеварев (1892–1972)
Лидия Ильинична Божович (1908–1981)

Михаил Григорьевич Ярошевский
(1915–2001)

В 1942 г. были напечатаны, например, «Светомаскировка и маскировка» С.О. Майзель, «О действии стрихнина на различительную чувствительность глаза» С.В. Кравкова; в 1943 г. — «Ум и воля военачальника» Б.М. Теплова; в 1944 г. — «Влияние предварительных раздражений различных мест сетчатки на различительную чувствительность центрального зрения» С.В. Кравкова и Е.Н. Семеновской, пособие для учителей «Память школьника» Л.В. Занкова. В 1945 г. были опубликованы результаты исследований «Оборонные проблемы психофизиологии зрения», «Глаз и его работа» С.В. Кравкова, «О влиянии направленности и характера деятельности на запоминание» А.А. Смирнова, «Мозг и психика» А.Р. Лурии, «Проблемы деятельности и сознания в системе советской психологии» С.Л. Рубинштейна, «К вопросу о практическом мышлении (Опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам)» Б.М. Теплова, «Психология работы актера над образом (Н.П. Хмелев и М.И. Бабанова)» П.М. Якобсона, «Навык и действие» Е.В. Гурьянова и др.

Радостным событием в жизни Института было награждение 11-ти его сотрудников медалью «За оборону Москвы». Приводим их имена и небольшие выписки из представления к награде¹²:

- ♦ **Байкалова Нина Петровна**, «...несмотря на многосемейность и плохое состояние здоровья, отдавала все свои силы на работу в Институте, выполняя по собственной инициативе обязанности не только

бухгалтера, но и зав. канцелярией и руководителя всем хозяйством Института».

- ♦ *Благоднадежина Лариса Васильевна*, «...несмотря на свой возраст, несла регулярные дежурства на крыше во время наиболее тяжелых бомбардировок».
- ♦ *Гурьянов Евгений Васильевич* «...лично тушил зажигательные бомбы, упавшие на крышу Института, проявив при этом большое мужество и самообладание».
- ♦ *Леонтьев Алексей Николаевич* «...развернул и успешно провел большой цикл работ оборонного значения ... регулярно дежурил на крыше во время самых тяжелых бомбардировок. Проявил большое личное мужество и самообладание ...после падения фугасной бомбы... Лично участвовал во всех восстановительных работах».
- ♦ *Румянцева Любовь Ивановна* «...дежурила во время взрыва фугасной бомбы, получила ранения осколками стекол, но, несмотря на это, немедленно приступила к работе по восстановлению здания Института».
- ♦ *Рыбников Николай Александрович* «...после падения фугасной бомбы, несмотря на свой очень преклонный возраст, принимал личным трудом деятельное участие в восстановлении здания Института, работал в качестве рядового рабочего по заделке выбитых окон и очистке всего здания от строительного мусора».
- ♦ *Смирнов Анатолий Александрович* «...был начальником ПВО Института, с большой энергией, инициативой и организованностью руководил всей противовоздушной обороной Института. Бессленно находился на своем посту в течение всего периода наиболее сильных бомбардировок... Дежурил на крыше в момент падения фугасной бомбы... Не покинул поста, когда тот был оставлен профессионалами — пожарниками Университета».
- ♦ *Теплов Борис Михайлович* «...нес дежурства во время наиболее сильных бомбардировок ... Был на посту в момент падения фугасной бомбы. Не покинул пост, когда тот был оставлен профессионалами-пожарниками».
- ♦ *Терехина Ксения Ивановна* «...активно работала по восстановлению здания Института, не считаясь со своим возрастом... и с исключительно слабым здоровьем».
- ♦ *Шеварев Петр Алексеевич* «...активно участвовал в пожарной охране Института, регулярно дежурил на крыше во время бомбежек, проявляя большую выдержку и самообладание ... участвовал в работах по восстановлению Института».
- ♦ *Цейдлер Надежда Германовна*, «...несмотря на свой преклонный возраст... неизменно находилась на своем посту во время ночных бомбардировок... Принимала активнейшее участие в восстановительных работах ... После падения фугасной бомбы, причинившей зданию Института большие повреждения, приняла энергичные меры к охране библиотечного имущества ... сохранив большой и исключительно ценный книжный фонд Института».
- ♦ К медали «За оборону Москвы» был также представлен шестиклассник *Теплов Игорь Борисович* (сын Б.М. Теплова), который «по

Анатолий Александрович Смирнов.
Директор Научно-исследовательского института
психологии АПН РСФСР. 1945 г.

Борис Михайлович Теплов.
Заместитель директора Института

собственной инициативе пришел работать в Институт по восстановлению здания. Работал с исключительной энергией и умением. Значительно превышая все предлагавшиеся ему задания, своим трудовым энтузиазмом заражал взрослых работников — сотрудников Института... Выполнил значительную долю восстановительных работ».

В тяжелейший для всей страны период Институт сумел, будучи разделенным на две части (эвакуированных и оставшихся в Москве — под бомбами, в голоде и холоде), сохранить единство и свое научное лицо, продолжать научные исследования, быстро переключиться на военную тематику. Летопись военного подвига 1941–1945 гг. сотрудников Психологического института подтверждает слова великого русского философа: «...если в воюющей стране воцарится упадок духа, прекратится наука и философия, умолкнет искусство, угаснет нравственное и религиозное искание, то страна эта станет на краю поражения. Ибо дух армии таков, каков духовный подъем среди ее народа. Свободное, углубленное искание истины, добра и красоты должно не прекратиться среди народа, вовлеченного в войну, но разгореться еще ярче» (И.А. Ильин)¹³.

Летом 1945 г. А.А. Смирнов, занимавший должность заместителя С.Л. Рубинштейна по научной работе, был назначен директором Института, возложив обязанности своего первого заместителя на Б.М. Теплова.

Начался новый, уже послевоенный период в развитии отечественной психологии — науки победившего народа, плоть от плоти которого были советские психологи, психологии — науки-победительницы, внесшей свою весомую лепту в историю Великой Победы.

- ¹ Ильин И.А. Духовный смысл войны // И.А. Ильин. О сопротивлении злу силою: Poleмика вокруг идей И.А. Ильина о сопротивлении злу силою. — М.: Айрис-Пресс, 2005. С. 264. В цитате курсив И. Ильина. — *Авт.*
- ² Протокол совместного заседания отделения педагогики и психологии АПН ССР. 1944 декабрь // Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 35
- ³ Теплова Я.А. В семье // Способности: К 100-летию Б.М. Теплова. Дубна: Феникс, 1997. С. 48.
- ⁴ Боцманова М.Э., Гусева Е.П., Равич-Щербо И.В. Психологический институт на Моховой. Исторический очерк (под ред. В.В. Рубцова, А.Д. Червякова). — М.: Изд-во ИЧП «ЕАВ», 1994. С. 19.
- ⁵ Рыбников Н.А. «Что такое военная психология?» // Архив РАО. Ф. 82, оп. 3, ед. хр. 637; ксерокопия рукописи см.: Научный архив ПИ РАО. Ф. 8. Собрание кабинета истории психологии: «Н.А. Рыбников».
- ⁶ Научный архив МГУ. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 37. Л. 287
- ⁷ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 40. Л. 11.
- ⁸ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 29.
- ⁹ Протокол совместного заседания отделения педагогики и психологии АПН ССР. 1944 декабрь // Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 35
- ¹⁰ Научный архив ПИ РАО. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 231.
- ¹¹ О жизни и научной деятельности Н.Н. Волкова см., напр.: Чуприкова Н.И. Теория, методология и результаты экспериментального исследования зрительного восприятия в книге Н.Н. Волкова «Восприятие предмета и рисунка» // Фундаментальные проблемы общей психологии / отв. ред Н.И. Чуприкова, И.В. Равич-Щербо. М.: ПИ РАО; МГППУ, 2004. Т. I. Кн. 1. С. 74–78; Гусева Е.П., Козлов В.И., Серова О.Е., Червяков А.Д. Челпановская традиция в научном творчестве Н.Н. Волкова // Альманах Научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. С. 216–236.
- ¹² Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 43.
- ¹³ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 40.
- ¹⁴ Ильин И.А. Духовный смысл войны // И.А.Ильин. О сопротивлении злу силою: Poleмика вокруг идей И.А. Ильина о сопротивлении злу силою. — М.: Айрис-Пресс, 2005. С. 240.

ГЛАВА IV

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В СОСТАВЕ АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК И РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ: 1946–2004 гг.

Психологический институт создал свою современную историю многолетней творческой деятельностью в системе Академии педагогических наук, под руководством двух учеников Г.И. Челпанова — Анатолия Александровича Смирнова и Бориса Михайловича Теплова.

Страницы истории, которые мы уже перелистали, убеждают в том, что Психологический институт — это не только стены, помещения и лаборатории, это не только исследования, которые в нем проводились и проводятся, не только полученные экспериментальные данные и выстроенные научные теории. Институт — это в первую очередь люди, создавшие его как уникальное научное учреждение, его живая история. Эти люди, конечно, выразили себя в научных исследованиях, — и эти исследования может прочесть каждый. Но не только в них. Материалы научных дискуссий, составляющие важную часть богатейшего архивного наследия Института, позволяют нам хоть немного показать людей, создавших его историю. В публичных выступлениях, как в модели экстремальных ситуаций, проявляются личные качества людей, их психологические особенности, звучат те живые человеческие нотки, которых нельзя найти в строгих научных трудах. Краткий исторический обзор позволяет остановиться лишь на некоторых событиях, и приходится принимать как должное, что о многих значительных явлениях и именах будет сказано совсем немного.

В 1944 г. — еще не закончилась война — Институт был передан во вновь учрежденную Академию Педагогических Наук РСФСР.

Летом 1945 г. произошли изменения в руководстве Института: С.Л. Рубинштейн, являвшийся членом-корреспондентом АН СССР

Петр Яковлевич Гальперин
(1902–1988)

и работавший до этого в Академии наук по совместительству, решил сосредоточиться на работе в ней целиком и оставить пост директора Института психологии. На его место был назначен А.А. Смирнов, бывший до этого заместителем С.Л. Рубинштейна по научной работе. Заместителем директора института стал Б.М. Теплов.

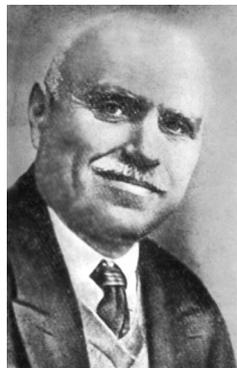
В 1945 г. штаты Института были увеличены еще на 35 %, добавились внештатные сотрудники (договорные и безвозмездные), в числе которых был, например, П.Я. Гальперин.

Была изменена программа исследовательских работ: в отделе общей психологии место темы «Сознание и деятельность» заняли темы «Психология личности» и «Психология мышления».

В 1945 г. произошло избрание Б.М. Теплова действительным членом Академии педагогических наук РСФСР, а Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии — членами-корреспондентами АПН РСФСР. В 1946 г. С.В. Кравков был избран членом-корреспондентом сразу двух Академий — Академии Наук СССР и Академии медицинских наук РСФСР; К.Х. Кекчеев в 1947 г. стал членом-корреспондентом АПН РСФСР.

На одном из заседаний Ученого Совета состоялось выдвижение на звание профессора Н.А. Рыбникова. В представлении были отмечены его заслуги в деле создания истории русской психологии: «Им организован в Институте психологии Кабинет по истории психологии, в котором он собрал материал о деятельности психологов и представителей смежных наук, о съездах и конференциях, об откликах в печати. Он учитывает психологическую работу на периферии, поддерживает связь и инструктирует работников других городов. Можно смело сказать, что ни одна другая дисциплина в СССР не имеет столь превосходно организованного органа по своей истории, какой имеет психология благодаря неутомимой деятельности профессора Н.А. Рыбникова»¹.

В марте 1946 г. на Ученом Совете Института совместно с кафедрой психологии МГУ был заслушан доклад С.Л. Рубинштейна на тему «И.П. Павлов и психология». Следует отметить, что это было задолго до знаменитой Павловской сессии. С.Л. Рубинштейн призвал к построению психофизиологии как науки, изучающей психические

Николай Александрович Рыбников
(1880–1961)

явления на основе физиологических закономерностей, к разработке учения о физиологических механизмах высших форм сознательной деятельности человека, в чем учение Павлова открывало, по его словам, огромные перспективы².

В том же 1946 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», нацеленное на разгром литературы. На документы такого уровня должны были реагировать все, а особенно представители общественных наук. Психология не была исключением³.

Но если раньше организовывались дискуссии и раздавались голоса не только в осуждение, но и в поддержку «разбираемых» теорий, методик, личностей, то теперь эти времена прошли: осуждение (в категорических формулировках, не требующих какой-либо, тем более научной, аргументации) спускалось сверху, всякое возражение автоматически зачисляло возражающего в сонм врагов и приводило к тяжким жизненным последствиям. Поэтому идеологическая борьба в значительной мере формализовалась, стала дежурным мероприятием, которое «отбывалось» в зависимости от разных факторов — от уровня порядочности до служебного положения, в диапазоне «отмалчивание — горячее одобрение».

Служебное положение как один из факторов, определявших накал идеологической борьбы, упомянуто не случайно: «идейный разгром руководящего лица, по сути, означал конец руководимого им учреждения. Ученики и сотрудники немедленно зачислялись в “агенты” и “адепты”, последователи — в “последыши”, исследователи — в “пропагандисты зловредных идей”»⁴. Навешивался ярлык, учреждение или направление закрывалось, а люди изгонялись. И тому было множество примеров.

Именно поэтому руководители научных учреждений, чтобы не погубить дело, в которое были вложены все силы души, и была отдана вся жизнь, нередко сознательно выступали в роли «возглавившего» очередную кампанию идеологической борьбы, и только для того, чтобы провести ее, по возможности, без жертв или хотя бы с минимальными потерями.

«Знание особенностей психологии идеологической борьбы в послевоенные годы необходимо, чтобы правильно понять позиции

многих известных психологов, замечательных ученых и уважаемых людей, которые вынуждены были повторять то, что выливалось сверху на наше “свободное” сообщество, и особенно, когда дело касалось “гениальных трудов лучшего друга” всех ученых. Эти позиции сегодня многим, особенно молодым, могут быть непонятны и даже вызывать осуждение, но люди старшего поколения — которые тоже были молодыми и тоже подчас осуждали — позже смогли оценить, с каким поистине лоцманским искусством проводили такие руководители дело своей жизни между Сциллой репрессий и Харибдой потери доброго имени»⁵.

В начале сентября 1946 г. состоялось заседание Ученого Совета с докладом директора Института А.А. Смирнова по итогам работы за первое полугодие. В докладе содержались самокритичные упоминания о невысоком теоретическом уровне в психологических работах (с оговоркой «бывает иногда») и о «преклонении» перед буржуазной наукой, а также о влиянии приятельских отношений на оценку работ (что, вероятно, было достаточно справедливо), после чего А.А. Смирнов перешел к содержательному анализу работы Института.

Пересказать итоговые доклады А.А. Смирнова невозможно. Старшее поколение Института помнит их — с детальным анализом чуть ли не каждого исследования отчетного года и с неизменной заботой о науке. И это задавало тон коллективу. А забота проявлялась в разных формах — в зависимости от ситуации; иначе и быть не могло.

При обсуждении доклада Н.А. Менчинская резонно заметила, что «для того, чтобы не впадать в раболепие перед иностранной психологией, ее надо знать»; А.Н. Леонтьев потребовал приблизить психологические исследования к вопросам практики, с одной стороны, а с другой — усилить разработку теоретических проблем; К.Х. Кекчеев, указав на своевременность постановления ЦК, потребовал усиления библиографической работы, обмена изданиями с границей, получения оттисков заграничных публикаций — для того, чтобы не происходило «конфузного дублирования» иностранных работ.

В аналогичном стиле выступили и другие сотрудники: упомянув вначале постановление, они переходили к насущным нуждам Института, привязывая их к требованиям постановления, — и такой «ораторский прием» позволял развивать научные исследования дальше⁶.

Год 1946-й был богат на политические события: речь И.В. Сталина о программе строительства коммунизма, выход в свет первых томов полного собрания сочинений «гения научной мысли», доклад А.А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», постановление ЦК «О преподавании логики и психологии в средней школе». Все это, конечно, «ориентировало» коллектив Института, однако исследования его продвигались по намеченным научным программам. Результаты выполнения плана научных работ за 1946 г.: 80 трудов общим объемом на 250 печатных листов, 5 научных и 15 научно-популярных опубликованных статей, подготовлено 4 тома «Известий АПН», сделано 166 научных докладов, 622 — научно-пропагандистских,

Ольга Ивановна Никифорова (1903–1978)

Александр Николаевич Соколов (1911–1996)

Константин Николаевич Корнилов (1879–1957)

проведено 114 консультаций. В этом же году начал работу научно-технический отдел.

В докладе А.А. Смирнова по итогам года содержались указания на некоторые идеологические ошибки. В работе Н.А. Черниковой, например, изучавшей влияние подражания на литературное творчество детей, дети подражали — кому бы вы думали? — Блоку и Северянину! А где «советский ребенок»? Но в общем Черниковой «собран ценный, богатый материал» и «мы не раз положительно оценивали эту работу». Или, например, Л.И. Божович отрывает вопросы мотивации от идеологии. Но в ее работе проблема подвергнута теоретическому осмыслению, что положительно. О.И. Никифорова, изучая влияние литературы на читателя, учитывала только художественную правду произведения, но не его идеологическую направленность. А Чернышевский? А Николай Островский? Но, конечно, художественная правда — необходимое и важное условие. При обзоре зарубежных теорий Н.П. Ферстер и А.Н. Соколов не представили их принципиальной критики, а К.А. Шерышев, изучавший понимание афоризма, почему-то ссылается на В. Вундта и Г. Гегеля, и лишь потом — на В.И. Ленина. Подверглись такой же «разгромной» критике еще несколько сотрудников. «Но все это, — завершил А.А. Смирнов, — в конце концов, замечания небольшие».

К.Н. Корнилов, теперь уже в должности вице-президента АПН РСФСР, выступивший по докладу А.А. Смирнова, призвал изучать специфику «проблем человеческой души советского человека»: «где-то в человеческой душе... мы все еще откапываем какие-то бессознательные корни, а их по природе, по-моему, в советских условиях не существует, <...> общественная жизнь и ее требования каленым железом выжигают все моменты бессознательных действий». Обращаясь к А.Н. Леонтьеву, Корнилов говорил о том, что нужно делать доклад так, «чтобы Калашников (зам. министра) понял». И в заключение он призвал Институт «крепко перестраиваться».

В заключительном слове А.А. Смирнов сказал, что в отчетном году произошла кристаллизация конкретных проблем, над которыми работает каждая лаборатория, но нет «единства теоретических позиций», и добиться этого методологического единства очень трудно, учитывая обновление кадров в Институте. И только в отделе детской психологии (руководитель А.Н. Леонтьев), где работают именно единомышленники, создана единая теоретическая база. В качестве положительного аспекта исследований сотрудников Института было отмечено изучение специфики советского человека, советского ребенка. А.А. Смирнов подчеркнул также важность постановки проблемы методов и культуры исследования. В целом «коллектив имеет все возможности для того, чтобы поднять на более высокий уровень нашу работу»⁷.

В 1947 г. в жизни Института было два значимых события: обсуждение книги С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», прошедшее в апреле, и обсуждение учебника по психологии для вузов — в октябре (которое продолжилось в ноябре на втором заседании Ученого совета).

В архиве сохранилось выступление А.Н. Леонтьева. Он назвал книгу С.Л. Рубинштейна выдающимся явлением в советской психологической литературе, потому что она представляет собой обобщение советской психологии, изображает ее научное лицо; обозначает перспективы развития науки; является единственным пособием для подготовки специалистов, в том числе преподавателей психологии.

Но при этом А.Н. Леонтьев поставил три вопроса: а) как представлено в этой книге лицо советской психологии; б) куда ведет эта книга советскую науку и в) как она ориентирует будущих преподавателей.

Концепция С.Л. Рубинштейна о двойной детерминации психики — мозгом и объектом — предполагает еще детерминацию этой двойной детерминации: «две неразрывные стороны единого по существу отношения психики к ее материальному субстрату», которое должно быть раскрыто с помощью особого ключа, даже двух: понимания развития и решения проблемы сознания. Анализируя соответствующие разделы книги, А.Н. Леонтьев выделил ее главный тезис — единство психики и деятельности. «Самая идея введения понятия деятельности составляет большой шаг вперед в развитии нашей науки», — подчеркнул А.Н. Леонтьев. Но при этом он критически расценил положение «единство психики и психических компонентов деятельности», которое не дает решения поставленной проблемы, и неясное определение психофизической функции. Назвав объект критики «трудностями», А.Н. Леонтьев показал, что у С.Л. Рубинштейна «развитие психических функций ... определяет развитие мозга, развитие мозга, как органического, определяет дальнейшее развитие психических функций, психического», что, как утверждает Леонтьев, «не выводит автора из его основной трудности». Те же противоречия он отметил и в учении Рубинштейна о сознании, где автор также пришел к двойной детерминации: «личное

и общественное в человеке; переживание и знание; бессознательное и сознательное; зависимость от мозга и зависимость от мира, от социального бытия». Проблема развития в психологии, заключил Леонтьев, не может быть решена положением о «единстве органа и функции». Хорошо, что проблема сознания введена в круг психологических, а не только философских и общественно-исторических проблем; но психологическая теория сознания должна быть разработана, а этого пока нет. Вдобавок и специфическая психология советского человека не очень-то раскрыта. Что же тогда есть в этой книге? Дает ли она такие теоретические перспективы, следуя за которыми можно «прийти к решению задач, стоящих перед нашей психологией, ...создает ли она почву для этого? Я бы ответил на этот вопрос так: нет»⁸. Что впрочем, не помешало книге С.Л. Рубинштейна быть переизданной и оставаться до сих пор одним из наиболее серьезных трудов по психологии.

Состоявшееся в октябре–ноябре 1947 г. обсуждение учебника психологии для педвузов было, собственно говоря, проведено с некоторым запозданием: учебник выдержал уже третье издание; однако авторы утверждали, что он серьезно переработан, а некоторые главы написаны заново. Кроме того, в него были включены главы и параграфы из учебника Б.М. Теплова для средней школы — в порядке компромисса.

В выступлении А.А. Смирнова учебник был охарактеризован так: «Каждая глава в отдельности не так плоха... есть определенно хорошие главы, но когда берешь учебник в целом, не получается впечатления спаянной коллективной работы, каждый автор идет сам по себе».

Основной рецензент А.Р. Лурия выдвинул следующие требования к учебнику вообще: быть идейно выдержанным, располагать достаточным фактическим материалом, не отражать только лишь общие положения и установки, и, наконец, показывать единство психологической науки и практики. Данный учебник был оценен им как недостаточно идейно зрелый: «отдельные главы, написанные разными авторами, ...неодинаково законченно развивают ... идейную концепцию». Было указано, что в нем мало фактического материала и нет системы фактов. «Например, у меня, как участника работ советской психологии, — заметил А.Р. Лурия, — получается такое впечатление, что мы работаем зря. Работали 20–30 лет — и ничего не наработали». Что же касается единства практики с теорией, то это вообще самая слабая сторона учебника: мало педагогики, педагогическая психология дана абстрактно.

П.А. Шеварев, выступавший следом, сказал, что плохо или хорошо написан учебник, «но как-то науки не видно, как-то сели люди за стол и выдумали». И вообще учебник не для студента первого курса, а для аспиранта. По такому учебнику «если бы меня заставили держать экзамен, я бы провалился. Далее Шеварев показал, что при определении сознания в учебнике приведено пять различных толкований, — студент непременно запутается. Шеварев уточнил, что построил анализ материала учебника «с точки зрения думающего студента», это вызвало реплику Б.М. Теплова: «Когда со своей — лучше выходит».

Если А.Р. Лурия обратил особое внимание на недостатки в показе физиологических механизмов и мозговых структур, то П.А. Шеварев обнаружил такую путаницу и неразбериху в представлении различных психологических понятий, такие алогичности в изложении («чем дальше, тем все в большую и большую злость приводит меня обычное расположение материала в курсе психологии»), что кто-то из присутствующих даже сказал, что это претензии не к авторам учебника, а к науке: вся эта путаница существует на деле, взгляды разных ученых не совпадают, единства нет в самой психологии.

Выступили В.Н. Колбановский, П.И. Размыслов, А.В. Веденов, предъявившие к учебнику претензии в духе времени — идеологического характера. Потому, основанием для вопроса, почему при изложении зоопсихологических проблем упоминается Келлер, но нет упоминания о работах Боровского, оказался не недостаток научной осведомленности авторов, а «четкое указание по этому поводу ЦК в закрытом письме»⁹.

Обсуждение так и не было закончено и перенесено «на потом»¹⁰. Продолжилось ли оно — не знаем. Во всяком случае, третье издание учебника вышло, несмотря на категорические возражения А.В. Веденова по упомянутым выше соображениям.

В отчете Института за 1947 г. на почетном первом месте значатся статьи «Вопросы воспитания коммунистической морали» Н.Д. Левитова и ряд статей на ту же тему В.Н. Колбановского; статья «Психологическая характеристика морального облика советского человека» А.В. Веденова, а дальше уже идут исследования мотивов, идеалов, стойкости и инициативности, влияния коллектива и сознание долга у школьников; изучались также усвоение понятий в процессе школьного обучения (в этом разделе присутствовали все школьные предметы), психологические требования к букварю и черты личности советского учителя.

«Кроме того», сообщается в отчете (стоит оценить это «кроме» — *Авт.*), были представлены монография А.А. Смирнова «Психология запоминания», тома «Известий АПП» под редакцией П.А. Шеварева и А.Н. Леонтьева и результаты очень большой работы Института по исследованию вопросов преподавания психологии в высшей и средней школе.

И лишь шестым разделом отчета следовали работы по общей психологии, психофизиологии, психологии труда, психологии искусства и истории психологии. Историей психологии занимались Б.М. Теплов («30 лет советской психологии») и, как всегда, Н.А. Рыбников. Том «Известий» под редакцией Б.М. Теплова, «Мозг и психические процессы» А.Р. Лурии, исследования К.Х. Кекчеева, С.В. Кравкова, Н.И. Жинкина, Н.Ф. Добрынина и других сотрудников только перечислены, но дано подробное изложение процесса изучения психологических особенностей труда стахановцев на «Трехгорке» и обувной фабрике имени Капранова.

В 1947 г. существенно было обновлено техническое оборудование Института: приобретены 2 станка (для работ по дереву и по ме-

таллу), мебель; сконструировано и установлено несколько аппаратов для научной работы. Научно-технический отдел выполнил спецзаказы одной из Военных Академий и Московского государственного педагогического института им. Ленина¹¹. И в этом же году Институт впервые оказался под угрозой выселения из своего здания, которого активно добивался МГУ.

В феврале 1948 г. состоялся, как обычно, итоговый (за 1947 г.) доклад директора Института А.А. Смирнова. В нем порядок представления работ был обратным вышеприведенному в Отчете: вначале рассматривались фундаментальные работы и учебники, а уж затем — идеологические статьи и книги (подвергнутые, кстати, критике как недостаточно идеологически выдержанные); отмечены слабость теоретического уровня работ, с одной стороны, и недостатки при использовании эксперимента — с другой. И, конечно, все как один были повинны в преклонении перед Западом — то есть в упоминании иностранных авторов и применении «нерусской» терминологии. «Я думаю, конечно, — сказал докладчик, — никто не станет считать, что нужно не знать или можно не знать иностранную литературу, что можно игнорировать то ценное, что есть в ней, но что у нас привычка выработалась раскланиваться перед каждым иностранным лаборантом, фигурально выражаясь, и игнорирование работы своих ученых, — это есть, несомненно».

Летом 1948 г. страну потрясла сессия ВАСХНИЛ. Институту, конечно, тоже не полагалось оставаться в стороне, и 11 сентября 1948 г. состоялось заседание Ученого Совета с докладом директора¹². Смирнову пришлось пересказать все, что полагалось, про вейсманизм-морганизм, Мичурина и Лысенко, особенно во вводной части доклада, которая просто на удивление не несет на себе ни малейшего отпечатка личности Анатолия Александровича — так мог сказать кто угодно. Но это так и было: всем руководителям «идеологических» учреждений (да и не только им, но им — в первую очередь) в это время приходилось говорить одни и те же фразы. Однако как только Смирнов перешел на проблемы Института, язык сразу изменился, — стал живым. Как получилось, что психологи, в отличие от других, не сделали ошибок в изучении проблемы наследственности? Очень просто: «Мы не сказали ничего ошибочного по этим проблемам, потому что мы вообще ничего не сказали». Однако проблема способностей и одаренности с ее вопросом о врожденных задатках несет в себе опасность. В свете итогов сессии ВАСХНИЛ задатки должны изменяться в процессе развития, но тогда получается, что эксплуататоры (там, у них), живущие в более благоприятных условиях, должны накопить задатков побольше и лучше, по сравнению с бедняками. Вот какое возможно извращение буржуазной наукой правильного решения. Это должно нас заставить еще более пристально обратиться к вопросу о том, какую роль мы вообще уделяем врожденным задаткам и какую роль среди них играют наследственные задатки. Эта проблема должна быть предметом обсуждения у нас в ближайшее время». Или, например, проблема «развития психики в плане изучения общественно-исторического развития

сознания человека <...> По существу мы ограничиваемся здесь декларациями или пересказом не нами выдвинутых положений исторического материализма». Далее докладчик резко возразил тем, кто считал психологию «эпигонством от педологии»: «Нами накоплен большой фактический материал, как критического, так и несомненно позитивного порядка. Мы оперируем не голыми декларациями, не просто некоторыми формальными положениями, а действительно вооружены оружием фактов <...> Работы, которые ведутся в нашем Институте, во многих отношениях, несомненно, полезны для практики» и т. д. Но самоуспокаиваться рано (такой вывод сделан из анализа некоторых «абстрактно-функционалистских» работ). Присущ нам и формализм, который проявляется в любимой нашими психологами погоне за квазинаучностью изложения. «Мы встречаемся со своеобразной словесной эквилибристикой, жонглерством, со своеобразным чудачеством, к которым присоединяется квазинаучная терминология». Потому А.Н. Леонтьев и ставит проблему сознания не как проблему структуры сознания, а как проблему его формы (а не содержания). И еще один грех присущ нашим работам — интеллектуализм. Не занимает в наших исследованиях подобающего места проблема личности. «Но надо помнить, что эта проблема остро выплывает и в глубинной психологии, начиная с Фрейда и Адлера — разумеется, идеалистов и реакционеров. А где личность советского человека? Мы много говорим о ней, но не всегда удачно».

Говоря о перспективе работы Института А.А. Смирнов указал на необходимость усиления теоретической работы, в частности, по вопросам о предмете психологии, развитии психики, системе психологических понятий, взаимоотношениях психологии и педагогической практики, психологии и физиологии. Необходимы также перестройка подготовки аспирантов и пересмотр тематики работ будущего года.

Выступления по докладу не представляли бы особого интереса, если бы не разразился скандал. Сначала все было спокойно: А.В. Веденов цитировал передовицу «Правды» и говорил об «ужасах капитализма»; А.Р. Лурия ратовал за изучение физиологического субстрата психики; К.Н. Корнилов объяснял, что «когда мы говорим о психологии советского человека, не мотивы здесь играют существенную роль, здесь должна быть психология деятельности», а работы Кравкова и Лурии слишком сложны.

Но Корнилов, характеризуя выступление Веденова, вспомнил историю их взаимоотношений: как пришли они вместе с Таланкиным — «два молодых Аякса», как шла совместная работа, пока не начались «его совершенно необоснованные наскоки», как Залкинд объявил Корнилова врагом народа, а Веденов был тогда ученым секретарем, и все 6 экземпляров стенограммы исчезли. «Вы сыграли исторически такую некрасивую роль, что не могу понять: как вы можете оставаться после этого членом партии <...> Вы не обладали ни трезвым умом, ни твердой памятью».

На защиту Веденова встали Н.А. Менчинская, А.Р. Лурия и Б.М. Теплов, сказавший, что с речью Веденова он вовсе не согласен, но нельзя

переносить полемику в план личностей. То же сказал и А.А. Смирнов. И все успокаивали Корнилова, говоря, что про него лично ничего плохого сказано не было.

В.А. Артемов, сначала долго рассказывавший про выразительность речи, а потом про то, как «пришлось выкорчевывать челпановщину, залкиндщину», как «пришлось бороться с так называемой рефлексологией, с механистами». И нет «никаких оснований кого-то из нас зачислять в реакционные, а кого-то в прогрессивные деятели от психологии» — ведь «может оказаться, что если поглубже разобраться в ком-либо из товарищей, которые на первый взгляд очень прогрессивны, то ...». Многое могло оказаться...

В.Н. Колбановский вернулся к сессии ВАСХНИЛ и объяснил, что «Сталин дал характеристику передовой науки и четко сказал, кого надо видеть подлинным передовиком и новатором» — Лысенко и Мичурина, которых до того учеными вообще не признавали. Так же не признавали и новатора-педагога Макаренко, утверждавшего коллектив как главное условие правильного воспитания настоящего социалистического человека. И до сих пор его замалчивают, а на кого ориентируют? На Яна Амоса Коменского, Дидро, Руссо! А Макаренко «является Мичуриным советской педагогики».

А.Н. Соколов говорил о недооценке педагогической практики при изучении общей психологии: в ней должны вызреть действительные теоретические проблемы, отказ от которых был бы губелен не только для общей, но и для практической психологии.

П.Я. Гальперин восстал против признания органических задатков для способностей как концепции биологической основы психики и призвал не верить успокаивающей аргументации насчет того, что задатки, мол, формируются в развитии, в течение жизни. «Если акад. Лысенко опровергает теорию органических носителей для телесных признаков — генов, то мы имеем еще большее основание отрицать теорию органических носителей, т. е. задатков для психических особенностей; такие теории являются биологизаторскими, расистскими».

Б.М. Теплов вернулся к выступлению А.А. Смирнова: мы ошибок не сделали не только потому, что ничего не делали, но и потому, что и делали нечто хорошо. Например, в докторской диссертации А.Н. Леонтьева о развитии психики есть прямые апелляции к работам Лысенко. По вопросу о наследственности мы тоже стоим на правильном пути, признавая опосредованность ее воздействия на человеческую психику. Но что П.Я. Гальперин предлагает вместо задатков — непонятно. Какой-то материальный субстрат есть, и он многозначен. «Пропусту говоря, у ребенка с данными задатками можно воспитать совершенно разные способности. Но все-таки у этих способностей останется некий материальный субстрат». Теплов призвал соединять теорию с практикой путем выделения из практики самой постановки проблемы, а не только путем приложения к практике результатов исследований. Конечно, самым важным критерием нашей работы должен быть критерий признания практикой. Но чтобы вернее попасть, надо отойти.

Не все работы должны быть непосредственно «практичными». Это касается области изучения материального субстрата, без которого материалистическая психология немыслима. Это проблема не чисто психологическая, а психофизиологическая.

Говоря о необходимости четкого выявления прогрессивной и регрессивной тенденций в психологии, Б.М. Теплов сказал: «Главное сейчас не в лицах, не в том, как кого назвать, а в том, в чем выражается прогрессивная и в чем выражается реакционная линия в том или другом вопросе», и путь здесь — не классифицирование людей, а предложенный А.А. Смирновым ряд теоретических дискуссий по основным вопросам нашей науки. Чрезмерно спешное решение этой задачи едва ли ведет к добру. «У нас, конечно, не надо искать, — это было бы вредно — своего Лысенко» — заметил Б.М. Теплов. В заключение он призвал активнее выдвигать на руководящие должности молодых работников. «Проблема молодых кадров есть одно из решающих звеньев, за которые надо тянуть цепь». И аспирантами руководить нужнее, чем, например, Левитовым, «которого уже не изменишь».

В заключительной речи А.А. Смирнов затронул и еще один важный вопрос — «о прежних ошибках тех, кто сейчас критикует других», отнеся это, в основном, к себе самому, вспомнив о своих прежних взглядах на наследственность в духе менделизма. А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев вместе с Л.С. Выготским тоже пытались установить «натуральное» развитие психики, т. е. грешили биологизаторским уклоном. Но всех поправило «историческое постановление ЦК партии о педологических извращениях, которое указало нам, как решать эти вопросы». Вслед за этим председательствующий заметил, что общая психология у нас часто служит ширмой для совершенно абстрактных и формалистических работ, и призвал изучать психологию как ребенка, так и взрослого человека в конкретных видах его деятельности. Связь с практикой необходима не только для описания, но и для объяснения того, что в ней происходит, а также для изучения возможностей воздействия на человека. В заключение А.А. Смирнов самокритично охарактеризовал работу руководства Института и закончил — под аплодисменты собравшихся — призывом сплотиться, и оставив местнические споры, разрешить все задачи¹³.

На этом закончилось продолжавшееся несколько дней обсуждение итогов сессии ВАСХНИЛ, но через две недели началась такая же длительная работа: формально — во исполнение решений этого обсуждения, а по существу — для обсуждения важнейших теоретических проблем: проблемы развития психики и проблемы наследственности.

По первой из них основной удар приняла на себя книга А.Н. Леонтьева «Очерк развития психики»¹⁴. Сам автор предварил обсуждение указанием на главный, с его точки зрения, недостаток книги — схематизм, конспективность: «Здесь об очень многом ужасно немного». Кроме того, недостаточно проработана терминология, недоучтены проблемы физиологии, а также при характеристике сознания в условиях классового общества не охвачена проблема империализма. Несо-

Вадим Андреевич Крутецкий
(1918–1989)

вершенен язык работы и недостаточно продуманы примеры. Далее автор предпринял аналитический пересказ основных положений своей книги, попутно отвечая на «мнения», уже распространившиеся в Институте, в частности, Н.Х. Швачкина. Но это не помешало последнему потребовать от Леонтьева полного пересмотра своей теории сознания (даже А.В. Веденов сказал, что Швачкин критиковал идеи, отнюдь не похожие на то, что дано в обсуждаемой книге; сам А.В. Веденов очень высоко оценил эту книгу, как, впрочем, и все, что сделал Леонтьев ранее). М.Г. Ярошевский назвал ее формалистской и конструктивистской. Швачкину и Ярошевскому возражал А.В. Запорожец, указав на бессодержательность их критики, основанной на цитатах из классиков марксизма. А.В. Запорожец взял также под защиту структурный анализ деятельности (именно его М.Г. Ярошевский назвал «формализмом»). В.А. Крутецкий под аплодисменты оценил работу А.Н. Леонтьева как новую, прогрессивную и выразил надежду, что автор и дальше будет способствовать развитию науки.

Все выступления касались намеченных самим Алексеем Николаевичем проблем и различались в основном глубиной анализа и выводами, зависящими от уровня «идейность» выступающего; например, можно сравнить (если бы это не было и так достаточно ясно) выступления С.Л. Рубинштейна и В.Н. Колбановского.

Свое заключительное слово А.Н. Леонтьев начал так: «Товарищи, я не умею выражать своих мыслей, не выражая также и своего чувства». Эта фраза относилась к тому чувству благодарности, которое автор испытывал ко всем принявшим участие в обсуждении книги, однако оно не помешало ему энергично возражать своим оппонентам. Большую часть своего выступления А.Н. Леонтьев посвятил ответу на критические замечания С.Л. Рубинштейна, как наиболее серьезного оппонента. Заключил же он словами о том, что «Очерк» — это уже его прошлое, но стенограммы дискуссии станут для него лучшим пособием для продолжения работы.

Одновременно с обсуждением книги А.Н. Леонтьева в Институте проходила дискуссия по проблеме наследственности в психологии¹⁵.

Во вступительном слове А.А. Смирнов объяснил, что речь идет о двух периодах ее решения. Первый связан с трудами Басова и Блонского, которые рассматривали проблему наследственности с вейсманистски-морганистских позиций. Аналогичные позиции присутствовали и в книге самого Смирнова «Психология ребенка и подростка», вышедшей в 1924 г.: «Мне казалось в то время, что биологическая точка зрения и есть материалистическая точка зрения». В вопросе о наследственности он в то время некритично опирался на Менделя, указав только на сложность его законов и поддержав существование врожденных психофизических типов. Второй период — это время, когда проблему наследственности попросту обходили. Поэтому сейчас задача заключается в пристальном изучении проблем задатков и органической основы психики, их многозначности и дифференцированности, что непосредственно выводит на теорию развития. И далее Смирнов сформулировал те вопросы, поисками ответов на которые до сих пор занята научная психология: как связаны психологические качества, функции, процессы, стороны личности с органической основой? И, наконец, как изменяются задатки и как наследуются эти изменения?

А.Р. Лурия, согласившись, что могут существовать задатки как органические предпосылки психических процессов, настаивал на том, что они не играют никакой роли в психическом развитии, в процессе которого происходит полная перестройка. Субстратную основу психической деятельности нужно изучать в процессе радикального изменения психических процессов, когда органические предпосылки снимаются в процессе развития.

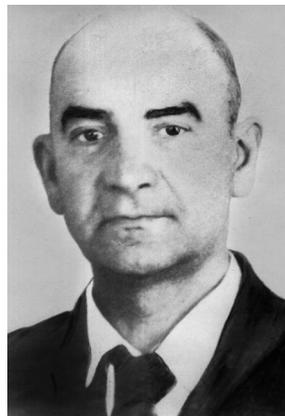
П.А. Шеварев предложил сразу же отказаться от всех количественных подходов к этой проблеме. Все зависит и от наследственности, и от воспитания, и отобучения. Вопрос в том, как зависит. Следует различать видовые и индивидуальные особенности наследственности.

В ходе дальнейшего обсуждения коснулись и вопроса формализма в исследованиях, поскольку Институту следовало реагировать на все выпущенные в том году постановления и решения. Например, о музыке. Ведь в нем было что-то о формализме? И мы тоже, сказал А.А. Смирнов, занимаемся порой изучением чисто структурных формальных моментов.

В этом же году была развернута борьба с космополитизмом. И в ней пострадали многие. Достаточно было сослаться на какую-нибудь беспорную, важную для профессионалов зарубежную работу, чтобы нашелся кто-то, отличающийся не столько профессионализмом, сколько привычным голосом: «Ату его! Низкопоклонство!»

Подводить итоги по результатам 1948 г. пришлось в несколько заседаний двум докладчикам — А.А. Смирнову и Б.М. Теплову, разбив содержательную часть на три раздела общей длительностью 5 часов.

Характеризуя выполненные в 1948 г. работы, А.А. Смирнов сказал, что они порой разрастаются так, что становятся неинтересными: большому количеству листов не соответствует столь же высокое качество

Николай Николаевич Волков
(1897–1975)

продукции. Формулировки научных тем часто «довольно эластичны», что позволяет делать объем по одной и той же теме «то пошире, то поуже». Так, некоторые товарищи «начинают набивать количество» в своих отчетных работах, чтобы доказать их трудоемкость.

Качественную характеристику выполненных исследований дал Б.М. Теплов, предупредив, что его доклад — гигантского масштаба, и необходимо заранее подготовиться к этому трудно выносимому происшествию.

Очень высоко им была оценена монография Н.Н. Волкова «Восприятие предмета и рисунка». Назвав ее «самой крупной и по масштабу, и по законченности, и очень значительной по содержанию», Теплов особо выделил ее из всей продукции 1948 г.

Б.М. Теплов самым тщательным образом проанализировал все работы порученных ему восьми лабораторий. В представлении любой работы он выявлял не только конкретные достоинства или недостатки, присущие именно этой работе. Целый ряд его замечаний носил общий характер, представляя общие принципы научного исследования. Так, например, он указал на то, что ряд работ Института в последнее время стал «уклоняться в экстенсивность» и наблюдается переход от исследования к обследованию, также он предостерег от увлечения использованием прямых показаний испытуемых, когда «задача психологического исследования перекадывается целиком на испытуемых, а исследователь собирает эти показания». По мнению Теплова, психологи недостаточно профессиональны при применении метода наблюдения: «Ничего наблести не умеем, нет культуры методики наблюдения». Недостатком многих работ он назвал «жидкую» методологическую основу: при том, что заявляется множество методов исследования, абсолютно неясно, где и как они используются, какие материалы и какими методами получены. Недопустимым способом получения материала Теплов назвал стенографирование бесед со школьником: при такой беседе всякий контакт с ребенком теряется. Затронув проблему языка

изложения, Теплов сказал: конечно, тяжелый, усложненный язык — это плохо, но и чрезмерная популярность изложения вредит, затрудняя понимание проблемной стороны дела.

Следует особо подчеркнуть: говорилось все это так, что даже самая отрицательная оценка воспринималась как оценка данного исследования, но не способ работы сотрудника и уж никак не его личности. Б.М. Теплов не упускал ни малейшей возможности похвалить работу, и критика его была доброжелательна и конструктивна, и потому полезна как самим критикуемым, так и всем слушающим, которые делали самостоятельные выводы о том, как надо и как не надо делать науку.

В том же стиле было выдержано и выступление А.А. Смирнова. Доклады были достаточно высоко оценены пожалуй, заведующие даже резко отзывались работах некоторых своих сотрудников.

В целом же деятельность Института критиковалась за недооценку изучения специфической психологии советского человека, за недостаточность применения методов материалистической диалектики, за недооценку советской науки и переоценку буржуазной, за буржуазное влияние на исследования советских психологов (как в теории, так и в методах), за низкопоклонство перед «разжиревшим самонадеянным буржуем» (Л.В. Занков). Словом, насколько анализ проделанной Институтом работы в докладах дирекции строился на психологическом содержании, методах и принципах научного исследования, настолько критика ее некоторыми другими сотрудниками строилась на чисто идеологических окриках.

В 1949 г. в Институте необходимо продолжалось повышение идейно-теоретического уровня, и в этом ракурсе были подготовлены доклады К.Н. Корнилова, Ф.Н. Шемякина, Н.Д. Левитова, В.В. Кардашева.

Был представлен важный в научном плане, проблемный доклад Е.И. Бойко о развитии учения И.П. Павлова применительно к человеческой психике. С теоретическим докладом также выступил Ф.Н. Шемякин. Были защищены три кандидатские диссертации и не принята одна докторская (из Института дефектологии). Проведены две большие конференции — к 200-летию со дня рождения Радищева и к 100-летию со дня рождения Павлова.

А.А. Смирнов, подводя итоги за год, в основном хвалил, несмотря на «кое-какие недоделки»; последние он самокритично отнес за счет плохого руководства со стороны дирекции. На это последовала реакция А.В. Запорожца, который заметил, что с такой дирекцией особенно не выпишься: требования настолько велики, что их приходится разделять на «достижимые» и «идеалы».

Год 1950-й был отмечен двумя громкими событиями, повлиявшими на всю научную жизнь страны: был напечатан труд по языкознанию «величайшего лингвиста всех времен и народов», и состоялась «Павловская сессия» — объединенная научная сессия АН СССР и АМН СССР, посвященная проблемам физиологического учения И.П. Павлова.

Как сказано в отчете о работе Института за этот год, «изучая работы И.В. Сталина и овладевая богатым научным наследием И.П. Пав-

Евгений Иванович Бойко
(1909–1972)

лова, научные сотрудники Института перестраивали свои текущие исследования и пересматривали уже завершённые работы, проведенные ранее»¹⁷. В середине года началась длинная череда заседаний Ученого Совета, посвященных этим эпохальным событиям и связанными с ними перестройками в свете всех упомянутых «трудов».

В июле 1950 г. на I Всесоюзном совещании психологов состоялся доклад А.А. Смирнова «О работах тов. И.В. Сталина “Относительно марксизма в языкознании» и “К некоторым вопросам языкознания” и о путях реализации данных в них указаний в научно-исследовательской работе Института». Но об этом докладе и его обсуждении, к сожалению, материалов в архиве не сохранилось. Как не сохранилось и текста второго доклада Смирнова на эту же тему. Но остались материалы второго обсуждения, в ходе которого видные ученые были вынуждены пересказывать последние работы тов. Сталина и говорить о том, что хотя структура мышления не изменилась «в пределах последних столетий», все же это не значит, что мышление советского человека «равно мышлению человека классового общества». И отличие это, — правильно мыслили ученые, — не в психологическом, а в идеологическом плане; и даже пытались утверждать богатую содержанием мысль о том, что некоторые ранее неверные положения могут на новом уровне знаний оказаться правильными, и наоборот, правильные могут оказаться тормозом развития. Особенно трудно пришлось специалистам в области мышления и речи: им совсем недавно пришлось перестраиваться под теории Марра, которые были провозглашены самыми передовыми, а ныне оказавшимися в корне порочными.

Извечный вопрос о том, что есть предмет психологии, теперь дополнялся вопросами о классовом характере психики и о взаимоотношениях психологии и физиологии. Второй вопрос породил особенно большой разброс мнений — от признания психологией павловской физиологии

I Всесоюзное совещание психологов. Москва. 4 июля 1950 г. Участники совещания перед зданием Института.

Слева направо: 1-й ряд — 5-й — К.Н. Корнилов, рядом — Н.А. Менчинская, 7-я — М.А. Меншикова, 8-й — С.Л. Рубинштейн, 9-й — А.А. Смирнов, 11-й — Б.М. Теплов, 2-я справа (стоит) — А.Я. Колодная; 2-й ряд — 1-й — Н.И. Жинкин, 5-й — П.А. Шеварев, за ним слева — А.Р. Лурия, 7-я — В.В. Чебышева; 5-й ряд — 1-й справа — В.П. Зинченко, 5-й — П.М. Якобсон

(Н.Х. Швачкин) до приведенного А.Н. Леонтьевым высказывания «одного человека», что «час рождения Павловской физиологии был смертным часом для психологии». В.А. Артемов только приветствовал «новые прекрасные горизонты и новые возможности», Ф.Н. Шемякин призывал к беспощадной борьбе с идеализмом и противопоставлял советского человека человеку капиталистического общества, заодно раскритиковав Леви Брюля за вывод о дологическом мышлении. А.Н. Соколов «в свете указаний т. Сталина» говорил о целесообразности открытия лаборатории мышления и речи с большим коллективом, который создал бы ряд обобщающих работ по психологии речи и экспериментальных исследований павловского учения о второй сигнальной системе.

И только Л.И. Божович набралась смелости заявить, что искать физиологические механизмы, лежащие в основе сложных психических процессов, таких, например, как формирование нравственных убеждений, — неверно. И изучение идеологии личности психологи должны вести со своих позиций, не просто в духе «каковы же идеалы советских школьников», а ставить вопрос, почему они такие, в каких условиях они становятся теми или другими, как они мотивируют деятельность. Тогда это будет психология. И по поводу свободы критики: «Нам надо <...> больше аргументировать свои контрвозражения, а не просто требовать от того или иного научного работника отказа от своих позиций в угоду мнению большинства или определенных лиц».

Н.А. Менчинская подчеркнула разногласия в понимании предмета психологии: Смирнов, Леонтьев, Шемякин, Швачкин — каждый свое, но «чем острее и полнее мы осознаем наши изъяны и прорехи, тем скорее и продуктивнее мы сможем строить далее марксистско-ленинскую психологию».

А.А. Смирнов в своем заключительном слове, повторив формулу «одного из наших ведущих психологов», призвал «думать действуя и действовать думая», — под аплодисменты¹⁸.

Следующее заседание, проходившее через неделю, было посвящено итогам Павловской сессии. С докладом выступил Б.М. Теплов¹⁹. Он защитил психологию от попыток поглотить ее физиологией и очертить ее теоретические основы. «Теоретическое понимание проблемы метода психологического познания, разработанное советской психологией, в основном правильно, и в этом смысле критика на сессии по адресу Орбели и некоторых его учеников не относится к основной генеральной линии советской психологии». И вообще «много кирпичей для построения павловского типа психологии у нас имеется» — это, подчеркнул Б.М. Теплов, касается не монографий, а частных отдельных исследований. Опасность заключается в колоссальном расширении той области, которую психологи считают своей, — это может привести к тому, что психология станет «всем», а тем самым, как специальная наука, станет «ничем». Теплов восстановил в правах понятие ассоциации, проведя аналогии с временными связями, и отменил обвинение в ассоцианизме. Добрую половину своего доклада он посвятил объяснению «гражданам», многие из которых, по его мнению, не только не знают, но

и не хотят знать Павлова, некоторых основных павловских положений, и поставил их в связь с основными проблемами психологии. Например, о взаимоотношении I и II сигнальных систем и проблеме интроспекции: «доказанное отсутствие интроспективных показаний не может быть доказательством отсутствия соответствующего психического процесса... Показания самонаблюдения — это свидетельство о включении второй сигнальной системы». Или проблема автоматизации навыков — это тоже проблема включения второй сигнальной системы в образование навыка. Главное, конечно, — это проблема типов нервной деятельности: «Учение Павлова о типах есть материальная основа всего вопроса об индивидуальных различиях человека». В заключение Теплов точно использовал слова Павлова применительно ко всей происходящей внутри психологии борьбе: «Я не могу понять, почему это вместо того, чтобы прибавлять, как во всем естествознании, к тому, что было раньше, они (психологи) отбрасывают прошлые приобретения». И действительно, заключил Теплов, так науки не построить.

Обсуждение доклада Б.М. Теплова было энергичным и разноплановым. Первым выступил В.Н. Колбановский. Он рассказал, что работа т. Сталина по языкознанию «подобно лучам солнца разогнала заодно «языковедческий» туман» осветила и дискуссию на Павловской сессии; обвинил психологов в искажении классиков марксизма в решении вопроса о сводимости или несводимости высшей формы движения материи к низшей, т. е. мышления к физиологической основе. Энгельс этого не говорил! Ленин и Сталин, наоборот, говорили о психике как свойстве или продукте особым образом организованной материи. Поэтому «несводимость» — это дуализм. «Всякий психический факт является фактом нервным. Всякий психический процесс есть процесс нервный и быть другим не может», — категорически заявил В.Н. Колбановский.

Л.В. Занков, отметив, что не вся психология нуждается в перестройке, а лишь часть ее, (правда, обозначенная очень неконкретно как старое, отживающее, чему неизбежно предстоит исчезнуть), подверг анализу вопрос о соотношении между ассоцианизмом в психологии и павловскими условными связями. Термин «ассоциации» И.П. Павлов употреблял, как считал Л.В. Занков, совсем не в эббингаузовском смысле. «Не может быть сомнения, что Павлов видел пропасть, отделяющую понятие временной связи или условного рефлекса от понятия ассоциации по самой их сущности, их духу». Заступившись за Павлова (на что позже резко возразил Н.Д. Левитов), Занков перешел к докладу Теплова, который, по его мнению, неправомерно высоко оценил ассоциации и тем самым помешал «пронизыванию психологических исследований великими идеями И.П. Павлова». После 1936 г. (года смерти И.П. Павлова), сказал Занков, советская психология сделала очень много, «стала на правильные рельсы» и, надо полагать, сама теперь может все объяснить.

Т.Г. Егоров в своем выступлении выразился недвусмысленно: «Сведение задачи психологии к изучению только мозговых механизмов

значило бы уничтожение психологии как науки... Нет оснований отказываться, в связи с переходом на павловские рельсы, от признания психологических закономерностей». Они, конечно, связаны с законами деятельности мозга, но они не повторяют друг друга. Выдвинутый В.Н. Колбановским тезис о «сводимости психики к мозгу» вызвал у Т.Г. Егорова опасения за судьбу психологии. И, кроме того, в философском плане это означало отождествление психики с материей. И как вообще быть с терминологией? — Павлов говорит то о наложении психического на физическое, то о «слиянии» психики с физиологией, что не одно и то же.

А.А. Веденов, в начале выступления пропевший осанну Павлову и его учению (впрочем, с этого начинали почти все выступавшие, так же, как и с обильного цитирования классиков от марксизма и физиологии), и даже заявивший, что ему, работающему в области нравственного формирования личности, работы Павлова помогают глубже и основательнее разобраться в природе формирования нравственных чувств личности, в частности, долга и совести (в противовес Л.И. Божович, которая не видела такой возможности), обрушился на Б.М. Теплова ни много, ни мало за то, что психологи в его лице «ведут психологию по пути самоликвидации». Ведь фундамент — физиологические процессы в мозгу — не может подменить собой само здание. А сам Теплов — эпифеноменалист, для которого психическая жизнь человека — только субъективное состояние, которое будто бы само по себе не имеет реальной ценности и значимости, — она мираж, фикция. Исследование вопросов формирования новой личности эпохи социализма и постепенного перехода к коммунизму, проблем коммунистического воспитания подрастающего поколения, с точки зрения Теплова, оказывается лишенным научного основания.

...Удивительное дело — дискуссии тех лет. Ведь у Б.М. Теплова никогда не звучал этот мотив — сведение психологии в целом к физиологии. Свойства нервной системы он начал изучать в надежде найти в них детерминанты формально-динамических (а не содержательных) характеристик психики, задатков способностей, может быть, особенностей темперамента. Однако критике подобного рода — за точку зрения, которой у него не было, — он подвергался не раз.

Вообще же это обсуждение, казалось бы, вполне конкретного вопроса, подняло массу фундаментальных проблем, вплоть до «вечных», вроде предмета психологии как науки.

П.Я. Гальперин так долго объяснял, что не является предметом психологии, что А.А. Смирнов, не выдержав, бросил реплику: «Вы 25 минут говорите, что не есть, а вы скажите, что есть предмет психологии». Признавшись, что на этот вопрос он может ответить менее решительно, выступающий все же сказал: «Дело обстоит так: или понимать, как прежде понимали в буржуазной психологии, что механизмы психических явлений суть физиологические механизмы — тогда нужно заранее готовить себе могилу, — или, наконец, найти собственный предмет психологии, со своим «содержанием» и своими «механизмами».

На «профизиологическое» выступление А.Р. Лурии А.В. Запорожец заметил, что вообще-то в истории науки «самые реакционные психологические теории оправдывались реакционными физиологическими и неврологическими концепциями». Но теория Павлова — это подлинно научная теория. Детская психология как раз и представляет множество фактов и проблем, для понимания которых необходимо физиологическое объяснение в свете учения Павлова. Однако вовсе не нужно в каждом случае проследивать механизмы высшей нервной деятельности, так же, как, например, и физиолог не исследует все физико-химические процессы, а переходит прямо от внешнего агента к физиологическим процессам. Так «если нам удастся показать с достаточной убедительностью, что определенные обстоятельства жизни, условия деятельности ребенка, система взаимоотношений, которая складывается с родителями, с воспитателями, с детским коллективом, приводит к формированию у него определенной психологической особенности, определенной черты личности, то такое психологическое исследование будет носить объяснительный характер, несмотря на то, что в данном случае физиологические механизмы, которые осуществляют этот процесс, не будут предметом исследования». Мы, конечно, ошибались, — сказал А.В. Запорожец, — когда думали, что физиологическими механизмами можно объяснить лишь самые элементарные проявления психики человека, а мышление и волю — нет. «Но все-таки это особая деятельность, которая требует своих особых методов исследования и своего особого объяснения».

Разброс мнений был широчайший. В.А. Артемов вообще ничего принципиально нового в Павловской сессии не усмотрел, считая, что у Павлова есть, конечно, гениальные мысли, но это все разрозненные замечания, гениальные догадки, и надо еще отыскать их подлинный смысл. А.Н. Соколов, наоборот, говорил о необходимости перестройки всей психологии, в том числе и детской, «в павловском направлении».

А.Н. Леонтьев подтвердил, что не может быть никакого иного существования психических процессов, как существования их в качестве физиологических процессов; равно как и физиологических — в качестве биохимических. Но из этого не следует, что физиология и биохимия — это одна и та же наука. А ведь многие выступавшие толкают Институт на изменение его задач. Необходимо изменение не задач, а методов их решения.

Д.Н. Богоявленский поднял вопрос, каким же образом все это должно отразиться на психологии обучения. Почему я должен, спросил Дмитрий Николаевич, искать физиологические механизмы в том куске жизни, который я исследую? Ведь т. Сталин в своем примере о сапожнике, у которого с изменением внешних условий изменилось сознание, тоже не вскрыл физиологических механизмов!

П.А. Шеварев указал, что нельзя сводить все психологические процессы и закономерности только к тем временным связям, которые уже изучены Павловым и его учениками. Есть еще и другие. Какие — это

и надо установить в лабораторном эксперименте и в конкретных процессах реальной жизни. Кое-что уже есть в исследованиях сотрудников Института: связи между значением и правописанием корня слова, связи между осознанием типа задачи и соответствующими действиями и т. д.

К.К. Платонов, не без иронии напомнив о том, что бытие определяет сознание, спросил: где же было бытие психологов за последние 20 лет? Академия педагогических наук, Академия общественных наук, Институт философии — вот где. Во всех других местах работы психологов, образно говоря, бытия не было, а было малопродуктивное существование. Поэтому и произошел отрыв психологии от физиологии. Это первая ошибка. Вторая — психология отождествилась с идеологией, результатом чего стала «ярко выраженная вредная гипертрофия в акцентировании проблемы формирования советского человека». Многие педагоги стали считать, что достаточно воспитать у ученика идеологию советского человека, чтобы тем самым решить все проблемы обучения, специальной подготовки и т. д. Надо все-таки понимать и общечеловеческие механизмы психических процессов.

С.Л. Рубинштейн указал на то, что у многих психологов укоренилась «оборонительная» позиция по отношению к павловскому учению, стремление «защитить» психологию от перестройки на его основе. А перестраиваться, по мнению С.Л. Рубинштейна, нужно не отдельным персонажам, а всей советской психологии в целом. Павловская трактовка физиологических проблем «не примирится с любой психологией, она требует совершенно определенной психологии». Мы и должны ее строить. Как бы ни была хороша наша психология, а все, помимо нас, знают, что она еще недостаточно хороша.

Затем В.Н. Колбановский поправил некоторых товарищей, позволивших себе исказить положения марксистско-ленинской теории.

Выступил и А.А. Смирнов. Раздав «всем сестрам по серьгам», он поставил все на свое место, призвав психологов “не поворачивать на 180°, чтобы не встать спиной к тому, что делали до сих пор”, и не «доворачивать», а постепенно перестраивать все здание на основе признания необходимости изучения внешних воздействий как причины психологических фактов, и физиологических механизмов, раскрывающих закономерности воздействия внешних условий на мозг человека.

В заключительном слове Б.М. Теплов призвал «некоторых психологов» отказаться от сопротивления против перестройки психологии на павловской основе и предположил, что они защищали психологию вовсе не от Павлова, а от Теплова; указал на неточности понимания работ Энгельса В.Н. Колбановским и очень интересно показал, как граждане слышат то, что хотят: в своем докладе Теплов зачитывал то место из постановления сессии, где говорится, что в основу перестройки психологии должны лечь павловские положения, установившие обусловленность психической деятельности условиями существования. А.В. Веденов, возражая докладчику и утверждая, что Теплов — вредный, снова очень выразительно зачитывал это место («в пику мне», как сказал Борис Михайлович). Резко возражал Б.М. Теплов против

основного содержания выступления П.Я. Гальперина, пытавшегося отбросить все прежние варианты понимания предмета психологии по той причине, что «это уже бывало». Но ведь ни науки, ни их предметы не выдумываются заново. Вообще, считал Б.М. Теплов, вопрос о предмете психологии был несколько раздут, и потому его обсуждение приобрело запутанный и несколько схоластический характер.

Возразил он и Л.В. Занкову, который утверждал, что Павлов якобы видел пропасть между ассоциацией и временной связью. На самом деле Павлов видел в ассоциации не пропасть, а мост между психологией и учением об условных рефлексах. И почему надо выбрасывать из психологии понятие ассоциации, когда и другие психологические понятия были в идеалистической психологии и пропитались там идеалистическим смыслом, это, сказал Б.М. Теплов, — «слишком умно, чтобы я понял». В заключение он призвал «бороться с косностью, самоуспокоенностью, с уверенностью в непогрешимости своего пути и, главное, в достаточности его».

Павловская сессия очень близко касалась психологической науки, Института и профессиональной жизни его сотрудников. Для многих этот «дворот», или «поворот», оказался настоящим переворотом — и в науке, и в судьбе. Кому-то пришлось осваивать пласты смежных наук, кому-то — в корне менять направление исследований. Кому-то это пошло на пользу, углубив и расширив понимание собственно психологических проблем, кто-то быстро научился к любым добытым в работе фактам довешивать «физиологические» ярлыки, а кто-то сломался, так и не сумев найти в себе силы для «коренной перестройки».

В традиционном итоговом докладе за 1950 г. А.А. Смирнов поставил вопрос о том, «что дал нам 1950 год, какой вклад в науку мы сделали?»²⁰. Наблюдаются, во-первых, распыленность ценных результатов по огромному количеству направлений и, во-вторых — недостаточная трудоемкость работ; мало экспериментального материала. С точки зрения решения задач Павловской сессии, результаты разные, но как выразился А.А. Смирнов, «каждый товарищ... во что бы то ни стало хотел бы как-то свою работу прислонить, я бы сказал, к учению Павлова». Докладчик указал на две опасности: на желание немедленно показать, что все здесь по Павлову и с Павловым связано — а «пыжиться в этом направлении не следует», но, с другой стороны, руководствуясь только страхом вульгаризации, можно затянуть процесс и все время говорить, что надо еще и еще поработать, провести, проверить и т. д.

1951 год дал небольшую передышку: новые «гениальные труды» еще зрели, и какое-то время можно было относительно спокойно работать. Но в феврале в «Правде» неожиданно появились указания на то, что психология отстает от современных требований. Институт отреагировал словами А.А. Смирнова: «Мы искренне хотели поднять нашу науку на уровень задач, стоящих перед ней, ликвидировать ее отставание. И надо сказать, что наши стремления не получили никакого выражения в действии», — он перечислил большое количество дискуссий, совещаний, обсуждений, теоретических работ, монографий и т. д. «Недопере-

строились» лаборатории А.В. Запорожца и Л.И. Божович; А.Н. Соколов увлекся внутренней речью, а надо — внешней; лаборатория Д.Н. Бого-явленского (только что открытая) по изучению языка в школе занялась лишь глаголом, чем сузила задачи; П.М. Якобсон и С.Г. Капланова, увлекшись психологией искусства, выпали из русла АПН. Но в общем было сделано много хороших работ и план в основном выполнен. Институт понес и потери — ушли А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия²¹.

В 1952 году появился очередной «гениальный труд», на этот раз посвященный экономике. Были опубликованы решения очередного исторического XIX съезда партии, но параллельно с ними очередная передовица «Правды» с очередными указаниями на отставание психологии, а через три дня после нее и вторая статья — про Академию педагогических наук, деятельность которой была сурово раскритикована.

Для Института все это означало лишь одно — возможность продолжить обсуждение вопросов о предмете психологии, психологических закономерностях, взаимоотношениях психологии и физиологии, психологии и педагогики, способностей и потребностей, врожденного и приобретенного. Последовательное прочтение в фондах архива стенограмм в хронологическом порядке оставляет впечатление, что очередное указание играло роль своеобразного пускового механизма, который включал дискуссии по наболевшему и нерешенному (и до сих пор, кажется, не прояснившемуся) массиву проблем психологической науки. И снова — каждый о своем, о том, что лучше знает — кто-то про марксизм, а кто-то про конкретные психологические вопросы.

А.А. Смирнов в докладе подчеркнул, во-первых, слабость теоретического обобщения конкретных исследований, особенно нетерпимую при составлении учебника для вузов. Различие в исходных теоретических позициях настолько велико, что выход из тупиковой методологической ситуации на тот момент не просматривался. Во-вторых отметил — знание школы у психологов повысилось, появились специалисты по психологии преподавания отдельных предметов. Однако чаще всего они уходят в разработку методик. В-третьих — то, что тесной связи психологам ни с педагогами, ни с физиологами наладить так и не удалось.

Цитаты из выступлений на обсуждении доклада А.А. Смирнова (1952)²²

- ♦ *В.А. Крутецкий*. Причины затягивания сроков выхода в свет научных статей — это редакторы, для которых телеграфный столб — хорошо отредактированная сосна.
- ♦ *Л.И. Божович*. Единство содержания психологического и физиологического — это единство дупла и птицы.
- ♦ *А.В. Веденов*. Нашу науку пытаются ликвидировать, а дискуссии все вредные, схоластические.
- ♦ *В.П. Ягункова*. Что-то не слышно, чтобы критиковали Президиум АПН. Неужели они никогда не мешают нам работать?

- ♦ *В.Н. Колбановский.* Создается впечатление, что существует столько психологий, сколько существует психологов. Можем ли мы это допустить в Советском Союзе? Конечно, нет!
- ♦ *Ф.Н. Гюноблин.* Поговорили, высказали ряд добрых пожеланий и разошлись. Одни прения и приятное для слуха заключительное слово докладчика.
- ♦ *А.Н. Леонтьев* привел заявление «одного из лже-ученых в стране народной демократии», который охарактеризовал состояние в советской психологии как «растущее утомление».

В 1953 г. в Институте проходило II Всесоюзное совещание психологов.

За 1953 и 1954 гг. сохранились только годовые отчеты Института — ни стенограмм дискуссий, ни идеологических баталий²³. Характер отчетов изменился — они стали деловыми, излагающими собственно психологические проблемы, стоящие перед Институтом как научным учреждением; прекратились бесконечные ссылки на «гениальные труды», зато довольно подробно излагаются исследовательские работы, и не только монографии, но и статьи, а также доклады учителей на педагогических чтениях, организованных Институтом. В.Н. Колбановский сдал монографию объемом 24 печатных листа «Воспитание ребенка в семье». Правда, у него же под псевдонимом «Материалист» в 1953 г. вышла статья в «Вопросах философии» под названием «Кому служит кибернетика»; а в апреле того же года в «Семье и школе» — «Дело Сталина бессмертно»; но для их обсуждения время еще не пришло.

Еще висел над Институтом дамоклов меч «политехнического образования», но зато исчезло требование раздельного обучения, и тот же В.Н. Колбановский незамедлительно создал брошюру «Воспитательная работа в школе в условиях совместного обучения». Конечно, в качестве основной темы осталось изучение психологии советского человека в разных ипостасях — то как «способности в социалистическом обществе», то как «моральный облик советского школьника», то как «коммунистическое воспитание». Но исследовательская работа не затихала. Было принято решение об издании журнала «Вопросы психологии». И как знамение новых тенденций, впервые в отчетах появились сведения о заграничных командировках сотрудников.

Так, в 1954 г. А.А. Смирнов и Н.А. Менчинская выехали в Париж на Международный съезд «Интернациональные дни ребенка». Они выступили с докладами на съезде и затем в Сорбонне по проблематике общей, детской и педагогической психологии в СССР.

Б.М. Теплов и А.В. Запорожец были откомандированы на XIV Международный конгресс по психологии в Канаду, где тоже делали доклады — о типах высшей нервной деятельности и о развитии произвольных движений. А в 1955 г. в Психологический Институт приезжали известные психологи: из Франции — Пиаже, Заззо и Фресс, из Англии — Саймон и из стран народной демократии. «Железный занавес»

II Всесоюзное совещание психологов. Москва. 1953 г. Большая аудитория Института. Выступает А.А. Смирнов. В президиуме (слева направо): А.С. Прангишвили, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, крайний справа — К.Н. Корнилов

открылся, завязались прочные, содержательные связи с «буржуями» и «империалистами», не говоря уже об «идеалистах».

Английский психолог Саймон посетил Институт в апреле 1955 г. и сделал доклад на Ученом Совете о методе тестов и их применении в Англии.

Выдержка из Протоколов Ученого совета²⁴

Слушали:

Проф. А.А. Смирнов произносит краткое вступительное слово. Доцент английского педагогического института в Лейстере Саймон делает доклад на тему «Тесты в Англии и борьба с ними прогрессивных психологов и педагогов».

Вопросы докладчику задали: проф. Н.А. Менчинская, проф. П.А. Шеварев, старшие научные сотрудники Е.В. Гурьянов, В.П. Ягункова, С.Н. Архангельский.

Доцент Саймон отвечает на поставленные вопросы.

Проф. А.А. Смирнов от имени Ученого Совета выражает удовлетворение по поводу той борьбы с тестами, которая ведется в Англии прогрессивными психологами и педагогами, и благодарит доцента Саймона за сделанный доклад.

Постановили:

Доклад доцента Лейстерского педагогического института Саймона о тестах в Англии и борьбе с ними принять к сведению.

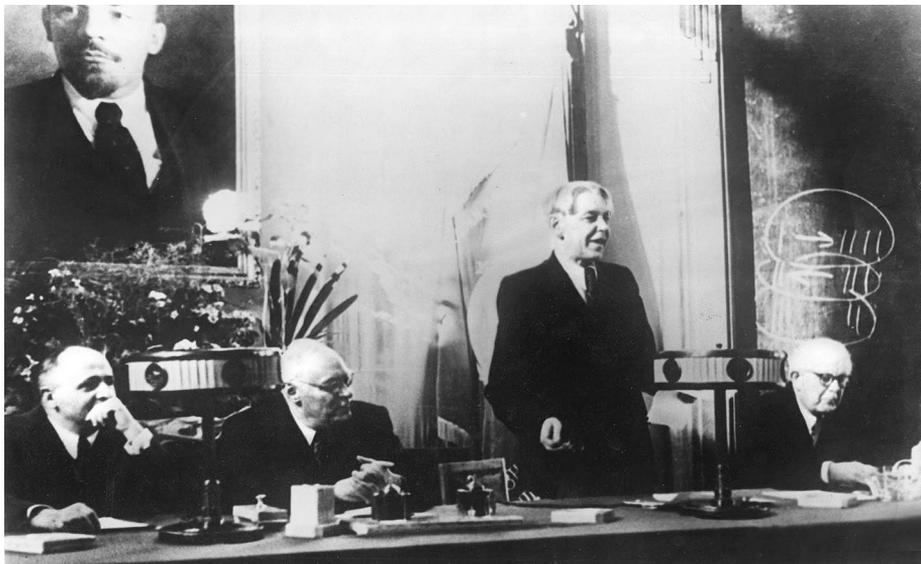
Международный съезд
«Интернациональные дни
ребенка». Париж. 1954 г.
Доклад А.А. Смирнова.
Во 2-м ряду сидит
1-й слева — французский
психолог Анри Валлон,
2-й — американский психолог
Андерсон

Международный съезд
«Интернациональные дни
ребенка». Париж. 1954 г.
Обсуждение в кулуарах съезда.
Слева — А.А. Смирнов,
справа — Анри Валлон

В начале 1955 г. вышел первый номер журнала «Вопросы психологии». И в апреле состоялось обсуждение этого номера на Ученом Совете Института²⁵. Выход журнала был для сотрудников Института долгожданным и радостным событием: «Основание нашего журнала означает также государственное, следовательно — и общественное признание самостоятельности нашей науки, что уже само по себе является большим достижением» (Е.И. Бойко). Разумеется, снова развернулась дискуссия по «вечным» вопросам психологии о врожденном и приобретенном, задатках и способностях, какие закономерности считать вышележащими — психологические или физиологические, сводятся или не сводятся они друг к другу и т. д.

К.Н. Корнилову недоставало в журнале партийной остроты, боевого духа, партийной политики, хотя бы их оттенка, «нет — полная аполитичность». Теоретические статьи не возбуждают вопросов: они или строятся на старом материале, или в них поданы в качестве проблем само собой разумеющиеся вещи. Например, ориентировочные движения — ну, кто же этого не знает? И все очень абстрактно. В статье об усвоении арифметики зачем-то формулы введены. Тут и числитель, и знаменатель — читать невозможно! В общем, почти все плохо.

Встреча с делегацией швейцарских и французских психологов. Москва. 1955 г. Большая аудитория Института. В президиуме (слева направо): П. Фресс, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, Жан Пиаже

Но большинство выступивших не согласились с мнением вице-президента АПН: журнал — «помощь психологам, как периферийным, так и московским, исследователям и педагогам» (Е.В. Гурьянов); «очень важно, что такой журнал у нас имеется и в нем подняты важные вопросы» (Е.Н. Меллер); «журнал не ударил лицом в грязь», сказал Н.Д. Левитов и тут же оценил теоретические статьи как либо недоказательные, либо банальные; его характеристики отличались оригинальностью: «если бы Е.Н. Соколова не существовало, его надо было выдумать»; «у Натальи Александровны простая отчетливая речь, но как писать начнет, обязательно хочет ударить по кумполу какими-то особыми выражениями»; «статья какая-то рубинштейнообразная».

Все, принявшие участие в обсуждении, имели тенденцию видеть журнал под своим собственным углом зрения. Е.И. Бойко критиковал редколлегию за недостаточное внимание к нейрофизиологии, Н.Д. Левитов — к проблеме личности, В.П. Ягунковой не хватило в журнале резкого противопоставления советской психологии зарубежной, и еще она заметила: Рубинштейн вообще «распоясался» и «протаскивает» концепцию двойной детерминации. На что А.А. Смирнов возразил, что Рубинштейн не распоясался и ведет себя очень скромно.

В заключительном слове А.А. Смирнов рассказал, что из Издательства АПН в Институт обратились с просьбой прочесть лекцию по психологии, в которой было бы разъяснено, «какова же сейчас линия психологии», что к ним приходят педагоги, теоретики, методисты, психологи и все говорят: нужно выкорчевывать плевелы павловского

Коллектив Института, 1956 г.

Слева направо: первый ряд: — А.В. Запорожец, В.Н. Колбановский, В.Я. Букшеванная, А.Н. Соколов, Н.А. Менчинская, Ф.Н. Гоноболин, Л.А. Сивоконь, В.В. Суворова, Я.А. Пономарев, В.В. Чебышева, М.Ф. Морозов, Е.М. Кудрявцева, Н.С. Богатырев. Второй ряд: — Т.В. Драгунова, А.С. Славина, И.Г. Диманштейн, А.В. Веденов, А.З. Редько; ниже — Е.И. Игнатьев, выше — А.А. Поспелова, З.М. Богуславская, Е.Н. Соколова, А.А. Смирнов, М.В. Соколов, ниже — Э.А. Фарапонова, выше — Д.А. Ошанин, А.Я. Колодная, В.И. Зыкова, ниже — П.А. Шеварев, Е.В. Гурьянов, Н.И. Крылов, Е.С. Махлах, Е.Е. Шулешко, И.И. Липатов. Третий ряд: Д.Б. Годовикова, Т.В. Ендовицкая, Т.Н. Ушакова, П.И. Размыслов, Т. Ильина, Н.И. Чуприкова, М.М. Ваасова, Н.М. Костомарова, О. Корнева, В.И. Самохвалова, Н.И. Белова. Четвертый ряд: Я.З. Неве-рович, З.И. Камыкова, А.И. Липкина, Г.А. Шибаровская; через прожегуюток — В.И. Рождественская, А.Н. Рузская, Г.Г. Сабурова. Верхний ряд: С.Л. Раевская, Н.Г. Цейдлер, Д.Б. Эльконин, А.И. Шехватова, Т.А. Репина, К.М. Гуревич, М.Н. Борисова, Л.А. Шварц, Н.С. Лейтес, В.П. Зинченко, Л.Б. Ермолаева-Томина

учения из психологии, и по этому поводу на местах большие разногласия. Смирнов заверил, что в журнале будет проводиться борьба за павловскую линию. По его мнению, то, потому что статьи, опубликованные в журнале, вызвали такую полемику — факт положительный. Редколлегия и впредь не будет навязывать автору какую-либо позицию, тем более что «наша редакция никогда в жизни единой точки зрения не выскажет» (под смех зала). Что получилось бы, если бы редколлегия «стояла на страже» всех причесывая под одну гребенку? «Мне не понравилось что-то у Рубинштейна, — но тогда уж он будет не причесанный, а совсем безликий, и волос не найдешь, что причесывать, будет что-то совершенно круглое».

В 1956 г. был поставлен вопрос о необходимости внесения изменений в тематический план Института в свете решений XX съезда КПСС¹²⁴. А.А. Смирнов предложил Ученому Совету обратить внимание на те направления, которые предлагается видоизменить. В.Н. Колбановский потребовал не спешить в деле перестройки; Л.И. Божович тоже призвала к осторожности в изменениях: ведь задачи, поставленные XX съездом, надо еще перевести на язык научных проблем психологии. Д.Н. Богоявленский, А.В. Веденов, М.Д. Громов, Н.Ф. Добрынин, В.Д. Артемов считали, что тематику лабораторий менять не надо: накоплены добротные, надежные факты, надо работать над ними, обобщать и создавать теорию. Только Е.В. Гурьянов высказал мнение, что не всё обстоит благополучно с изучением производственного труда и производственного обучения, что, в частности, необходимо усилить связь со школой. Но все же пришли к выводу, что коренной ломки в планах Института делать не следует, но «надо думать над улучшением работы».

В 1957 г. Институт проводил изучение ряда проблем, которые выдвигались как центральные для практики и развития

психологической теории: формирование личности, политехническое обучение, психология труда.

Продолжалось изучение возрастных особенностей и познавательных процессов.

Огромная работа была проведена по систематизации научно-психологических данных, полученных в результате многолетней исследовательской работы сотрудников Института по разным направлениям. В итоге был подготовлен двухтомник «Психологическая наука в СССР», который поступил в издательство в сентябре 1957 г.

Психологические исследования формирования способностей перешли в фазу изучения конкретных компонентов, входящих в структуру разных способностей — технических, математических, литературных и др. Н.Д. Левитов осуществил обзор теорий способностей в зарубежной психологии.

Уроки труда в школе

Производственное обучение

Изучение мыслительной деятельности

Одним из ведущих направлений было изучение индивидуально-психологических различий на основе определения типологических свойств нервной системы (под руководством Б.М. Теплова). В его лаборатории Н.С. Лейтес подготовил книгу «Вопросы умственной одаренности», в которую включил материалы монографического описания ярких случаев детской одаренности, показывающие сложные сочетания уровней умственного и морально-этического развития.

Продолжалось изучение нейродинамических механизмов сложных психических процессов в лаборатории Е.И. Бойко; процессы перцепции исследовались в лаборатории П.А. Шеварева; мышление и речь — в коллективе Ф.Н. Шемякина; обширная работа проводилась исследователями психологии труда в лаборатории Е.В. Гурьянова; в отделе детской психологии собирался и оформлялся в монографическое исследование материал по психологии детей дошкольного возраста: об управлении движениями — А.В. Запорожцем; о ролевой игре — Д.Б. Элькониним; готовилась также обобщающая коллективная монография.

Психология школьников стала темой обобщающей монографии под редакцией Е.И. Игнатъева, он же выпустил монографию по теме психологических аспектов изобразительной деятельности детей. Личность школьника и разработанные для ее изучения методики были описаны в статьях и книгах сотрудниками лаборатории Л.И. Божович.

Политехническим и традиционным школьным обучением занималась лаборатория Н.А. Менчинской. Помимо двух научных сборников — по психологии усвоения арифметики и русского языка, ее сотрудниками было подготовлено большое количество статей и отчетов.

С апреля 1953 г. на должности заведующего Сектором истории психологии Н.А.Рыбникова сменил М.В.Соколов. Благодаря их совместным учиям в Институте возросла активность проведения историко-психологических исследований. Именно в это время М.В.Соколов начал работу по изучению и реконструкции истоков отечественной научно-психологической мысли. Рабочим звеном в процессе этого исследования были публикации в журналах «Известия АПН» (1955) и «Вопросы психологии» (1955–1956); историко-психологические статьи для Большой Советской Энциклопедии (1957–1958), «Психологические воззрения в Древней Руси» (1956); рукопись книги «Психологические воззрения в России XI–XVI вв.», подготовленная к печати (1958). Забегая вперед, скажем, что результатом этой уникальной работы стал выход в 1963 г. монографии «Очерки истории психологической мысли в России в XI–XVIII вв.», для которой впервые в качестве источников научного исследования были использованы труды святых отцов восточноевропейской церкви и исходным пунктом осмысления генезиса психологической мысли выступила христианская традиция. Содержание книги, естественно, было представлено в соответствии с идеологическим каноном своего времени.

XV Международный психологический конгресс. Брюссель.
28 июля — 3 августа 1957 г. Советская делегация подходит к зданию Конгресса.
Слева направо: А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Э.А. Асратян, неизвестный сотрудник
посольства, А.А. Смирнов, Г.С. Костюк, Р.Г. Натадзе, В.Н. Мясищев

Таким образом, план научно-исследовательской работы, намеченный на 1957 г., Институтом был выполнен полностью. Более того, Психологический институт был представлен на XV Международном конгрессе в Брюсселе докладом А.А. Смирнова «Запоминание и деятельность».

Однако, как считал директор, успокаиваться было рано: обсуждение теоретических проблем было все еще недостаточным, так же как и внедрение результатов исследований в практику²⁷.

Работа Института в 1958 г. проходила по отлаженной плановой модели: политехническое обучение, психология промышленного труда, формирование личности, психология обучения, возрастные особенности, высшая нервная деятельность и типологические свойства нервной системы и т. д. Но наполнена она была новым содержанием, ведь исследования продолжались и развивались, создавались новые научные труды, сдавались в издательство доработанные монографии и сборники. Уже традиционным становилось участие Психологического института в крупных международных психологических форумах. Так, на XIII Международном конгрессе по прикладной психологии в Риме были представлены доклады Н.А. Менчинской и Е.В. Гурьянова; В.В. Чебышева сделала 5 докладов в Финляндии; А.А. Смирнов был в рабочей поездке в США, Н.С. Лукин — в ГДР²⁸.

В 1959 г., после XXI съезда КПСС, были поставлены новые задачи: перестройка школы и укрепление ее связи с жизнью. Сообразно специфике тех лет, в этом «свете» и началась работа: уже не политехническое, а производственное обучение, профессиональные интересы учащихся на первом плане. В центре психологических исследований: знания и умения, умственная деятельность, способности, формирование личности школьников, возрастные психологические особенности, высшая нервная деятельность, познавательные процессы, механизмы речи. В итоге — выход научной продукции выполнен главами книг (8) и даже превысил плановые ожидания по количеству научных статей — 40 (по плану 23).

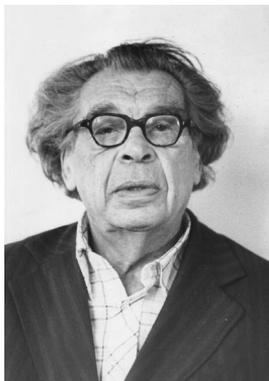
Летом 1959 г. (29 июня — 4 июля) в жизни российских психологов произошло большое событие — состоялся I съезд Общества психологов при АПН РСФСР, организованный и проведенный Психологическим институтом. Его сотрудниками было представлено на съезде 40 докладов.

В эти годы была усилена работа по внедрению результатов исследований в практику — в основном через сотрудничество с методистами и учителями, организацию лекций и семинаров для педагогов, проведение «Педагогических чтений», а также через подготовку документов практического значения — проектов, программ, руководств докладных записок и т. д. Лаборатория Н.А. Менчинской широко использовала и практиковала такую форму работы, как опытное обучение, которой увлеклись затем многие.

Особую форму внедрения психологической работы в практику нашли для себя сотрудники лаборатории психологии школьника. Д.Б. Эльконин и В.В. Давыдов с коллегами начали в 91-й московской

1-й Всесоюзный съезд Общества психологов. Москва. 1959 г. Участники съезда у здания Института. Слева направо: сидят — 1-й — А.А. Смирнов, 3-я — Н.А. Менчинская, 4-я — Н.Н. Ладыгина-Котс; 2-й ряд — 3-й — М.В. Соколов, 5-й — А.Р. Лурия; 5-й ряд — 3-й справа — П.Я. Гальперин; 6-й ряд — в середине (с бородкой) — Н.Ф. Добрынин, за Добрыниным — второй слева С.Ф. Жуйков

Даниил Борисович Эльконин (1904–1984)

Василий Васильевич Давыдов (1930–1998)

школе исследование формирования учебной деятельности школьников. Ими были разработаны учебные программы и составлены конспекты уроков для первого класса в I-ом учебном полугодии. Класс, в котором работали психологи, был специально оборудован.

Институт развернул широкую сеть пропаганды педагогических и психологических знаний — читалось большое количество лекций в школах, клубах, на предприятиях и в самом Институте; тематика лекций была очень разнообразной. Сотрудниками Института не было забыто и такое мощное средство пропаганды, как научно-популярные статьи.

Ко времени 1960-х гг. сессии Института уже перестали стенографировать, как перестали стенографировать и заседания Ученого Совета (кроме защит). Каждый протокол Ученого Совета стал представлять собой информационную страничку «слушали — постановили»; исчезли те живые дискуссии, реплики, возражения, прорывавшиеся эмоции, — словом, живые люди, стоящие за ними.

Итоговая сессия по работе Института за 1959 г. была проведена в январе 1960 г. На ней было представлено 20 научных докладов, из них 6 были посвящены «физиологическим основам», 6 — проблемам труда, 3 — вопросам психологии обучения, 4 — возрастной психологии и только 1 — «чистой» общей психологии.

1960 г. был для Института непростым. Необходимо было отозваться на многие решения и постановления, и в первую очередь — XXI съезда партии, июльского пленума ЦК КПСС, на Закон о перестройке школы, Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР «О работе Академии педагогических наук

РСФСР и укреплении связи ее со школами и научно-исследовательскими учреждениями», в котором содержалось специальное упоминание об «Основах психологии» — многолетнем обобщающем труде Института.

В результате были пересмотрены семилетний план, план работы Института на год, работа над совместной книгой Института. И — вечная загадка — все перестраивалось, перекраивалось, менялось, а научная работа Института так же, как и раньше, шла, ориентируясь на существенные для науки направления.

Следует отметить, что исследования по проблемам психологии труда стали достоянием разных лабораторий, — с одной стороны, это было ответом на требования официальных инстанций, но объективно круг этих работ действительно расширился. О психологической подготовке учащихся к труду писал А.А. Смирнов, о воспитании психологической готовности к труду — А.В. Веденов, о психологической готовности старших школьников к труду — Н.И. Крылов, об отношении учащихся к занятиям по труду — Т.В. Драгунова, о труде детей в семье — Л.С. Славина и, наконец, о формировании творческого отношения к труду — В.Н. Колбановский. Кроме того, психологическим анализом труда на производстве занималась целая лаборатория Д.А. Ошанина, а анализом обучения наладке автоматического оборудования — лаборатория В.В. Чебышевой.

В этой области изучались также формирование трудовых умений и навыков у учащихся — под руководством А.А. Смирнова; взаимоотношение теоретических знаний и практических умений у школьников — под руководством Н.А. Менчинской. Можно сказать, что психологическими подходами к труду наше образование оказалось обеспеченным надолго — 5 из 15, разрабатываемых в Институте научных тем, были так или иначе посвящены изучению труда.

В остальном работа шла по направлениям, ставшим уже традиционными для Института: физиологические основы индивидуально-психологических различий, физиологические основы высших психических процессов, сенсорное развитие детей раннего возраста, восприятие у школьников, мышление и речь, способности, умственное развитие и обучение, возрастные различия в учебной деятельности. Специальное внимание было уделено практическому изучению методов психологического исследования детей. Постоянной для гуманитарного цикла психологических исследований стала тема развития психологии в России; в особую тему была выделена подготовка материалов к труду «Основы психологии».

В 1960 г. широкое развитие получили международные контакты. На XVI конгрессе по психологии в Бонне были сделаны доклады А.А. Смирновым и А.В. Запорожцем, в Берлине — П.А. Шеваревым и В.В. Давыдовым, в Варшаве — Н.И. Жинкиным, в Венгрию с докладом была командирована Н.А. Менчинская, в Румынию — В.В. Чебышева, в Чехословакию — М.В. Соколов, в Болгарию — Д.Б. Эльконин.

Развернулась также деятельность Общества психологов: на I сессии его Центрального Совета сотрудниками Института было сделано 6 докладов и еще 3 — на зональных конференциях общества. В конце

Варвара Васильевна Чебышева (1903–1996)

Майя Ивановна Лисина (1929–1980)

декабря 1960 г. в Ленинграде прошло Совещание по проблемам высшей нервной деятельности, на котором выступили с докладами Б.М. Теплов, Е.И. Бойко, Н.И. Чуприкова²⁹.

В 1961 г. в Институте была открыта новая лаборатория под руководством Д.Б. Эльконина — лаборатория психологии подростка, которая начала свое длительное исследование в стенах 91-й школы. Под руководством М.И. Лисиной впервые началась работа по изучению раннего (преддошкольного) возраста.

Состоялись «Педагогические чтения»; широкое распространение получила лекционная пропаганда психологических знаний,

Конгресс в Бонне. 1960 г. Слева направо: А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, И. Бюллер, Карл Бюллер

которая проводилась сотрудниками института как в Москве, так и в отдаленных районах страны. В научной работе широко использовались результаты практического опыта учителей и работников других институтов. Московское отделение Общества психологов провело совещание по психологии трудового воспитания и обучения, на котором с 13 докладами выступили сотрудники Института. В 1961 г. ими было сделано 18 докладов за рубежом. Впервые в этом году в отчет была введена рубрика «Статьи в зарубежных изданиях», и в ней было зафиксировано 6 статей, но пока только в журналах стран социалистической демократии.

В соответствии с общими правилами после XXII съезда КПСС и появления новой программы КПСС в плане работы Института 1961 г. на первое место были выдвинуты «психологические проблемы формирования личности нового человека, человека коммунистического общества». И опять работа по спущенной сверху теме проводилась в полном соответствии с той проблематикой, которая разрабатывалась в Институте из года в год: умственное развитие в процессе обучения, взаимосвязь теоретических знаний и практических умений, соединение обучения с трудом, профессиональная направленность; физиологические основы индивидуальности и когнитивной деятельности; развитие личности, формирование способностей и т. д.³⁰ Изменения в проблематику вносились, но вносились по мере научной актуальности, а не собственно по идеологической указке. Как пышно ни заявлялись такие изменения в «шапке» планов и отчетов, а фактически исследования (уточним, — большей частью, но все же не все) развивались по внутренней логике науки. Так, например, содержанием основной для плана Института 1963 г. проблемы «Перспективы развития советской школы и народного образования в условиях развернутого строительства коммунизма» были: «исследования, раскрывающие более широкие познавательные возможности младших школьников в условиях экспериментального обучения по новым программам» (руководители — Д.Б. Эльконин и В.В. Давыдов)».

В 1963 г. Психологический институт отмечал 50-летие со дня своего основания. Была проведена Юбилейная научная сессия, на которую съехались бывшие аспиранты Института. А.А. Смирнов выступил с официальным докладом, текст которого был напечатан в журнале «Советская педагогика»³¹. В своем выступлении А.А. Смирнов обрисовал полувековой путь Института — «сложный... и на многих этапах его жизни, требовавший преодоления больших трудностей». Исследования, проведенные в Институте, составили значительную часть всего объема материала по психологии, опубликованного за последние 50 лет в нашей стране. Сотрудниками написано и выпущено много учебников для высшей школы, средних специальных и общеобразовательных учебных заведений СССР. Большая заслуга принадлежит Институту в подготовке научных кадров для всей страны. «Питомцы Института — профессора и преподаватели высших учебных заведений, научные сотрудники исследовательских учреж-

дений — работали и работают сейчас в самых разных местах Советского Союза»³².

Подготовка кадров для исследовательской работы в различных областях психологии была заявлена как одна из основных задач Института еще Г.И. Челпановым — вспомним его речь на открытии Института, вспомним его детально разработанную программу подготовки экспериментаторов и теоретиков психологии. Эта челпановская традиция не была утеряна Институтом во все последующие годы. Приемные экзамены в аспирантуру были событием; в приемной комиссии абитуриенты встречались с живыми классиками отечественной психологии — такими как А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, П.А. Шеварев. Будущие аспиранты подвергались жесткому отбору: мест было мало, и конкурс всегда был большой. Позже аспирантура Института разрослась за счет целевых аспирантов, присылаемых из университетов и педагогических вузов всей страны. Аспиранты принимали активное участие в исследованиях лабораторий, общались с именитыми психологами, присутствовали на заседаниях Ученого Совета, сами делали доклады, подвергаясь порой строгой, но конструктивной критике, помогали готовить съезды и конференции, читали лекции. Так росли и формировались, и разъезжались по всей стране высоко профессиональные специалисты, впитавшие в себя дух и традиции Психологического института.

Если в шапке отчета Института за 1963 г. главная тема формулировалась очень развернуто: «Перспективы развития советской школы и народного образования в условиях развернутого строительства коммунизма», то в 1965 г. ее формулировка сократилась: «Перспективы развития советской школы и народного образования»³³. Решалась представленная в идеологическом ключе основная проблематика через проведение психологических исследований познавательных возможностей учащихся младших и средних классов и поиск подходов к усовершенствованию программ обучения. Многие важные в научном отношении темы также переходили из плана в план, иногда немного меняя название, разделяясь или соединяясь с комплиментарными, но не закрывались, а продолжали свое долгосрочное развитие, добавляя новые результаты к уже имеющимся данным и сохраняя фундаментальную направленность научных исследований. Таким, например, «мутациям» подвергалась психология труда, содержание которой читалось то как «применение знаний на практике», то как «воспитание коммунистического отношения к труду», то как «формирование навыков», то просто и обобщенно — как «инженерная психология».

Новые кибернетические, теоретико-информационные влияния не обошли стороной отечественную психологию. В 1963 г. в Институте началась разработка проблемы программированного обучения — под руководством Л.Н. Ланды, а позже, в 1967 г., открылась лаборатория эвристики, руководителем которой был назначен В.Н. Пушкин.

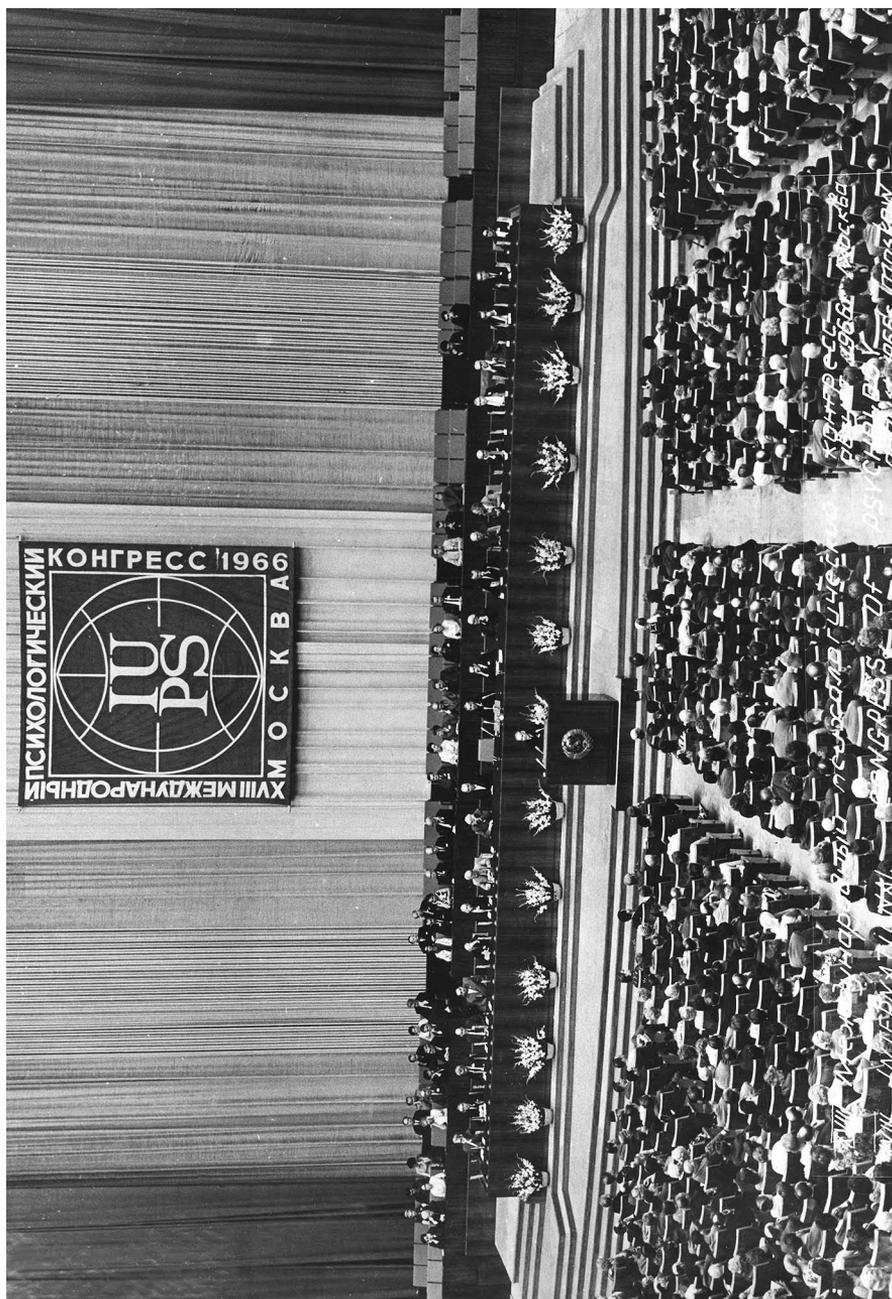
Вениамин Ноевич Пушкин
(1931–1979)

В конце 1965 г. Институт и вся психологическая наука понесли большую утрату: скончался один из крупнейших отечественных психологов, талантливый ученый, создавший свою психологическую школу и сплотивший вокруг себя большой творческий коллектив, — Борис Михайлович Теплов. Его преемником на посту заведующего лабораторией стал В.Д. Небылицын. Он руководил этим коллективом вплоть до своей трагической гибели в 1972 г.

70-летию со дня рождения Б.М. Теплова было посвящено заседание Ученого Совета в октябре 1966 г. На нем были сделаны доклады, посвященные творчеству ученого: «Исследования Б.М. Теплова в области ощущений и восприятий» (А.Н. Соколов); «Проблема способностей в трудах Б.М. Теплова» (Н.С. Лейтес); «Б.М. Теплов как историк психологии» (М.Г. Ярошевский); «Б.М. Теплов как теоретик дифференциальной психофизиологии» (В.Д. Небылицын).

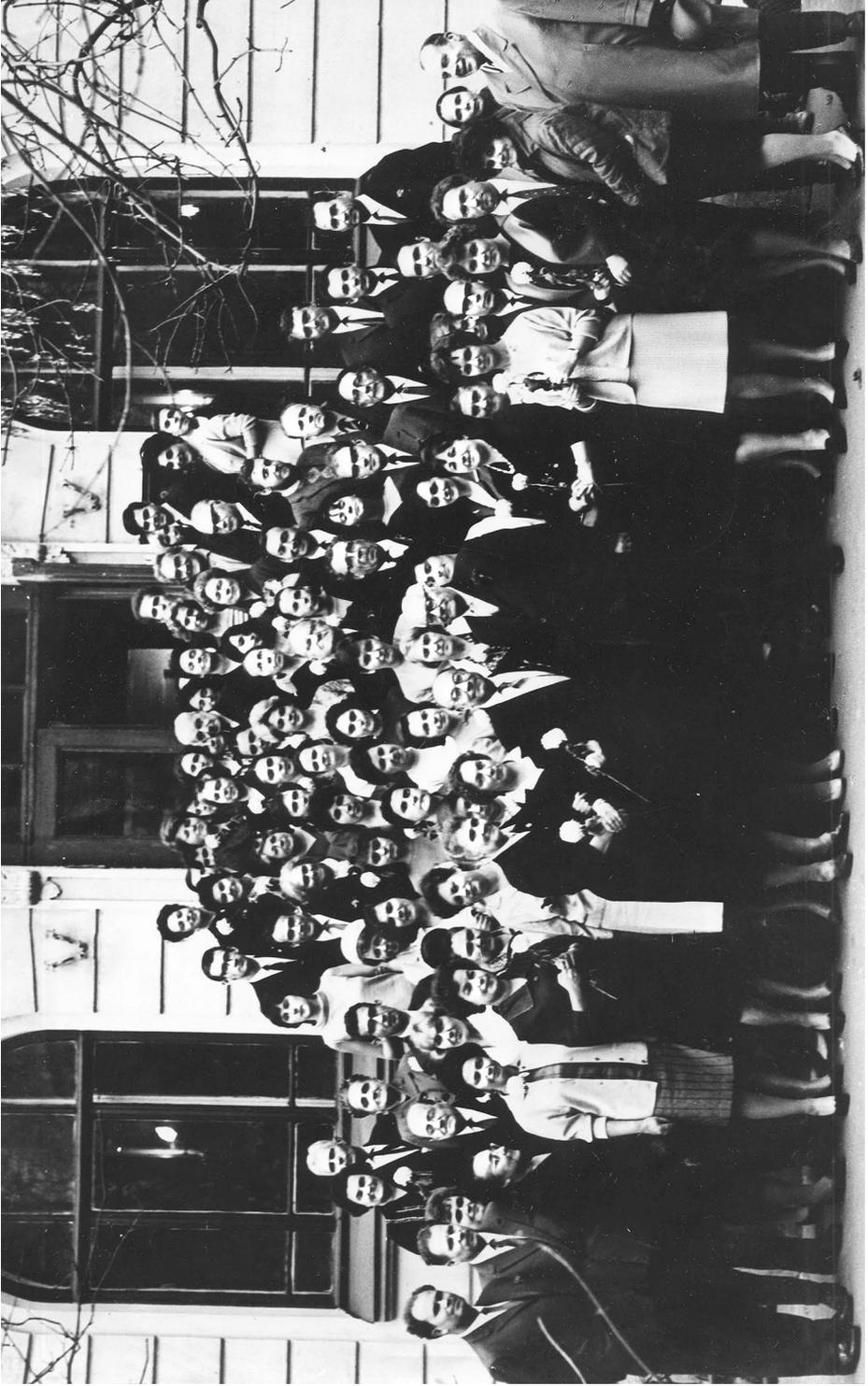
В 1966 г. сотрудники Института вложили много творческой энергии в подготовку и проведение XVIII Международного психологического конгресса.

XVIII психологический конгресс был первым международным форумом высокого уровня, который проводился в нашей стране, и самым представительным за все время проведения этих конгрессов. Конгресс вызвал огромный интерес во всем мире, свидетельствуя о возросшей роли психологии в мировой науке. Как сказал П. Фресс, «XVIII конгресс был конгрессом единства. Здесь был положен конец игнорированию нашей науки». Симпозиумы конгресса, на которых, по словам А.Р. Лурии, были представлены «высокой культуры» теоретико-методологические и научно-экспериментальные материалы, проходили с большим успехом. На Конгрессе были представлены 44 страны. Если на предыдущем XVII Вашингтонском конгрессе было 1,5 тысячи человек, то на XVIII Международный психологический конгресс в Москву приехало 5 тысяч человек. Сотрудники Института не только вынесли на своих плечах всю организационную работу (А.А. Смирнов был председателем оргкомитета), но и выступили с интересными ин-

XVIII Международный психологический конгресс. Москва. 1966 г.

100-ЛЕТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Коллектив института. 1967 г.

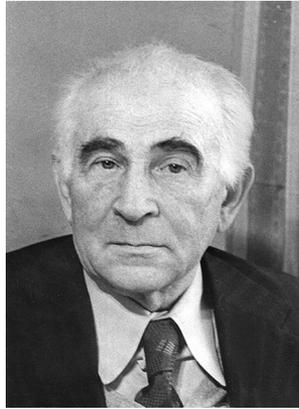
Слева направо: первый ряд — Н.И. Крылов, С.Ф. Жуйков, З.И. Калмыкова, Л.Л. Гурова, выше — Д.Н. Богоявленский и Г.Г. Бочкарева, З.И. Истомина, через одного И.С. Якиманская, А.А. Постелова, О.А. Санкова, П.А. Шеварев, А.А. Смирнов, Н.И. Лименес, Т.В. Мишина, Л.Б. Ермолаева-Томина, Д.Н. Завалишина, Ф.Н. Гонобалин; второй ряд: В.И. Зыкова, Ицков, А.Я. Колдная, О.А. Конюшкин, Е.М. Кудрявцева, А.Е. Ольшаникова, Д. Ермонская, Э.А. Фарапонова, Т.Н. Боркова, И.В. Терешкина, А.К. Маркова, ниже — В.В. Чебышева, Т.И. Данишевская и Р.Т. Сверчкова, далее — А.М. Магюшкин, выше — Ю.М. Соловьев, ниже — В.В. Давыдов; третий ряд: И. Ривина, Э.Х. Зарипов, З.М. Богуславская, ниже — А.И. Сухарева, Е.Н. Соколова, далее — А.В. Веденов, ниже — Д.Б. Эльконин, Л.И. Айдарова, М.С. Шехтер, П.М. Якобсон, В.Д. Небылицын, через одного Г.В. Сапрыкин; четвертый ряд: В. Фетисов, Т.В. Ендовицкая, ниже — А.С. Славина, В.И. Рождественская, Э.А. Голубева, И.В. Дубровина, Г.А. Шибаровская, выше — М.Л. Перова, ниже — Т.А. Флоренская, М.А. Алемаскин, П.А. Жоров, ниже — Ермишкин; пятый ряд: Е.С. Махлах, Е.М. Крутова, Л.И. Божович, ниже — М.Н. Борисова, выше — Н.И. Жинкин, В.П. Ягункова, ниже — М.А. Меньшикова, рядом — П.И. Размыслов, выше — В.М. Русалов, И. Мурванидзе, А.И. Крупнов

новационными докладами. А.А. Смирновым была прочитана вечерняя лекция «Пути развития советской психологии»; в общей сложности сотрудниками Института было сделано 12 основных докладов, не считая кратких сообщений. Было организовано издание материалов Конгресса на трех языках.

В 1966 г. были подготовлены: сборник «Советская психология за 50 лет», 5 монографий и 4 тематических издания. Продолжалась подготовка материалов к изданию многотомного обобщающего труда «Основы психологии». Первый том был сдан в печать и вышел в свет в 1967 г., но издание второго тома пришлось отодвинуть на следующий — 1968 г.

В Государственный пятилетний план Института 1968 г. были включены исследовательские проблемы инженерной психологии, вопросы программированного обучения, моделирования психических процессов. Госкомитетом по науке и технике СССР Институту были заказаны исследования по социальной психологии, профессиональной ориентации и отбору, а также возрастных особенностей формирования личности ребенка и подготовки к школе детей дошкольного возраста. Выполнялись работы по хоздоговорам, продолжалась работа над «Основами психологии», взят старт подготовительных работ к столетию со дня рождения В.И. Ленина, содержание которых было скоординировано с задачей разрешения актуальных научных проблем исследований Института.

Работа Института и его лабораторий в 1969 г. подробно отражена в годовом отчете³⁴. Благодаря наличию информации возможна достаточно полная реконструкция научной жизни Института за год, т. е. восстановление некоего эталона, способного помочь восполнить информационные пробелы других лет.

Дмитрий Александрович Ошанин (1907–1978)

Константин Маркович Гуревич (1906–2007)

На 1 января 1969 г. в Институте работало 257 сотрудников. Из них докторов наук 17, кандидатов — 86, младших научных сотрудников без степени — 63, инженеров и техников — 18, лаборантов — 56. В число остальных входили сотрудники административно-хозяйственной части.

По пятилетнему плану 1966–1970 гг. в Институте разрабатывались:

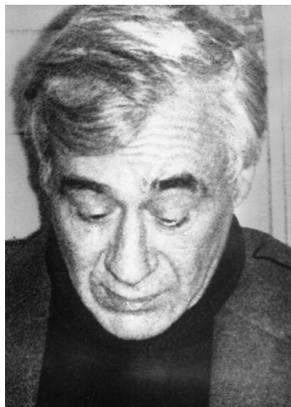
- ♦ проблемы инженерной психологии — в лаборатории под руководством Д.А. Ошанина;
- ♦ программированного обучения — в лаборатории Л.Н. Ланды;
- ♦ моделирования психических процессов — 1) в лаборатории высшей нейродинамики под руководством Е.И. Бойко и 2) в лаборатории эвристических процессов этой проблемой занимался Р.Х. Зарипов.

В соответствии с постановлением Госкомитета по науке и технике в Институте изучались:

- ♦ проблемы профотбора и профориентации — в двух лабораториях — К.М. Гуревича и В.В. Чебышевой;
- ♦ проблемы подготовки детей к школьному обучению в лаборатории Д.Б. Эльконина.

Исследования по социальной психологии (под общим руководством А.А. Смирнова) проводились в трех лабораториях:

- ♦ роль социально-психологических факторов в формировании личности в юношеском возрасте — в лаборатории социальной психологии;
- ♦ проблемы формирования общения у детей раннего и дошкольного возраста — в лаборатории психологии детей раннего и дошкольного возраста;
- ♦ межличностные отношения в младшем школьном и подростковом возрасте — в лаборатории возрастных особенностей личности детей школьного возраста.

Федор Дмитриевич Горбов (1916–1977)

Борис Федорович Ломов (1927–1989)

Исследования динамики умственного развития детей проводились в лаборатории диагностики психического развития ребенка; изучение психологических закономерностей теоретического мышления — в лаборатории эвристики.

Разрабатывались также принципы организации научной информации по педагогике и психологии, а также программы и рекомендации по подготовке и переподготовке учителей в области психолого-педагогических проблем.

Двадцать три научные темы, входящие в план исследований Института на 1969 г., разрабатывались в контексте основных направлений научно-исследовательских работ АПН РСФСР.

В рамках основных тем этого цикла исследовались:

- ♦ физиологические механизмы умственной деятельности — лаборатория высшей нейродинамики под руководством Е.И. Бойко;
- ♦ физиологические и психологические проявления свойств нервной системы — лаборатория В.Д. Небылицына;
- ♦ оценка психических состояний — лаборатория под руководством Ф.Д. Горбова;
- ♦ сенсорные и перцептивные процессы — лаборатория под руководством Б.Ф. Ломова;
- ♦ психология памяти — лаборатория под руководством А.А. Смирнова;
- ♦ взаимоотношения словесно-логических и наглядных компонентов в процессах мышления — лаборатория под руководством Ф.Н. Шемякина;
- ♦ особенности учебной деятельности младших школьников — (на основании метода экспериментального обучения) в лаборатории В.В. Давыдова;
- ♦ возрастные и индивидуальные особенности подростков — лаборатория под руководством Д.Б. Эльконина;

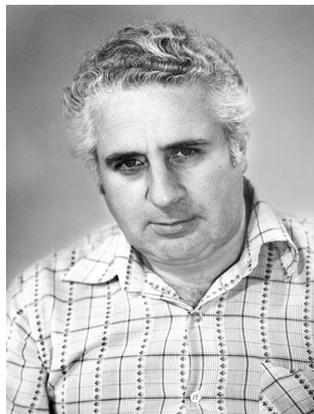
- ♦ психологические основы учения и особенности формирования мировоззрения — разрабатывались в лаборатории Н.А. Менчинской;
- ♦ основы политехнического трудового обучения — изучались в лаборатории под руководством Т.В. Кудрявцева;
- ♦ проблема способностей — лаборатория под руководством В.А. Крутецкого;
- ♦ формирование личности школьника — лаборатория под руководством Л.И. Божович.

Институт осуществлял широкие связи как с научными организациями внутри страны, так и с зарубежными учреждениями и отдельными учеными; при этом сотрудники Института очень активно участвовали в международных конгрессах, симпозиумах и конференциях, подготовили к изданию совместные с зарубежными коллегами сборники, публиковали статьи в США, Франции и других странах.

Отмечая в отчете недостатки в организации научно-исследовательской работы и в Институте, и в Академии в целом, директор Института А.А. Смирнов подчеркивал проблему нехватки кадров и помещений, особенно для вновь созданных лабораторий; а также консультативный характер научных связей с другими научными учреждениями при отсутствии подлинной координации работы. Фактором, нарушающим планомерную работу Института, являлось и затягивание сроков публикаций трудов сотрудников Института из-за реорганизации академического издательства и последующего разделения заказов между двумя вновь появившимися структурами — издательством «Промсвещение» и издательством «Педагогика». А.А. Смирнов обратил внимание на недостаточность числа зарубежных командировок, предоставляемых ученым, особенно для участия в международных конгрессах, и их плохую организацию, что понижало авторитет советской психологии. Неудовлетворительным считал он техническое обслуживание Института: из-за малой численности штата инженеров задерживается производство аппаратуры, низкие ставки для технического персонала не позволяют набирать профессионалов высокого класса, оттого сделанная в мастерских Института аппаратура часто плохого качества.

Как показывает вышеприведенный материал, 1969 г. был типичным для жизни Института: исследования продолжались и совершенствовались, коллектив и руководство заботились о том, чтобы научно-исследовательский процесс был хорошо обеспечен всем необходимым.

В конце 1960-х гг. для инженерно-технического отдела Института была приобретена электронно-вычислительная техника. В научные исследования все больше и больше начали внедряться математико-статистические методы обработки результатов. Содействие сотрудникам в овладении этими новыми методами и помощь в обработке результатов оказывал руководитель инженерно-математического отдела В.К. Мульдаров.

Валентин Карумович Мульдаров
(1941–2005)

В августе 1966 г. Академия педагогических наук РСФСР была преобразована в АПН СССР, и с апреля 1970 г. Институт был переименован в Институт общей и педагогической психологии АПН СССР. В связи с этим была произведена масштабная реорганизация Института: были упразднены некоторые лаборатории и на их месте открыты новые, расширен состав Ученого Совета. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. произошло значительное омоложение кадрового состава за счет притока большой группы выпускников психологического факультета МГУ. Госкомитетом по науке и технике в план Института было добавлено еще 5 тем (4 из них Институт разрабатывал и раньше, но по другому плану). Институт в очередной раз изменил свое название. Теперь он стал Научно-исследовательским Институтом общей и педагогической психологии АПН СССР. Была завершена работа, направленная на «достойную встречу 100-летней годовщины со дня рождения В.И. Ленина»: подготовлены Юбилейные Педагогические чтения, Юбилейная конференция молодых психологов, сборник научных докладов и выступлений объемом 20 авторских листов, цикл статей для журнала «Вопросы психологии», и проведена Юбилейная сессия Института. В докладах, прозвучавших на юбилейных торжествах, раскрывались различные психологические аспекты обучения: В.В. Давыдов — о повышении теоретического уровня обучения, А.М. Матюшкин и Т.В. Кудрявцев — о проблемном обучении, Л.Н. Ланда — о программированном обучении и другие. Сборник под редакцией В.В. Давыдова «Психологические возможности младших школьников» и сборник под редакцией В.Д. Небылицына «Проблемы дифференциальной психофизиологии» стали победителями конкурса на лучшую научную работу³⁵.

1971 г. — XXIV съезд КПСС. Естественно, «в свете решений» пересмотрен общий перспективный план работы Института, проведены Научная сессия и Конференция молодых ученых. На Сессии обсуждались научные результаты работ, их теоретические модели, методологическая и методическая оснащенность исследований. Прозвучали обобщающие методолого-теоретические доклады — Л.И. Божович,

Д.Б. Эльконин, Н.А. Менчинская и Д.А. Ошанин — в которых были проанализированы итоги научной работы лабораторий за ряд предыдущих лет и поставлены вопросы конкретных аспектов перспектив развития коллективных исследований. На Конференции молодых ученых большой интерес вызвали доклады Т.А. Флоренской «Дуализм природного и социального в теориях неофрейдизма», Б.А. Шульгиной и Т.А. Долженковой о конформизме, И.Б. Даунис и В.И. Слободчикова о методах диагностики психического развития детей, которые открывали новые возможности научной интерпретации современной научной проблематики. В 1971 г. работа Института была отмечена высокой наградой — Орденом Трудового Красного Знамени.

В 1972 г., как написано в годовом отчете, «работа Института проходила под знаком подготовки к достойной встрече всенародного праздника 50-летия образования СССР». В связи с этой датой Институт провел работу по сбору материала научных публикаций, осуществленных во всех республиках СССР, характеризующих современное состояние психологической науки в каждом регионе страны. Не менее масштабной была работа по сбору исторических материалов, раскрывающих специфику психологических взглядов и научных позиций всех крупных деятелей культуры и просвещения народов СССР в дореволюционный период.

Как всегда решения XXIV съезда КПСС и сопутствующие постановления особого влияния на работу Института не оказали, поскольку требовали «дальнейшего улучшения» и т. п. И это полностью совпадало с институтскими традициями целенаправленного совершенствования теоретического и научно-экспериментального аппарата развернутых исследований по изучению психологических проблем обучения и воспитания в школе, профессионально-трудового обучения в ПТУ, подготовки будущих учителей в педвузах и т. д., а равно — по углублению научно-психологических знаний и повышению их качества.

В 1972 г. коллектив Института был потрясен безвременной трагической гибелью Владимира Дмитриевича Небылицына. Ему было только 42 года.

Научная жизнь В.Д. Небылицына была короткой — всего 18 лет — но необычайно продуктивной. В 1965 г., после смерти Б.М. Теплова, он возглавил лабораторию дифференциальной психофизиологии, в которую пришел аспирантом в 1954 г. Им было опубликовано около 80 научных работ, посвященных вопросам психофизиологических основ индивидуальных различий; его монография «Основные свойства нервной системы человека» (1966) была удостоена премии К.Д. Ушинского; он был автором первого на русском языке изложения метода факторного анализа, который затем стал интенсивно применяться в отечественной психологии. В последние годы В.Д. Небылицын вплотную приступил к исследованию структуры темперамента, главными компонентами которого считал общую активность и эмоциональность (в дальнейшем эстафету в изучении проблемы эмоциональности приняла группа А.Е. Ольшанниковой).

Владимир Дмитриевич Небылицын (1930–1972)
Анатолий Александрович Смирнов (1895–1980)

В 1973 г. закончился один из самых продолжительных исторических этапов научной жизни и деятельности Психологического института — ушел с поста директора А.А. Смирнов. Анатолий Александрович руководил Институтом 28 лет.

А.А. Смирнов принял его в 1945 г. почти разгромленным, разбомбленным, растерявшим в военном лихолетьи многих сотрудников, сумел провести через послевоенную разруху и сквозь, казалось, непреодолимые идеологические кордоны 1950–1960-х гг., не просто сохранив Институт и его научную традицию, но приумножив богатство его научных достижений.

Из обращения А.А. Смирнова к коллегам (1973)

Покидая пост директора Института, ... я не могу не принести самой глубокой благодарности всему коллективу Института за его неизменно доброжелательное отношение ко мне, за то, что он своим успешным творческим трудом, широкой творческой инициативой, своими славными традициями всегда так сильно облегчал мне работу, выполнение моих обязанностей директора Института...

Сейчас, когда я передаю эстафету директора новому руководителю, я не могу не пожелать как лично ему самому, так и всему коллективу Института самых больших успехов в работе, новых крупных научных достижений, особенно необходимых именно теперь — в период стремительного развития всех наук и нашей психологической науки в том числе. Я не могу не выразить надежду на то, что наш Институт сохранит то почетное место, которое он всегда занимал в истории советской психологии, с честью будет нести свое знамя — знамя Института, удостоенного высокой правительственной награды, будет сплоченным коллективом, в котором смогут найти свое место

и успешно развиваться различные направления, представленные в нашей науке. Я твердо уверен, что всем сотрудникам нашего Института будет и впредь дорогá его честь, коллектив сохранит и умножит свои добрые традиции — смелые поиски новой деятельности и во всех отношениях друг к другу — любовь и высокую общественную активность, неизменное содействие всем, кто обращается к нам за помощью, советом и поддержкой.

Уходя с директорского поста, я остаюсь сотрудником Института и членом нашего коллектива. Поэтому я не говорю «прощайте», а говорю: большое, большое спасибо Вам всем, дорогие друзья и товарищи, за все, что в Вашем труде доставляло мне большую радость как директору Института и что давало мне право гордиться возглавлявшимся мной коллективом.

Сегодня уже немногие знают, что А.А. Смирновым был разработан долгосрочный проект развития психологии в стране, который под названием «О 15-летнем плане развития психологической науки» 26 января 1960 г. был направлен в Президиум АПН РСФСР академику-секретарю М.А. Мельникову³⁶. В нем были даны формулировки основных проблем, над которыми должна работать детская и педагогическая психология в период 1960–1975 гг. К ним были отнесены в первую очередь психологические проблемы подготовки детей и молодежи к трудовой деятельности. Разработка этих проблем тесно связывалась с подготовкой учащихся в средних специальных учреждениях и организацией психологических служб профориентации и профконсультирования. Важное место в проекте заняли проблемы психологии обучения и воспитания детей в школах с различными формами организации учебного процесса (школы рабочей, сельской молодежи и школы-интернаты).

В качестве научной основы успешного решения проблем воспитания и обучения подрастающего поколения выдвигалось изучение психологических особенностей детей раннего, дошкольного, подросткового и юношеского возраста; предлагалось значительное расширение исследований по возрастной психологии. Необходимым условием психолого-педагогической работы являлась разработка как дифференцированных, так и комплексных характеристик каждого возраста.

Особой областью работы психологов была определена сфера воспитания и обучения детей с дефицитом развития органов зрения, слуха, речи и интеллекта.

В документе обозначались видимые горизонты развития базовых проблем общей психологии: «Исследования в этой области должны быть фундаментом решения всех других проблем психологической науки, в том числе и указанных выше вопросов возрастной психологии и психологических проблем воспитания и обучения подрастающих поколений».

Здесь выделены:

1. Психологические проблемы всестороннего развития личности (куда включаются изучение формирования направленности личности, развития способностей, формирования характера).

2. Психология познавательной деятельности, которая должна быть тесно связана «с новейшими достижениями ряда других наук, в частности, математической логики, теории информации и кибернетики, равно как и с некоторыми проблемами современной лингвистики».
3. Физиологические основы психических процессов и психических свойств личности.
4. Вопросы истории психологии — отечественной, народов СССР и зарубежных стран; выдвигалась задача изучения современной зарубежной психологии. Но главное — требовалась организация систематической научной информации о состоянии психологической науки в мире, чего раньше практически не было.

Определялись задачи и границы развития практической психологической работы и психологического консультирования учителей, родителей и учащихся.

В разделе «Необходимые организационные мероприятия» предлагалось:

1. Открыть новые лаборатории в Институте психологии АПН РСФСР — дошкольного, подросткового и юношеского возраста, трудового обучения, обучения в школах рабочей и сельской молодежи, воспитания в школах-интернатах; сектор зарубежной психологии.
2. Усилить сектор психологии Ленинградского Института педагогики АПН РСФСР.
3. Открыть в Институте дефектологии лабораторию психологии слепых детей, расширить лаборатории психологии глухонемых и умственно отсталых детей, а также психологическую часть клиники речевых расстройств.
4. Усилить проблемные лаборатории кафедр психологии Московского и Ленинградского университетов.
5. Открыть новые исследовательские учреждения по психологии:
 - а) Институт психологии АПН в г. Ленинграде;
 - б) проблемные лаборатории при кафедрах психологии наиболее крупных университетов и педагогических институтов (всего 30–35 лабораторий по РСФСР).
6. Открыть при всех психологических учреждениях консультации для учителей, родителей и молодежи.
7. Развернуть сеть областных и районных кабинетов профессиональной ориентации.
8. Расширить прием студентов на психологическое отделение Московского и Ленинградского университетов; усовершенствовать подготовку научных работников через систему аспирантуры.
9. Создать при Институте психологии постоянные курсы усовершенствования для психологов.
10. Улучшить психологическую подготовку учителей.
11. Осуществить издание второго журнала по психологии и бюллетеня научной информации по психологической литературе.

12. Создать при Московском Совнархозе специальные мастерские (с конструкторскими бюро) по производству психологической аппаратуры.

Внесение необходимых поправок «на время» позволяет обратиться к сути предложений, заложенной в Проекте А.А. Смирнова. Проект поражает масштабностью и продуманностью своих положений: в нем линия развития одной из специальных областей психологии разворачивается в перспективу формирования системы практико-ориентированных научно-организационных структур психологии как государственного института. И в этом он сродни проекту построения системы психологической науки и практики Г.И. Челпанова. Основу проекта А.А. Смирнова составило признание приоритета положений общей психологии в решении практических задач и включение отечественной психологии в информационное и коммуникативное поле мировой психологической науки, т. е. челпановская традиция понимания направленности развития отечественной психологии. Отсюда и исторически верное прогностическое включение в сферу перспектив ее долгосрочного развития актуальных проблем инклюзивного воспитания и обучения, которые поставлены во главу угла инновационных образовательных систем XXI века. Для любого сотрудника Психологического института совсем не безразлично, что документ, содержащий такую заботу о масштабном развитии отечественной психологии, вышел из стен нашего Института.

Результатом многолетнего кропотливого труда, осуществлявшегося под общим руководством А.А. Смирнова, явилась организация издания серии книг под общим названием «Основы психологии». Задачами этого издания являлись ознакомление читателя с основными проблемами, направлениями и достижениями современной психологической науки, обобщение результатов экспериментальных и теоретических исследований, определение магистральных линий развития и закономерностей разработки ее главных проблем и отраслей. В серию была включена монография А.А. Смирнова, в которой впервые был дан целостный анализ генезиса отечественной психологической мысли дореволюционного и советского периода «Развитие и современное состояние психологической науки в СССР». Работа над «Основами психологии» стала огромным и последним вкладом А.А. Смирнова³⁷ не только в научную деятельность Института, но и в развитие всей российской психологии.

В конце 1970-х гг. Институт был организатором и участником целого ряда крупных международных и всесоюзных научных психологических форумов.

В 1970–1980-х гг. на ежегодных научных сессиях Института в течение нескольких дней сотрудники всех лабораторий выступали с итоговыми докладами о результатах своих исследований. Развертывались как широкие теоретические дискуссии, так и обстоятельные, заинтересованные обсуждения конкретных результатов, представленных в докладах.

Участники Международного совещания руководителей психологических учреждений европейских стран социалистического содружества. Москва. 1976 г. Малая аудитория Института. Слева направо: Борис Федорович Ломов, 3-й — Артур Владимирович Петровский, Алексей Николаевич Леонтьев, Всеволод Николаевич Столетов (президент АПН СССР), Алексей Александрович Бодалев, Александр Владимирович Запорожец, Василий Васильевич Давыдов, Эмилия Александровна Фарапонова

Участники Международного совещания руководителей психологических учреждений европейских стран социалистического содружества. Москва. 1976 г. Малая аудитория Института. Во втором ряду слева направо: Майя Ивановна Лисина, Тамара Анатольевна Ратанова

V Всесоюзный съезд психологов. Москва. 1977 г. Президиум съезда.
Слева направо: Эмилия Александровна Фарапонова, Анатолий Александрович Смирнов, Борис Федорович Ломов, Алексей Николаевич Леонтьев, Екатерина Васильевна Шорохова, Г.Т. Береговой (космонавт), Артур Владимирович Петровский

В 1973 г. А.А. Смирнова на посту директора института сменил В.В. Давыдов (1973–1983), заместителями по научной работе которого были: по общей психологии — О.А. Конопкин, по педагогической психологии — И.В. Дубровина; с 1983 г. руководителем Института был назначен А.М. Матюшкин (1983–1991), затем снова Институт возглавил В.В. Давыдов (1991–1992).

В 1982 г. Институт отметил 70-летие со дня основания. В его состав входило 28 лабораторий, сотрудники которых работали над изучением широкого спектра психологических проблем.

Штатное расписание Психологического института на 1 апреля 1982 г.³⁷

1. Лаборатория психологии сенсорных процессов — зав. лаб. Н.И. Чуприкова.
2. Лаборатория психологии восприятия и представлений — зав. лаб. А.И. Миракян.
3. Лаборатория психологии памяти и мышления — зав. лаб. А.Н. Соколов.
4. Лаборатория психологических проблем регуляции деятельности — зав. лаб. О.А. Конопкин.
5. Лаборатория генетической психофизиологии — зав. лаб. И.В. Равич-Шербо.

Всесоюзная конференция по педагогической психологии. Москва. 24–26 октября 1978 г. В президиуме, слева направо: в центре (докладчик) — Алексей Александрович Бодалев, Лев Моисеевич Фридман, Аэлита Капитоновна Маркова

Всесоюзная конференция по педагогической психологии. Москва. 24–26 октября 1978 г. Участники конференции. В первом ряду — справа — Анатолий Александрович Смирнов; в седьмом ряду слева — 1-я от прохода — Ираида Сергеевна Якиманская

Ежегодная Научная сессия Института. Большая аудитория.
С докладом выступает Эра Александровна Голубева

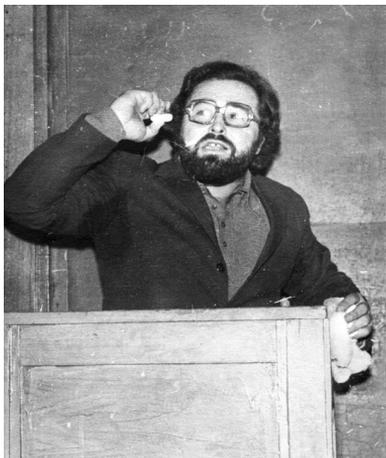
Ежегодная Научная сессия Института. Большая аудитория.
С докладом выступает Александр Александрович Мелик-Пашаев

С докладом выступает
Людмила Анатольевна Запорожец

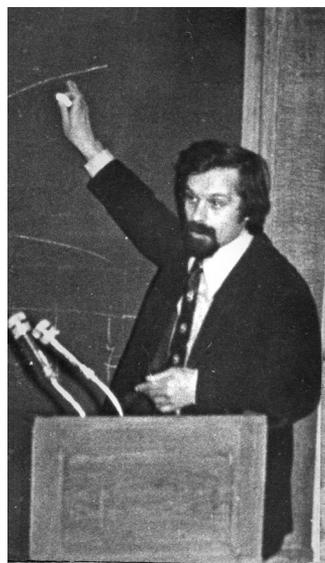

Справа налево: П.М. Якобсон, А.А. Смирнов, С.А. Изюмова, Е.П. Гусева;
второй ряд — В.И. Самохвалова, Г.Г. Сабурова, З.И. Калмыкова, А.В. Захарова,
А.К. Маркова, Л.А. Карпенко; третий ряд — 2-й — С.М. Козловский,
4-я — Е.М. Борисова; 1-я в четвертом ряду — И.В. Равич-Щербо,
рядом — А.Е. Ольшанникова; в пятом ряду — 1-я — Н.Ф. Круглова

Ежегодная Научная сессия Института. Большая аудитория.
С докладом выступает Вадим Артурович Петровский

Ежегодная Научная сессия Института. Большая аудитория. С докладом выступает Аида Васильевна Захарова

С докладом выступает
Виктор Иванович Слободчиков

Ежегодная Научная сессия Института. Большая аудитория.
Слева направо: в первом ряду — М.И. Лисина, И.В. Равич-Щербо;
в третьем ряду — 2-й — Д.А. Аросьев, рядом В.Я. Дымерский; четвертый ряд —
С.М. Бондаренко, Л.А. Концевая.; в пятом ряду — 3-й — А.Н. Соколов;
седьмой ряд — 1-я — Д.Б. Годовикова, 3-я — Г.В. Казнова

Василий Васильевич Давыдов.
Директор Института с 1973 по 1983 г. и с 1991 по 1992 г.

Ирина Владимировна Дубровина — зам. директора по педагогической психологии; Олег Александрович Конопкин — зам. директора по общей психологии
Алексей Михайлович Матюшкин (1927–2004).
Директор Института с 1983 по 1991 г.

6. Лаборатория дифференциальной психофизиологии — зав. лаб. Э.А. Голубева.
7. Лаборатория психофизиологических основ профессиональной деятельности — зав. лаб. К.М. Гуревич.
8. Лаборатория психологии детей раннего и дошкольного возраста — зав. лаб. М.И. Лисина.
9. Лаборатория психологии детей младшего школьного возраста — зав. лаб. В.В. Давыдов.
10. Лаборатория психологии воспитания подростков — зав. лаб. Д.И. Фельдштейн.
11. Лаборатория возрастных закономерностей формирования личности школьника — зав. лаб. И.В. Дубровина.
12. Лаборатория диагностики психического развития школьника — зав. лаб. Д.Б.Эльконин.
13. Лаборатория психологии учебной деятельности — зав. лаб. А.К. Маркова.
14. Лаборатория психологии обучения и умственного развития — зав. лаб. И.С. Якиманская.
15. Лаборатория психологии трудового и политехнического обучения — зав. лаб. Э.А. Фарапонова.

16. Лаборатория психологии личности в коллективе — зав. лаб. А.В. Петровский.
17. Лаборатория теоретических проблем психологии деятельности — зав. лаб. Ф.Т. Михайлов.
18. Лаборатория социальной перцепции — зав. лаб. А.А. Бодалев.
19. Лаборатория психологии спорта — зав. лаб. П.А. Жоров.
20. Лаборатория психологии профессионального обучения — зав. лаб. Т.В. Кудрявцев.
21. Лаборатория эвристики — зав. лаб. А.М. Матюшкин.
22. Лаборатория психологии индивидуального планирования — зав. лаб. В.С. Клягин.
23. Лаборатория психологического обеспечения АСУ — зав. лаб. А.И. Прохоров.
24. Лаборатория коллективного планирования — зав. лаб. В.С. Лазарев.
25. Лаборатория игровых методов подготовки руководителей — зав. лаб. С.Д. Неверкович.
26. Лаборатория средств управления учебной деятельностью — зав. лаб. В.В. Рубцов.
27. Лаборатория психологии труда и профессиональной подготовки — зав. лаб. В.Я. Дымерский.
28. Лаборатория математического моделирования психических процессов — зав. лаб. И.И. Логвинов.

История Института была бы неполной без тех ярких личностей, которые непосредственно научных исследований не проводили, но без которых невозможно представить коллектив института и его научную жизнь.

Во все времена жизнь Психологического института была немыслима без *Научной библиотеки*, которая всегда являлась его гордостью. Созданная одновременно с Институтом, она вместе с ним пережила все эти долгие нелегкие годы. Основу ее фонда составила библиотека приват-доцента Московского университета А.С. Белкина, переданная в дар Институту его сестрой О.С. Поповой и включавшая 3000 названий книг и журналов по философии, психологии, логике, истории, математике и естествознанию. Это уникальное собрание почти в целости было сохранено до 1990-х гг. Много лет (с 1928 по 1962 г.) сохраняла и приумножала богатства библиотеки Надежда Германовна Цейдлер.

Из характеристики Н.Г. Цейдлер: «Она является единственным работником библиотеки, который обслуживает не только сотрудников Института и всех вообще психологов г. Москвы, но и иногородних специалистов по психологии. Вместе с тем она находит время и силы для отыскивания нужных работникам Института книг в других библиотеках г. Москвы... За годы войны она сохранила большой исключительно ценный книжный фонд Института, являющийся единственным в СССР по богатству и подбору научной психологической литературы, в полной неприкосновенности и образцовом порядке. Во всей этой большой работе она проявляет исключительную преданность своему

Надежда Германовна Цейдлер (1876–1963)

Нина Петровна Байкалова (род. 1904)

делу и снискала общее уважение работников Института» (С.Л. Рубинштейн)³⁹.

Долгие годы — с 1933 г. по 1972 г. — с нелегкими финансовыми заботами Института приходилось справляться его главному бухгалтеру Нине Петровне Байкаловой. «В коллективе Института Н.П. Байкалова, несмотря на нередко возникающие у нее горячие споры с сотрудниками по поводу целесообразности того или иного намечаемого ими расхода», пользовалась большой любовью, уважением и авторитетом», — отмечалось в характеристике, подписанной А.А. Смирновым.

Жизнь коллектива Института 1980-х гг. невозможно представить без Софьи Николаевны Тимофеевой, которая была не просто начальником Отдела кадров (с 1974 г.), но прежде и более всего — близким другом, добрым и отзывчивым человеком: к ней шли с бедой и радостью.

Реформы конца 1980-х — начала 1990-х гг. привели к определенной деидеологизации психологической науки. Основные методологические положения остались неизменными, однако исчезли повсеместная марксистская риторика, обязательное цитирование классиков диалектического материализма, ссылки на указания партии, произошел отказ от противопоставления отечественной психологии иностранной, что способствовало ассимиляции (порой чрезмерной) современных зарубежных психологических методик. Возросла потребность общества в практической психологии, которая окончательно вышла за пределы замкнутого круга сугубо академических проблем и превратилась в научно-практическую область, востребованную различными социальными сферами. Психологический институт в это время оставался главным опорным стержнем «науки нового времени», сохраняя свою направленность на разработку корпуса фундаментальных научных теорий, концепций и подходов наряду исследованиями прикладного характера⁴⁰.

Софья Николаевна Тимофеева
(1934–1999)

В 1992 г. в ходе глобальных социально-политических изменений, произошедших в стране, Академия педагогических наук СССР была преобразована в Российскую академию образования. Психологическому институту, с 1970 г. именовавшемуся Научно-исследовательским институтом общей и педагогической психологии АПН СССР, было возвращено его историческое название — Психологический институт (имя Л.Г. Щукиной до сих пор не восстановлено).

Краткое описание основных направлений исследований лабораторий дает представление о научной жизни Института на рубеже 1980–1990-х гг.

Лаборатория психологии учения, одна из старейших в Институте, была организована еще в 1930-е гг. Н.А. Менчинской, которая и руководила этим коллективом до 1982 г. До начала 1990-х гг. лабораторией заведовала И.С. Якиманская. Лаборатория разрабатывала теорию учения развивающейся личности и формирования мировоззрения школьников. В начале 1980-х гг. было развернуто исследование способов учебной работы, возникающих как результат взаимодействия субъективного опыта ребенка и усваиваемого им учебного содержания и описана система критериев эффективности учебной работы детей. Одной из центральных тем исследований лаборатории являлось изучение психологических основ методов обучения, а также психодиагностика развития ребенка в ходе обучения.

Лаборатория обучения и психического развития младших школьников (под руководством В.В. Давыдова) за 35 лет работы разработала теорию учебной деятельности, теорию развивающего обучения и подготовила соответствующие комплекты учебно-методических пособий по основным дисциплинам начальной школы. С конца 80-х гг. эти материалы успешно использовались в младших классах многих школ России, Украины, Белоруссии, Латвии. В 1980–1990-е гг. в лаборатории продолжалось изучение психологических аспектов развития у учащихся младших

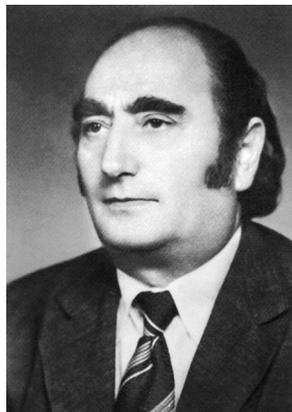
классов учебной инициативы и самостоятельности — т. е. формирования младшего школьника как субъекта учебной деятельности. Специфические проблемы психологии обучения рассматривались в ходе изучения психолого-педагогических основ трехлетнего начального образования (под руководством В.В. Давыдова и В.И. Слободчикова). В число основных направлений исследования входила разработка концепции трехлетнего образования, создание соответствующих ей учебных планов и программ, была намечена целостная диагностическая программа с элементами коррекции, включавшая как диагностику общего психического развития детей в процессе обучения, так и определение качества знаний по отдельным предметам; проведен теоретический и экспериментальный анализ взаимодействия учителя и ученика, формирования учебного сотрудничества на уроках, анализ проблем развития личности учащихся в условиях целенаправленно формируемой учебной деятельности и др. Итоги исследований дали возможность разработать новые учебные курсы по математике и изобразительному искусству, переработать курсы русского языка и труда, создать систему организации учебного сотрудничества. Была завершена работа по диагностике готовности к школе и успешности обучения шестилетних детей.

В лаборатории теоретических и экспериментальных проблем психологии (руководитель — Б.Д. Эльконин) проводились исследования, направленные на изучение структуры акта развития, и была построена его принципиальная модель.

Проблемой развития и его философских и психологических основ занималась в эти же годы лаборатория под руководством Б.С. Братуся.

Лаборатория психического развития в подростковом и юношеском возрастах (под руководством Д.И. Фельдштейна) разработала теоретическую модель поуровневого социального развития растущего человека как личности. Были определены закономерности социального созревания, его уровневые характеристики, условия и механизмы становления социальной позиции; определен характер взаимосвязи дифференциации общественного сознания и возникновения различных подростково-юношеских групп; раскрыт механизм самопрезентации. В лаборатории была разработана теория подросткового возраста как социально-психологического явления.

Лаборатория социально-психологических проблем сознания (руководитель — И.Г. Дубов). Объектом изучения этой лаборатории выступал менталитет россиян, особенности его исторического формирования и характер трансформаций, связанных с политическим и экономическим развитием общества, а также особенности его воспроизводства в процессе воспитания и образования. Основным направлением научно-исследовательской работы лаборатории являлся анализ кросс-культурных и кросс-субкультурных различий в содержании основных категорий обыденного сознания и структурах категориальных систем, иерархиях ценностных ориентаций и других социально-психологических феноменов; различия в нормативной сфере, в основных стереотипах обыденного сознания и т. д. Работа лаборатории

Аршак Исраилович Миракян
(1929–1995)

была направлена на практическое применение во всех областях, где осуществляется воздействие на массовое сознание.

Лаборатория психологии саморегуляции (под руководством О.А. Конопкина) рассматривала произвольную психическую саморегуляцию деятельности и поведения человека как наиболее системную и всеобщую форму психической активности, в которой реализуется весь арсенал психического развития человека и которая выступает результатом и критерием общего психического развития человека как субъекта деятельности и поведения в целом. В ходе работы была изучена функциональная структура целостных процессов саморегуляции, инвариантная относительно любых видов и форм произвольной активности человека. В эти годы была намечена перспективная задача лаборатории — разработка концепции возрастного развития процессов произвольной саморегуляции, в рамках которой исследовалась общая способность к саморегуляции произвольной активности как интегральная деятельностно-личностная характеристика человека, определяющая его общие субъектные потенции.

Лаборатория психологии восприятия (впоследствии лаборатория моделирования психических процессов; руководитель — А.И. Миракян).

Многолетние исследования лабораторией проблем восприятия привели к пониманию, что процессы психического отражения представлены сознанию человека посредством своих же продуктов: понятий, образов, отраженных свойств объектов и пр. Именно это является причиной того, что в психологии естественным образом сложилась традиция изучения процессов психического отражения через их же собственные продукты, что выражается описанием на продуктном, физикальном уровне исследования. Предлагаемый подход к изучению структурно-процессуальных закономерностей как природных принципов порождающего процесса психического отражения являлся принципиально новым. Объектом изучения стал сам процесс порождения психического отражения. В экспериментальных

исследованиях лаборатории в области зрительного, осязательного и слухового восприятия было показано, что данные принципы психического отражения (образования анизотропных отношений, безадресной памяти и т. д.) лежат в основе всех процессов восприятия независимо от их модальности.

Группа психологии перцепции (под руководством М.С. Шехтера) к тому времени уже более 30 лет разрабатывала проблему «свернутых действий». Было показано, что в ходе обучения формируются качественно новые опознавательные эталоны (критерии), отличающиеся особой целостностью: они используются как неразлагаемые на компоненты «атомарные» единицы. Разрабатывались методы формирования целостных образов — эталонов; исследовались разновидности эталонов — перцептивные прототипы.

В *группе психологии развития познавательных процессов* (руководитель — Н.И. Чуприкова) изучались внутренние когнитивные структуры, которые рассматривались как носитель, субстрат умственного развития, с целью раскрытия их строения и закономерностей их развития, подчиненного общим универсальным законам развития систем. Исследовалась связь когнитивной дифференцированности с интеллектом, другими показателями умственного развития и школьной успеваемостью. Был проведен теоретический анализ некоторых систем развивающего обучения с точки зрения как соответствия принципу системной дифференциации, так и направленности на формирование хорошо расчлененных и системно-упорядоченных когнитивных структур.

Деятельность *группы источниковедения истории отечественной психологии* (под руководством Е.П. Гусевой) была направлена на решение задачи формирования в структуре Института исследовательской базы для работ по истории отечественной психологии. Кропотливая работа сотрудников группы с архивными материалами способствовала восполнению описания истории Института, а значит, и психологической науки в целом, новой, ранее неизвестной информацией о состоянии отечественной психологии и ее отраслей в разные периоды становления.

Группой психосемиотики (под руководством Л.В. Шеншева) разрабатывался принципиально новый подход к проблеме утилитарных и развивающих функций образования. Задачей группы выступало создание принципиально новых портативных аудиовизуальных устройств для овладения устной иноязычной речью в условиях оперативной адаптации хода обучения к ходу усвоения.

Лаборатория психодидактики (под руководством Г.Г. Кравцова) была занята решением задачи проектирования и экспериментального построения новых моделей образования. В лаборатории проводились теоретические и экспериментальные исследования психологических проблем дошкольной дидактики и школьного обучения. На основе этих исследований разрабатывался личностный подход к проблемам обучения, в рамках которого развитие личности понималось как об-

Леонид Владимирович Шеншев
(1924–1996)

ретение нравственно-осмысленной внутренней свободы, как формирование творческих способностей и раскрытие индивидуальности ребенка. Исследования лаборатории отличались последовательным проведением принципа единства обучения и воспитания, единства эмоционального и интеллектуального развития, органичной взаимосвязи семьи, детского сада и школы.

Историко-эволюционный подход к психологии реализовался в *лаборатории культурно-исторической психологии* (руководитель А.Г. Асмолов). Рассматривая образование как культурно-исторический процесс расширения возможностей развития личности, лаборатория осуществляла подход к психологии как к науке о строительстве и проектировании мира человека, пыталась проникнуть в закономерности развития изменяющегося человека в изменяющейся культуре. Кроме того, в лаборатории исследовался историко-эволюционный смысл феноменов одаренности и различных форм девиантного поведения, а также анализировались взаимоотношения гуманистической психологии и гуманистической культуры.

Создание принципиально новых учебных книг было основной задачей многолетних комплексных теоретических и экспериментальных исследований *группы «Школьный учебник»* (руководитель Г.Г. Граник). Основные из них были связаны с исследованием психологических механизмов речи, феноменов понимания текста. К ним относились: изучение психологических механизмов формирования умения выделять концепт текста, исследование роли установки в процессе восприятия текста, изучение приемов, позволяющих вести диалог с текстом.

Лаборатория психического развития детей дошкольного возраста (руководитель Е.О. Смирнова). Лаборатория была создана А.В. Запорожцем, затем перешла под руководство М.И. Лисиной, в 1983 г. — А.Г. Рузской. В 1960–1970-е гг. развитие ребенка здесь стали изучать в контексте его общения с взрослым и со сверстниками; общение как определяющий фактор развития изучалось в первую очередь. В лаборатории была разработана теория общения как коммуникативной

деятельности и выявлены условия формирования активной, гуманной и творческой личности.

В лаборатории возрастной психогенетики, (которой до конца 1993 г. руководила И.В. Равич-Щербо, с 1993 г. — С.Б. Малых), исследовалась проблема происхождения свойств нервной системы человека, их наследственные и средовые детерминанты, а в последующие годы — роль генотипа и среды в формировании индивидуальных особенностей психологических и психофизиологических признаков и в индивидуальном развитии. В течение нескольких лет лаборатория осуществляла лонгитюдное прослеживание группы детей-близнецов. В работах лаборатории была показана роль генотипа в формировании разноуровневых характеристик индивидуальности, а также намечены закономерности, которым подчиняется динамика генотип-средовых соотношений в изменчивости разных функций и на разных этапах онтогенеза.

Лаборатория дифференциальной психологии и психофизиологии (до начала 1990-х гг. лабораторией руководила Э.А. Голубева) изучала индивидуально-типологические различия. Становление индивидуальности исследовалось синтетически и аналитически. Объединение методов дифференциальной психологии и дифференциальной психологии и психофизиологии — один из важнейших принципов исследования индивидуальности и личности, развиваемый сотрудниками лаборатории на основе типологической концепции И.П. Павлова, Б.М. Теплова, В.Д. Небылицына. Принцип единства природного и социального в человеке был реализован путем использования категорий «организм» и «личность». Выделены подструктуры индивидуальности и личности, утвердившиеся в категориальном строе психологической науки: мотивация, темперамент, способности, характер. На основе солидных экспериментальных и теоретических работ вычленены в каждой подструктуре по два структурообразующих признака. Это — эмоциональность и активность в темпераменте, активность и саморегуляция — в способностях и т. д. Именно общность этих признаков в разных подструктурах позволила использовать их в качестве скрещивающихся понятий. Благодаря развитию и совершенствованию физиологических (главным образом — электрофизиологических), психологических и математических методов была произведена интеграция первоначально разобщенных ветвей типологической концепции И.П. Павлова: систематизация по свойствам (общим типам) и по характеру взаимодействия двух сигнальных систем («специальным» типам — «художественному», «мыслительному» и «среднему»). Для определения индивидуальных особенностей каждого человека использовалась комплексная диагностика, предусматривающая характеристики по крайней мере трех уровней — физиологического, психологического и поведенческого — в их сопоставлениях. Количественному и качественному анализу подвергались зависимости, существующие между индивидуально-типологическими различиями и успешностью различных видов деятельности в условиях дифференцированного обучения и других его форм.

Лаборатория диагностики и коррекции психического развития (с 1968 г. изучением проблем психодиагностики руководил К.М. Гуревич; с 1993 г. — Е.М. Борисова) разрабатывала теоретические основы и принципы нормативной диагностики развития. Коллективом были подготовлены серия оригинальных диагностических методик (наиболее известен Школьный тест умственного развития) и ряд коррекционно-развивающих программ, которые широко используются в работе практических психологов. В перспективном проекте исследовательской работы было намечено создание целостной системы возрастной диагностики психического развития школьников, включающей серии компьютеризованных и критериально-ориентированных тестов.

Лаборатория экологической психологии (руководитель — Г.А. Ковалев) сформировалась на базе лаборатории общения и развития личности, которой с 1976 по 1993 г. руководил А.А. Бодалев. В ней был проведен цикл исследований возрастных, профессиональных и индивидуальных особенностей общения, анализировались нарушения речевого общения. В группе, работающей под руководством Ю.Б. Некрасовой, был разработан уникальный способ лечения заикания. В 1980–1890-х гг. в лаборатории разрабатывались научные принципы психологического обеспечения процесса экологического воспитания и формирования экологического сознания у подрастающего поколения. В основу научного анализа этих проблем были заложены диалогический принцип и системно-средовой подход, предполагающий, что оптимальные условия формирования и коррекции личности обеспечиваются включением субъекта в определенным образом организованную систему жизненной, воспитательно-образовательной среды. Последняя, в свою очередь, должна быть организована в соответствии с нормативами системы «открытого типа» и признаками диалогических взаимоотношений между субъектами и элементами воспитательного процесса.

Исследовательская группа психологии личности (под руководством А.В. Петровского) до 1980-х гг. разрабатывала проблематику межличностных отношений в группах на базе стратометрической концепции. С 1981 г. в центр внимания исследователей была поставлена проблема развивающейся личности, которая решилась на основе концепции персонализации, представляющей личность как единство ее интраиндивидуальных, интериндивидуальных и метаиндивидуальных репрезентаций. В 1984 г. была предложена концепция трехфазного развития личности и ее возрастной периодизации, а позже — трехфакторная концепция «значимого другого». Коллективом А.В. Петровского подготовлен и издан комплект учебников для вузов — по общей психологии, возрастной и педагогической психологии, социальной психологии коллектива и др. Эти учебники многократно переиздавались и на русском языке, и за рубежом.

Лаборатория психологии одаренности (руководитель А.М. Матюшкин) была организована в 1992 г. на основе центра «Творческая одаренность». В лаборатории разработана теоретическая концепция

интегральной структуры творческой одаренности. Творческий потенциал ребенка, проявляющийся в раннем детстве, составлял психологическую основу всех последующих феноменов интеллектуального и личностного творческого развития. Лонгитюдные исследования подтвердили возрастную устойчивость творческого потенциала и феномена высшей одаренности; была подтверждена роль неблагоприятных экологических и социальных факторов приводящих к утрате одаренности с возрастом и нереализуемости талантов в социальной жизни. Концепция творческой одаренности позволила считать высшую одаренность нормой психического развития и реализации творческой личности. В лаборатории были разработаны и реализованы психологические принципы творческого обучения одаренных школьников и дидактические средства развития творческого мышления и творческой личности.

Лаборатория диагностики творчества (руководитель Д.Б. Богоявленская) работала по концепции, в которой единицей анализа творчества выступала познавательная самодеятельность — ситуативно нестимулированная продуктивная деятельность. Был разработан метод «Креативное поле», позволяющий исследовать творчество как спонтанный процесс. В числе задач лаборатории — массовое внедрение валидной диагностики творческих способностей в системе народного образования и народного хозяйства в целом.

В 1989 г. была создана группа, а в 1993 — *лаборатория психологических проблем художественного развития* (под руководством А.А. Мелик-Пашаева). В лаборатории разрабатывалась оригинальная концепция эстетического отношения человека к миру как первоосновы способности ко всем видам искусства. Были созданы конкретные программы преподавания художественных дисциплин в школе, а также пропедевтический курс общего художественного развития младших школьников, который строился как трансформация дошкольной игры в первичные формы художественного творчества.

В лаборатории научных основ детской практической психологии (под руководством И.В. Дубровиной) была разработана концепция психологической службы народного образования — определены ее предмет, цели и задачи, теоретические основы деятельности и принципы практической организации. Проводились научно-прикладные исследования, решающие на фундаментальном уровне психологические проблемы, наиболее актуальные и важные для обучения и воспитания детей на всех возрастных этапах. Были созданы диагностические методы, коррекционные и развивающие программы, возрастные ориентиры личностного развития.

Лаборатория психологических основ новых технологий обучения и развития (руководитель — В.В. Рубцов) занималась исследованием особенностей развития детей в условиях использования новых образовательных пространств, что предусматривало создание коммуникативно ориентированных учебных сред и изучение их влияния на психическое развитие ребенка-школьника. Проводились разработки

новых технологий обучения, активизирующих процессы коммуникации, взаимопонимания, рефлексии; на этой основе осуществлялось проектирование и моделирование новых учебных предметов.

Лаборатория социально-психологических проблем профессионализации личности (руководитель — Р.Л. Кричевский; исторически первое название — лаборатория профтехобразования, созданная под руководством Т.В. Кудрявцева). Лаборатория занималась теоретико-прикладными аспектами проблем профессионального становления личности. Были созданы психодиагностические средства, тренинговые программы, учебные курсы для представителей различных профессий.

В 1992 г., на базе уже существовавшей психологической консультации в Институте был организован *научно-практический центр психотерапии и консультирования* (под руководством А.В. Сухарева). Разрабатывались два основных теоретических направления — психотехника сознания и этнопсихотерапия, имевшие свои специфические научно-организационные формы. Центр проводил большую практическую работу: психотерапевтические консультации и оказание психологической помощи населению, разработка и реализация конкретных форм взаимодействия с другими социальными структурами.

Выходы на современные методы информационного обеспечения исследований разрабатывала *группа телекоммуникации* (под руководством В.П. Долматова), созданная в 1993 г. Основной задачей ее намечалось инициирование процесса формирования телекоммуникационной сети (HumanNet), способной обеспечить потребности в оперативном обмене информацией исследователей, работающих в психологии и педагогике как в России, так и на территории бывших республик СССР.

Научно-практическую направленность, кроме уже упомянутых, представляли также ряд лабораторий и групп: *методологии образования* (под руководством Ю.В. Громыки), *развития слепоглухонемых* (под руководством Л.Д. Шевельзона). Работал международный *учебно-практический центр «Психологический колледж»* (под руководством А.А. Марголиса).

В настоящее время Психологический институт работает под руководством В.В. Рубцова, который был избран на этот пост в 1992 г.

В 1994 г. Психологический институт торжественно отметил 80-летнюю годовщину со дня своего основания. Этот год стал поворотным в научной жизни старейшего психологического учреждения России: началась работа по реконструкции подлинной истории развития психологической науки в Психологическом институте на основе обращения к ранее недоступным историко-документальным источникам. К этой дате группой авторов, представляющих различные научные направления, был подготовлен исторический очерк «Психологический институт на Моховой»⁴¹. На основании архивных разысканий в нем впервые были освещены непростые страницы истории Института. Соредакторами этого издания выступили директор института, профессор В.В. Рубцов и ведущий научный сотрудник институ-

Виталий Владимирович Рубцов

та, историк и культуролог А.Д. Червяков. При подготовке материалов к Юбилейным торжествам сотрудники группы Источниковедения истории отечественной психологии реализовали идею восстановления возможной полноты исторических, культурных и научных традиций, заложенных основателем института Г.И. Челпановым, сформировавших неповторимую внутреннюю атмосферу этого научного учреждения. Торжественное заседание в честь юбилейной даты началось с молебна. Многими это было воспринято как символ возрождения духовно-нравственных традиций отечественной психолого-педагогической науки. Психологический институт почтил своим посещением Святейший патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, призвав благословение Божие на труд ученых, психологов и педагогов, так же, как это сделал восемьдесят лет назад Преосвященный Анастасий, епископ Серпуховской по окончании молебна по случаю Торжественного открытия Психологического института им Л.Г. Щукиной.

На Торжественном заседании в 1994 г. в честь 80-летнего юбилея Психологического института выступила Татьяна Мэйар-Парэн — внучка Георгия Ивановича Челпанова, впервые приехавшая в Россию из Франции после вынужденной эмиграции ее родителей в 1926 г. и впервые посетившая институт, созданный ее дедом. Татьяна Мэйар-Парэн обратилась к присутствующим со словом сердечной благодарности за сохранение памяти о Георгии Ивановиче и поделилась своими воспоминаниями о трагической судьбе семьи Челпановых, история которой после многолетнего преступного замалчивания впервые была откровенно поведена широкой научной аудиторией.

В Институте была организована выставка «80 лет Психологическому институту имени Л.Г. Щукиной», в плане экспозиции которой отобразилось своеобразие исторических этапов жизни Института. Особое место занял впервые представленный корпус архивных материалов, документов и фотографий, рассказывающих о научном пути

Г.И. Челпанова и первом десятилетии работы Психологического института под его руководством.

Начиная с 1994 г. по инициативе сотрудников группы источниковедения истории отечественной психологии в Институте стали систематически проводится ежегодные Челпановские чтения, периодами совпадающие с его Научными сессиями.

В 2004 г., в связи с 90-летием со дня своего основания, Институтом при поддержке Департамента образования г. Москвы было осуществлено издание коллективного научного труда «Московская психологическая школа. История и современность» в трех томах (четыре книги) под общей редакцией действительного члена РАО, профессора В.В. Рубцова. В подготовке многотомника принимали участие все сотрудники, и в коллектив авторов вошли как «старожилы» Института — непосредственные свидетели значительных периодов его истории, так и ученые, пришедшие позднее. Трехтомный труд представлял собой своеобразную «научную биографию Института», который был в течение нескольких десятилетий единственным исследовательским учреждением в нашей стране в области психологии.

Первый том юбилейного издания состоял из двух книг и содержал обзор и анализ исследований по проблемам общей психологии за 90 лет существования Института («эскизное подведение итогов»). При подготовке текстов специальное внимание было уделено теоретическому обоснованию проблем и экспериментальной доказательности получаемых результатов.

Первую книгу первого тома открывало общее введение его главного редактора — академика В.В. Рубцова — и составили разделы, посвященные исследованиям проблем *ощущения и восприятия* (В.И. Козлов, Б.Б. Косов, Э.И. Кочурова, Н.Л. Морина, А.Я. Потапова, Т.И. Ратанова, Н.И. Чуприкова, М.С. Шехтер и др.), *мнемических процессов* (С.А. Изюмова, З.М. Истомина, В.И. Самохвалова, Н.И. Чуприкова, Е.Л. Яковлева), *мышления* (Д.Б. Богоявленская, Г.А. Вайзер, Л.Л. Гурова, А.З. Зак, В.Т. Кудрявцев, А.М. Матюшкин, В.В. Рубцов, Г.Д. Чистякова, Н.И. Чуприкова, Г.В. Шавырина, О.Н. Юдина, И.С. Якиманская и др.), *языка и речи* (И.А. Зимняя, М.К. Кабардов, Т.И. Ушакова, Г.Д. Чистякова и др.), *произвольной регуляции* (О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, Н.И. Чуприкова).

Во второй книге первого тома были представлены исследования по проблемам *личности* (Е.Е. Вахромов, В.Э. Чудновский), *психологии способностей и одаренности* (Г.Г. Балбасова, Е.С. Белова, Д.Б. Богоявленская, Е.Н. Задорина, Н.С. Лейтес, Н.П. Линькова, А.М. Матюшкин, А.А. Мелик-Пашаев, В.И. Панов, Н.И. Чуприкова, Н.Е. Шумакова, Е.И. Щебланова, В.С. Юркевич, Е.Л. Яковлева и др.), *индивидуальности* (Н.А. Аминов, Э.А. Голубева, И.Н. Грызлова, К.М. Гуревич, Е.П. Гусева, С.А. Изюмова, М.К. Кабардов, А.П. Кепалайте, В.Т. Козлова, А.И. Крупнов, И.А. Левочкина, А.Е. Ольшанникова, И.А. Переверзева, В.В. Печенков, В.М. Русалов, В.В. Семенов, В.В. Суворова, И.В. Тихомирова, З.Г. Туровская, Е.И. Щебланова и др.), *психогенетики*

(М.С. Егорова, Т.М. Марютина, И.В. Равич-Щербо), *психических состояний* (Ф.Е. Василюк, Н.Л. Карпова, В.И. Панов), *зоопсихологии* (В.А. Мазлумянов, С.Л. Новоселова), *истории психологии* (Е.П. Гусева, Л.А. Карпенко, Т.Д. Марцинковская).

Совокупность полученных данных, составивших содержание первого тома, отражала важную особенность «исследовательской работы Института — “взаимопроникновение” теоретических и методических подходов, существующих в рамках разных научных парадигм, что приводило к интересным комплиментарным результатам. Исследование одного и того же феномена на разных структурных уровнях психического или индивидуальности, представленное в первой книге, позволило сделать достаточно широкие обобщения, приведшие «к многомерному, системному взгляду на объект исследования». Объединенные результаты изучения разноплановой проблематики, отраженные во второй книге тома, выявили интернальные и экстернальные сквозные линии и теоретико-концептуальную переключку исследований, характеризующие целостность научно-исследовательской деятельности Института, общее понимание научным коллективом ее задач и проблем⁴².

Во второй том издания вошли работы по общим проблемам детства, *возрастной психологии* (Е.А. Бугрименко, Л.Н. Галигузова, И.В. Дубровина, В.П. Зинченко, О.В. Лишин, С.Ю. Мещерякова, К.Н. Поливанова, А.Г. Рузская, Е.О. Смирнова, И.С. Якиманская, Б.Д. Эльконин и др.), основным направлениям *психологии образования* (С.М. Бондаренко, Г.Г. Граник, И.М. Кондаков, И.Ю. Кулагина, А.К. Маркова, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, И.С. Якиманская и др.). Два раздела второго тома были тесно связаны, поскольку работы по проблемам обучения базировались на исследованиях детского возраста, которые, в свою очередь, дополнялись и корректировались результатами образовательной практики. Особенностью проведенных исследований было то, что они представляли собой основу для проектирования образовательных условий развития ребенка. «Не психологические характеристики индивида, требующие коррекции, а широкий спектр условий, обеспечивающих его полноценное развитие, — вот тот содержательный фокус деятельности Института в области возрастной и педагогической психологии», который ярко проявил себя в материале второго тома⁴³.

Третий том — «Психологическая наука, образование, практика» — отразил состояние научной деятельности Института, связанной с психологическим обеспечением развивающего образования и включающей разработку теоретико-методологических основ педагогики и психологии развития. Авторы обобщающего цикла работ — М.К. Акмова, Е.Д. Божович, Г.А. Вайзер, Л.И. Воробьева, К.М. Гуревич, В.А. Гуружапов, Н.И. Гуткина, И.В. Дубровина, Е.В. Ковалевская, О.В. Лишин, Н.П. Локалова, С.Б. Малых, А.А. Марголис, Т.А. Матис., Л.М. Митина, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий, В.И. Панов, Н.И. Поливанова, Ю.А. Полуянов, В.В. Рубцов, Т.В. Снегирева, Н.Б. Шумакова, Г.А. Цукерман, О.Н. Юдина, В.С. Юркевич и др. — раскрыли вопро-

сы развития психолого-педагогических исследований по проблемам обучения; представили психодидактические парадигмы и конкретные разработки методов обучения ряда научных школ; рассмотрели задачи, структуру и содержание психологической службы; принципы проектирования и экспертизы образовательной среды; инновационные технологии работы с одаренными детьми, детьми «с особыми нуждами», детьми «группы риска»; привели диагностические, коррекционные, реабилитационные техники, разработанные для ряда областей практики; представили к обсуждению модель научно-образовательного Центра «Психология», интегрирующего науку, образование и практику.

- ¹ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 43.
- ² Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 52.
- ³ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 53.
- ⁴ *Боцманова М.Э., Гусева Е.П., Равич-Щербо И.В.* Психологический институт на Моховой. Исторический очерк (под ред. В.В. Рубцова, А.Д. Червякова). — М.: Изд-во ИЧП «ЕАВ», 1994. С. 23.
- ⁵ *Боцманова М.Э., Гусева Е.П., Равич-Щербо И.В.* Психологический институт на Моховой. Исторический очерк (под ред. В.В. Рубцова, А.Д. Червякова). — М.: Изд-во ИЧП «ЕАВ», 1994. С. 24.
- ⁶ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 53.
- ⁷ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 73.
- ⁸ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 76.
- ⁹ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 74.
- ¹⁰ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 73.
- ¹¹ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 82.
- ¹² Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 94.
- ¹³ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 99.
- ¹⁴ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 103.
- ¹⁵ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 100.
- ¹⁶ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 141–142.
- ¹⁷ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 125.
- ¹⁸ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 144.
- ¹⁹ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 177.
- ²⁰ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 156.
- ²¹ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 166.
- ²² Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 186.
- ²³ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 207, 223.
- ²⁴ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 223.
- ²⁵ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 229.
- ²⁶ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 241.
- ²⁷ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 261.
- ²⁸ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 273.
- ²⁹ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 327.
- ³⁰ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 341, 355.
- ³¹ *Смирнов А.А.* 50 лет Институту психологии // Советская педагогика. 1963. № 6. С. 129–142.

- ³² Научный архив ПИ РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 325.
- ³³ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 377, 387.
- ³⁴ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 447.
- ³⁵ Научный архив ПИ РАО. Научный отчет Института психологии. 1970. 30 л.
- ³⁶ Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 314.
- ³⁷ Анатолий Александрович Смирнов скончался в 1980 г.
- ³⁸ Научный архив ПИ РАО. Список лабораторий Психологического института. 1970–1974 гг. 1976–1994 гг. Л. 14–15.
- ³⁹ Научный архив Психологического института РАО. Ф. 3, ед. хр. 278. Л. 10.
- ⁴⁰ Рубцов В.В. Развитие науки в Психологическом институте им. Л.Г. Шукиной // Московская психологическая школа. История и современность (под общей ред. действ. чл. РАО, проф. В.В. Рубцова). — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 18.
- ⁴¹ Боцманова М.Э., Гусева Е.П., Равич-Щербо И.В. Психологический институт на Моховой. Исторический очерк (под ред. В.В. Рубцова, А.Д. Червякова). — М.: Изд-во ИЧП «ЕАВ», 1994. Материалы «Очерка» в дополненном и переработанном виде составили основу настоящего издания «Психологический институт в Москве: Российский центр психологической науки, культуры и образования. К 100-летию со дня основания».
- ⁴² Равич-Щербо И.В., Чуприкова Н.И. Предисловие // Фундаментальные проблемы общей психологии (отв. ред. Н.И. Чуприкова, И.В. Равич-Щербо) / Московская психологическая школа. История и современность (под общей ред. действ. чл. РАО, проф. В.В. Рубцова). — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 48.
- ⁴³ Поливанова К.Н., Якиманская И.С. Заключение // Проблемы возрастной и педагогической психологии (отв. ред. К.Н. Поливанова, И.С. Якиманская) / Московская психологическая школа. История и современность (под общей ред. действ. чл. РАО, проф. В.В. Рубцова). — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2004. Т. 2. С. 343.

ГЛАВА V

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Начало второго тысячелетия — это настоящее время Института, это наша жизнь, которая идет сейчас: какие-то ее эпизоды закончились, начались другие, что-то продолжается (например, Институт продолжает менять свои названия: сегодня добавилась аббревиатура «ФГНУ», сменив более короткую «ГНУ»), и что-то происходит со всеми нами. Все это еще слишком живо, слишком на памяти у всех, еще не утряслось и не уложилось... Но постепенно укладывается в те блоки, из которых делается История, вырастают научные направления современной Психологии и будущее Института.

Сегодня в Психологическом институте 17 лабораторий, в составе которых работают 7 особых исследовательских групп; Научный архив; Научная библиотека. К 100-летию Института заведующие лабораториями подготовили краткие представления работы научных коллективов.

Лаборатория психического развития дошкольников

Лаборатория была основана в 1947 г. А.В. Запорожцем. С 1970 по 1983 г. лабораторию возглавляла М.И. Лисина, в 1983–1993 гг. — А.Г. Рузская, в 1993–2009 гг. — Е.О. Смирнова, в настоящее время лабораторией руководит С.Ю. Мещерякова. В разные годы в лаборатории работали такие выдающиеся ученые, как Д.Б. Эльконин, В.П. Зинченко, Л.А. Венгер.

В 1950–1960-е гг. основным направлением работы лаборатории было изучение развития психических процессов на разных ступенях онтогенеза с позиций деятельностного подхода, результатом чего стало создание теории развития детского восприятия.

С конца 1960-х гг. под руководством М.И. Лисиной началась фундаментальная разработка проблемы общения ребенка с окружающими людьми. М.И. Лисиной была основана самостоятельная научная школа, в рамках которой создана концепция генезиса общения. Выявлены этапы развития общения ребенка со взрослыми и сверстниками, механизмы его

влияния на психическое развитие ребенка от рождения до 7 лет, становление основ личности, самосознания, мировоззрения.

В 1980–1990-е гг. в лаборатории проводилось углубленное изучение развития межличностных отношений ребенка. Описаны возрастные закономерности становления взаимоотношений ребенка со взрослыми и сверстниками, их индивидуальные варианты.

В последнее десятилетие основным направлением деятельности лаборатории стало внедрение результатов научных исследований в практику, для чего разработаны инструменты диагностики психического развития ребенка от рождения до 3 лет, программа воспитания и развития детей раннего возраста, созданы учебники и учебные пособия для вузов по детской психологии и педагогике, научно-популярные книги для родителей.

- ♦ Галигузова Л.Н., Ермолова Т.В., Мещерякова С.Ю., Смирнова Е.О. Диагностика психического развития детей от рождения до 3 лет. — СПб.: «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2005. — 144 с.
- ♦ Галигузова Л.Н., Мещерякова С.Ю. Педагогика раннего возраста. — М.: ВЛАДОС, 2007. — 304 с.
- ♦ Галигузова Л.Н., Мещерякова С.Ю., Смирнова Е.О. Первые шаги: Программа воспитания и развития детей раннего возраста. — М.: Мозаика-Синтез, 2007. — 160 с.
- ♦ Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. — СПб.: Питер, 2009. — 320 с.
- ♦ Смирнова Е.О. Детская психология. — СПб.: Питер, 2008.
- ♦ Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. — М.: Просвещение, 1967. — 324 с.
- ♦ Межличностные отношения ребенка от рождения до семи лет / под ред. Е.О. Смирновой. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. — 240 с.
- ♦ Общение и речь: Развитие речи у детей в общении со взрослым / под ред. М.И. Лисиной. — М.: Педагогика, 1985. — 207 с.
- ♦ Психическое развитие воспитанников детского дома / под ред. И.В. Дубровиной, А.Г. Рузской. — М.: Педагогика, 1990. — 327 с.
- ♦ Развитие общения дошкольников со сверстниками / под ред. А.Г. Рузской. — М.: Педагогика, 1989. — 215 с.

Лаборатория психологии младшего школьника

В 1959 г. на базе школы № 91 г. Москвы была открыта лаборатория психологии младшего школьника, основанная Д.Б. Элькониним. Начиная с 1963 г. лабораторией четверть века заведовал В.В. Давыдов. Сейчас дело основателей под руководством Б.Д. Эльконина продолжают сотрудники лаборатории В.В. Давыдова и его ученики: С.Ф. Горбов, Т.А. Матис, О.Л. Обухова, Г.А. Цукерман, Е.В. Чудинова.

В лаборатории работали многие выдающиеся сотрудники Психологического института: Л.И. Айдарова, Л.В. Берцфаи, М.Э. Боцманова, В.А. Гуружапов, А.З. Зак, А.В. Захарова, В.А. Львовский, А.К. Маркова,

Г.Г. Микулина, Ю.А. Полуянов, Я.А. Пономарев, З.С. Попова, В.В. Рубцов, О.В. Савельева, М.А. Семенова, Э.А. Фарапонова, Л.М. Фридман, Е.Е. Шулешко и другие.

Изначально тематика лаборатории была связана с определением возрастных возможностей младших школьников. Были созданы теория учебной деятельности, теория содержательного обобщения, основы новой — деятельностной дидактики, разработаны подходы к построению учебных курсов на деятельностных основаниях. Параллельно разрабатывались методы диагностики психического развития детей младшего школьного возраста, уровня сформированности у них учебной деятельности.

В 1990-е гг., в период реорганизации российского образования, работы сотрудников лаборатории получили общественное признание: система Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова была утверждена в качестве одной из трех государственных образовательных систем в начальном образовании. Учебные материалы стали широко использоваться в массовой школе. Сотрудники лаборатории были награждены Премией Президента РФ в области образования (1998).

В настоящее время продолжает развиваться и совершенствоваться образовательная система Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова — полное научно-методическое, диагностическое и практически-организационное обеспечение учебного процесса начальной и основной школы по математике, русскому языку, изобразительному искусству, литературе, естествознанию и всем предметам естественнонаучного цикла. Доказаны развивающие эффекты этой системы; прежде всего, показано ее влияние на развитие основ теоретического мышления (способность человека понимать суть явлений и действовать в соответствии с этой сутью) и умения учиться (способность человека определять, каких знаний и умений ему недостает для решения задачи, находить и осваивать недостающие знания и умения).

Сегодня в рамках образовательной системы Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова разработаны и апробированы:

- учебные курсы по основным учебным предметам для начальной и основной школы;
- учебно-методические комплекты для этих курсов;
- методические пособия для учителей по организации учебной деятельности школьников на уроках внутри каждого учебного курса;
- система оценивания достижений учеников, нацеленная на воспитание оценочной самостоятельности школьников;
- наборы диагностических заданий для формирующего и итогового оценивания развивающих эффектов обучения;
- система подготовки и переподготовки педагогов для работы по системе Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова.

Образовательная система Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова является наиболее развитым образцом деятельностной педагогики в отечественной и мировой теории и практике образования, в связи с чем она

может быть взята за основу для достижения современных стандартов образования.

- ♦ *Воронцов А.Б., Чудинова Е.В.* Учебная деятельность: введение в систему Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова. — М.: Изд. «Рассказов», 2004.
- ♦ *Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении. — М.: Педагогика, 1972.
- ♦ *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. — М.: Интор, 1996.
- ♦ *Цукерман Г.А., Венгер А.Л.* Развитие учебной самостоятельности. — М.: ОИРО, 2010.
- ♦ *Эльконин Б.Д.* (ред.) Развивающее обучение: на пути к подростковой школе. — М.: Эврика, 2004.
- ♦ *Эльконин Д.Б., Давыдов В.В.* (ред.) Возрастные возможности усвоения знаний. — М.: Просвещение, 1966.

Лаборатория психологии подростка

В 1999 г. в институте была организована лаборатория исторической психологии личности под руководством профессора Т.Д. Марцинковской. В 2008 г. в лабораторию влилась группа О.В. Лишина, в связи с чем она была переименована в лабораторию психологии подростка. Изначально в деятельности лаборатории сочетались теоретические, методологические и эмпирические исследования, что позволило в 2000-х гг. разработать историко-генетический подход к анализу проблемы развития — как психологической науки в целом, так и становления отдельных сторон психики в онтогенезе.

Многие основополагающие моменты работы лаборатории связаны с именами М.Г. Ярошевского и О.В. Лишина. Полученные эмпирические материалы позволили доказать значение категориального аппарата, разработанного Ярошевским, для анализа современного состояния и тенденций развития гуманитарной науки, раскрыть характерные особенности ее состояния в настоящее время, выделить и описать содержание идентичности российской интеллигенции.

В теоретико-эмпирических исследованиях показано значение переживаний как одного из механизмов социализации и формирования идентичности, выделены функции индивидуальных и социальных переживаний. Исследования понятий социализации и индивидуализации в разных дискурсах и разных методологических подходах дали основания для выявления условий и механизмов их гармоничного сочетания, прежде всего в контексте развития социальной и персональной идентичности и в дискурсах возрастной и социальной психологии. Были выявлены критерии успешной социализации, не фрустрирующей личностный рост человека, выделены параметры социализированности (прежде всего школьной социализированности), разработаны диагностические материалы для ее определения. Сравнительное изучение влияния разных институтов социализации (в том числе и неформальных) на процесс становления и содержание личностной идентичности

показало возрастающее значение информационного пространства как одного из ведущих современных институтов социализации детей, подростков и молодежи.

Были разработаны и реализованы в дошкольных учреждениях, начальной и средней школах практические программы становления гармоничной взаимосвязи процессов социализации и индивидуализации.

- ♦ *Марцинковская Т.Д.* История психологии: Учебник для вузов. — М.: Академия, 2001.
- ♦ *Марцинковская Т.Д.* Психология развития: Учебник для вузов. — М.: Академия, 2005.
- ♦ Категория переживания в психологии и философии: Коллективная монография / под ред. Т.Д. Марцинковской. — М., 2005.
- ♦ Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии: Коллективная монография / под ред. Т.Д. Марцинковской. — М., 2010.
- ♦ Структура и содержание идентичности российской интеллигенции: Коллективная монография / под ред. Т.Д. Марцинковской. — М., 2011.

Группа моделирования психических процессов

Исходными теоретико-методологическими основаниями исследований лаборатории моделирования психических процессов являются основные идеи научных школ Г.И. Челпанова (восприятие пространственности), Д.А. Ошанина (оперативность психического отражения) и А.И. Миракяна (полифункциональность психического отражения, принципы порождающего процесса восприятия).

История лаборатории (а затем группы) моделирования психических процессов началась в 1960 г., когда была организована лаборатория психологии производственного труда под руководством профессора Д.А. Ошанина. Тогда в ней работали Д.Н. Завалишина, Ю.С. Жуйков, О.А. Конопкин, А.Е. Ольшанникова, В.Н. Пушкин, В.В. Суворова, З.Г. Туровская, Т.Н. Ушакова, Л.Б. Филонов, Н.И. Чуприкова и др. В 1965 г. на базе этой лаборатории Д.А. Ошаниным была организована одна из первых в СССР лабораторий инженерной психологии. Основным направлением ее работы — в русле основного для отечественной психологии того времени функционального подхода к психическому отражению — явилась разработка Д.А. Ошаниным совместно с его сотрудниками (А.М. Зальцман, В.И. Козлов, А.И. Миракян, Н.Л. Морина, В.И. Моросанова, В.И. Панов) концепции оперативности психического отражения и оперативного образа. Оперативность рассматривалась как общее фундаментальное свойство психики, обеспечивающее, в зависимости от задач действия, гибкое переключение с отражения одних свойств объекта на другие его свойства и формирование оперативного образа объекта.

Предпринятое А.И. Миракяном, который с 1976 г. стал руководителем лаборатории, изучение механизмов функциональной гибкости

отражения в контексте проблемы константности и полифункциональности восприятия привело к новому подходу в понимании и исследовании психических явлений, в частности, восприятия. В отличие от исторически сложившейся в психологии традиции изучения психических процессов через их же собственные продукты, согласно этому подходу предметом исследования являются естественно-природные принципы и закономерности структурно-процессуальной организации отражающей системы, обуславливающие возможность порождения этих продуктов. Теоретико-экспериментальные исследования А.И. Миракяна и его сотрудников и аспирантов (О.А. Адамян, А.Н. Андреев, С.Л. Артеменков, А.М. Зальцман, В.И. Козлов, Э.И. Кочурова, Н.Л. Морина, В.И. Панов, Т.С. Погорельцева, Н.В. Подлеснова, А.А. Хананян, Г.В. Шукова) в области зрительного, слухового и осязательного восприятия показали, что гипотетически выделенные естественно-природные принципы (структурно-процессуальная анизотропность, образование симметрично-двудеиных отношений, пространственно-временная дискретизация, сопредставленность) лежат в основе всех порождающих процессов восприятия независимо от их модальностей.

Основным результатом деятельности лаборатории является концепция порождающего процесса восприятия — теоретическое и методологическое основание для исследования психики в трансцендентальной парадигме.

В 1995 г. руководителем лаборатории стала Н.Л. Морина, продолжив разработку концепции А.И. Миракяна. В экспериментальных исследованиях онтогенетического аспекта порождающих процессов восприятия с участием взрослых и детей разного возраста верифицирована гипотеза об универсальности указанных принципов и их независимости не только от модальности процессов восприятия, но и от возраста субъекта восприятия. Показано, как осуществляется возможность порождения пространственных свойств и отношений объектов (формы, величины и т. п.); как наряду с порождением пространственных характеристик объектов материального мира создаются условия и предпосылки для субъективного порождения времени. Результаты исследования онтогенеза порождающего процесса восприятия значимы не только для развития теории психологии восприятия, но и для разработки новых практик обучения и воспитания.

В 2008 г. лаборатория преобразована в группу, работающую над той же проблематикой в составе лаборатории психологии подростка, руководимую Т.Д. Марцинковской.

- ♦ *Миракян А.И.* Психология пространственного восприятия. — Ереван: Айастан, 1990. — 206 с.
- ♦ *Миракян А.И.* Константность и полифункциональность. — М., 1992.
- ♦ *Миракян А.И.* Контуры трансцендентальной психологии. В 2-х кн. — М.: ИП РАН, 1999, 2004. — 208 с.

- ♦ *Ошанин Д.А.* Предметное действие и оперативный образ: Избранные психологические труды. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. — 512 с.
- ♦ *А.И.Миракян* и современная психология восприятия: сб. материалов научной конференции (30 ноября — 1 декабря 2010 г.) / под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. — М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ — СОЦИН, 2010. — 578 с.
- ♦ *Д.А. Ошанин* и современная психология: к 100-летию со дня рождения Д.А. Ошанина / под общ. ред. В.И. Панова и Н.Л. Мориной. — М.; Обнинск: ИГ — СОЦИН, 2008. — 292 с.
- ♦ Принципы порождающего процесса восприятия / под ред. А.И. Миракяна. — М., 1992.

Лаборатория психологических основ новых образовательных технологий

Лаборатория психологических основ новых образовательных технологий была создана в 1981 г. под руководством В.В. Рубцова. Основное направление исследовательской работы лаборатории состояло в комплексной разработке проблем использования новых технических средств (прежде всего компьютеров), учебного оборудования и технических устройств в организации учебной деятельности. Исследования проводились в рамках деятельностного и культурно-исторического подходов, а также концепции учебной деятельности (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов и др.).

В 1980-е гг. основной стала проблематика моделирования систем обучения, диагностики, групповой учебной деятельности, а также влияния информационных систем, используемых в обучении, на развитие детей. В результате были созданы образцы компьютерных сценариев учебных курсов и диагностических заданий, реализованных на разном предметном материале и в дальнейшем апробированных на различных возрастных контингентах учащихся. Разработаны и внедрены в практику компьютерные практикумы по математике (М.А. Семенова), физике и естествознанию (А.М. Медведев, В.А. Львовский, П.Г. Нежнов, Е.В. Высоцкая), а также компьютерная система задач по грамматике английского языка (И.М. Улановская, О.В. Яркина) и пропедевтике конструирования (Н.И. Поливанова, И.В. Ривина), система компьютерной диагностики уровней смыслового чтения (Л.Ю. Невуева), уровней сформированности некоторых физических понятий, направленности экспериментально-практической деятельности учащихся (Е.В. Высоцкая) и уровня системности их мышления (Н.И. Поливанова, И.В. Ривина).

Были проведены исследования индивидуально-психологических различий, определяющих успешность обучения специальностям, связанным с работой на электронно-вычислительной технике. Полученные результаты послужили основой для психологических рекомендаций по обучению работе за дисплеем и по организации учебной

(графической и знаковой) информации (И.В. Ермакова, В.Н. Каптелинин, М.С. Шехтер, А.Я. Потапова).

В 1990-е гг. наиболее важным направлением работы лаборатории, определяющим по существу ее главную стратегию развития, были исследования психологических принципов организации систем группового обучения и разработка методов диагностики мышления учащихся. Был обоснован экспериментальный метод группового обучения, позволяющий воспроизводить различные типы совместной деятельности и изучать закономерности их протекания в зависимости от условий решаемых человеком задач. Метод основан: 1) на принципе коллективного моделирования деятельности, позволяющем участникам активно преобразовывать способы ее организации и фиксировать в схемах группового действия операциональный состав индивидуальных действий, а также 2) на способе разделения действий между участниками в зависимости от особенностей предметной ситуации.

Вместе с тем сотрудниками лаборатории разрабатывались варианты реализации развивающего обучения и диагностические критерии его эффективности в соответствии с данным методом как в компьютерной, так и в некомпьютерной формах (В.В. Рубцов, А.М. Медведев, В.А. Львовский, Е.В. Высоцкая, Н.И. Поливанова). Было показано, в частности, что эффективное применение новых информационных технологий обучения связано с созданием предметно- и коммуникативно-ориентированных учебных сред, реализующих целостную учебную деятельность как систему и выступающих как средство ее полноценной организации и развития.

Созданы специальные диагностические комплексы, позволяющие оценить познавательное, личностное и социальное развитие учащихся в зависимости от характера используемых образовательных технологий. Одной из главных целей этого направления работы стало выявление и исследование структуры образовательной среды и ее факторов, существенно влияющих на психическое развитие учащихся и составляющих развивающий потенциал образовательной среды того или иного типа. Проведено обследование большого числа школ различных городов России, в котором участвовали сотни учителей и тысячи учащихся. Это позволило создать верифицированный диагностический пакет методик обследования образовательной среды, провести его апробацию на материале школ с разными образовательными программами и разработать компьютерную систему соответствующей статистической обработки данных. В итоге была создана основа для научно-практической экспертизы типа образовательной среды школы, комплексной оценки ее влияния на развитие учащихся.

В последние годы основной проблематикой лаборатории являются сущностные характеристики развивающих ресурсов инноваций на начальной и основной ступенях современного школьного обучения. Исследовался характер влияния целостных и дифференцированных

развивающих ресурсов на развитие интеллектуальной сферы учащихся (теоретическое мышление в начальной школе и теоретико-продуктивное мышление в основной школе) и на формирование их личностной сферы (учебные мотивы выпускников начальной школы, механизмы взаимодействия участников образовательного процесса). При этом совершенствовался инструментарий оценки внедрения образовательных инноваций, разрабатывалась процедура их психологической экспертизы и создавалась модель влияния развивающих ресурсов на разные стороны развития субъектов образовательной среды (В.В. Рубцов, Е.В. Высоцкая, А.З. Зак, Н.И. Поливанова, И.В. Ривина, И.М. Улановская, М.А. Янишевская).

- ♦ *Высоцкая Е.В.* Психологические эффекты реализации деятельностного подхода при различных вариантах методики обучения // *Психология обучения*. 2010. № 1.
- ♦ *Зак А.З.* Диагностика различий в мышлении младших школьников. — М.: Генезис, 2007. — 160 с.
- ♦ *Зак А.З.* Интеллектика. Систематический курс развития мыслительных способностей учащихся 1–4 классов. — М.: Интеллект-центр, 2005. — 408 с.
- ♦ *Зак А.З.* Мышление младшего школьника: изучение, диагностика, развитие. — СПб.: Содействие, 2004. — 829 с.
- ♦ *Зак А.З.* Развитие и диагностика мышления подростков и старшеклассников. — М.: ИГ-СОЦИН, 2010. — 350 с.
- ♦ *Поливанова Н.И., Ривина И.В.* Развитие общения учащихся с педагогом на уроке // *Новые исследования в психологии*. 2009. № 1.
- ♦ *Поливанова Н.И., Ривина И.В.* Суждения учителей и учащихся об учебном взаимодействии на уроках в школе // *Культурно-историческая психология*. 2009. № 4. С. 100–103.
- ♦ *Поливанова Н.И., Ривина И.В.* Эклектичность образовательной среды школы как фактор ее неустойчивости // *Психологическая наука и образование*. 2009. № 2.
- ♦ *Ривина И.В., Поливанова Н.И.* Отношение детей к учению и образовательная среда школы // *Психология обучения*. 2008. № 5.
- ♦ *Рубцов В.В., Ивошина Т.Г.* Проектирование развивающей образовательной среды школы. — М.: МГППУ, 2002. — 272 с.
- ♦ *Рубцов В.В.* Социально-генетическая психология развивающего образования: деятельностный подход. — М.: МГППУ, 2008. — 416 с.
- ♦ *Улановская И.М.* О проблемах вхождения дошкольников в образовательную среду школы // *Психологическая наука и образование*. 2010. № 3.
- ♦ *Улановская И.М., Поливанова Н.И.* Комплексный подход к психологической оценке образовательной среды школы // *Психология и школа*. 2010. № 1.
- ♦ *Московская психологическая школа: История и современность: в 3 т. / под общ. ред. В.В. Рубцова.* — М.: ПИ РАО, МГППУ, 2007.

- ♦ Образовательная среда школы как фактор психического развития учащихся / под ред. В.В. Рубцова, Н.И. Поливановой. М.: ИГ-СОЦИН, 2007. — 288 с.
- ♦ Технология оценки образовательной среды школы / под ред. В.В. Рубцова, И.М. Улановской. — М.: ИГ-СОЦИН, 2010. — 256 с.

Группа диагностики творчества

Группа диагностики творчества была создана в 1990 г. под руководством Д.Б. Богоявленской с целью разработки и внедрения в практику теории творчества и одаренности, предложенной Д.Б. Богоявленской. В настоящее время группа работает в составе лаборатории.

В составе группы в свое время работали и ветераны института В.Э. Мильман, Т.И. Данюшевская, Э.М. Рутман, Т.К. Мухина, пришедшие в институт в 1960-х гг., и молодежь — ученики Д.Б. Богоявленской И.А. Петухова, Ю.В. Кортнева, Н.В. Будкова, Е.С. Жукова.

В лаборатории проведены оригинальные исследования природы творческих способностей, их структуры и генезиса. 40 лет назад организованы и осуществляются по сей день 5 уникальных лонгитюдов развития творческих способностей.

Практическое значение теории творчества и одаренности Д.Б. Богоявленской усиливает разработанный ею психодиагностический метод «Креативное поле», не имеющий мировых аналогов в диагностике творческих способностей. Его валидность экспериментально доказана на тысячах испытуемых разных возрастов. Выборка эксперимента составила более 6 тыс. дошкольников и учащихся 48 школ разных регионов России с 1 по 11 класс, а также более 2,5 тыс. взрослых широкого спектра профессий. Показаны высокая прогностичность метода, его значительные ресурсы в осуществлении подлинной индивидуализации обучения, в решении кадровых вопросов и формировании трудовых коллективов. Метод незаменим в выявлении и сопровождении одаренных детей.

- ♦ *Богоявленская Д.Б.* Психология одаренности. — М., 2005.
- ♦ *Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей: Монография. — М., 2009.
- ♦ *Богоявленская Д.Б.* Психометрическая интерпретация творчества. Научный вклад Дж. Гилфорда: Монография. — М., 2011.

Лаборатория социально-психологических проблем развития личности

Лаборатория социально-психологических проблем сознания была создана в 1991 г. под руководством д. психол. н. И.Г. Дубова. В 2009 г. лаборатория была переименована в лабораторию социально-психологических проблем развития личности. В ее составе в разное время работали такие известные сотрудники института, как В.В. Абраменкова, М.О. Мдивани, Л.М. Смиров, А.А. Хвостов.

Основным направлением деятельности лаборатории всегда было изучение социально-психологических феноменов сознания — содержательных конструктов, являющихся продуктом культурно-исторического развития человеческого общества и выступающих в роли поведенческих регуляторов разного уровня. Таковыми являются базовые ценности людей, их жизненные цели, социальные установки, важнейшие нормы, запреты, мифы, стереотипы сознания и другие составляющие менталитета. Усилия сотрудников лаборатории были направлены на отработку методов, позволяющих представить все многообразие указанных феноменов в пригодном для массовых опросов виде, а также на выявление особенностей данной феноменологии в массовом сознании представителей современного общества и в сознании представителей различных больших социально-демографических, социально-психологических, этнических и т. п. групп.

В последние годы в тематике лаборатории все более значимое место начинает занимать изучение уровня общей активности населения страны, а также уровней активности различных больших групп российского общества.

К числу основных научных достижений лаборатории следует отнести многолетний мониторинг динамики базовых ценностей россиян, разработку типологии морального самосознания и сравнительное исследование структуры морального самосознания представителей различных культур, фиксацию жизненных целей российских горожан и селян, исследование нормативной сферы, характеризующей представителей различных больших групп, изучение уровня общей активности населения одного из субъектов РФ.

В результате проведенной работы были выявлены и описаны универсальные кросс-культурные гендерные особенности морального сознания, а также показано, что психология аморализма является системообразующим признаком в моральном сознании россиян.

На основе многолетнего анализа динамики ценностного выбора россиян был выявлен характеризующий российское общество устойчивый тренд к индивидуализации и атомизации жителей РФ. Начато изучение общественного бессознательного, имеющего важную функцию стабильности и воспроизведения конкретной культуры.

Было операционализировано представление об активности как об энергетической характеристике деятельности и установлена взаимосвязь уровня активности людей с их основными социально-демографическими характеристиками, различными личностными качествами и уровнем мотивации достижения.

Были экспериментально определены существующие в обыденном сознании россиян границы между тремя возрастными периодами: молодостью и взрослостью (30 лет) и взрослостью и старостью (60 лет).

- ♦ *Дубов И.Г.* Психология больших групп: социально-психологические феномены. — М.: В. Секачев, 2004. — 400 с.

- ♦ *Смирнов Л.М.* Базовые ценности — поиск истоков. — Волгоград: Учитель, 2005. — 316 с.
- ♦ *Хвостов А.А.* Моральное сознание личности: структура, генезис, детерминанты. — М.: Прометей, 2005. — 472 с.

Группа теории и истории психологии

Лаборатория теории и истории психологии была организована в январе 1999 г. академиком РАО, заслуженным деятелем науки РФ, профессором А.В. Петровским на базе лаборатории психологии личности, существовавшей в институте с 1972 г. За 40 лет существования лаборатории под руководством А.В. Петровского было подготовлено более 60 кандидатских и несколько докторских диссертаций, опубликовано свыше 2000 статей, учебников, учебных пособий, монографий, справочных изданий, многие из которых были переведены на иностранные языки.

С 2002 г. лабораторией (а с 2009 г. — группой в составе лаборатории социально-психологических проблем развития личности) руководит Л.А. Карпенко. При создании лаборатории в качестве главных были выдвинуты задачи разработки основ теоретической психологии; анализа категориального строя основных направлений, теорий и практик современной психологии; выявления содержания психологического знания на протяжении XX столетия в России. На рубеже XX–XXI вв. А.В. Петровский одним из первых поднял проблему пересмотра теоретических основ и историографии российской психологии с целью деидеологизации научной проблематики и преодоления барьеров на пути объединения российской психологии и мировой психологической мысли. Он же предложил проект создания «Психологического лексикона», который воплотился в серию из шести словарей: «Общая психология» (2005), «Социальная психология» (2005), «Психология развития» (2005), «История психологии в лицах. Персоналии» (2005), «Психофизиология» (2006), «Клиническая психология» (2007). Их особенность, по замыслу А.В. Петровского, в особом расположении терминологии в соответствии с предметной структурой каждого из этих направлений психологии, что делало эти словари своеобразным методическим пособием для студентов и преподавателей.

В 2003–2007 гг., наряду с созданием словарей, в лаборатории исследовались концептуальные подходы к анализу исторического движения психологического знания, в том числе разрабатывались понятийные поля основных направлений психологии. Результаты этой работы представлены в научных статьях и большом разделе тома «История психологии в лицах. Персоналии». В 2008–2012 гг. работа группы была направлена на исследование изменений парадигм современного психологического знания, что выводило исследователей в сферу метапсихологии и методологических оснований теоретических концепций различных направлений психологии. Результаты научно-исследовательской деятельности этого периода представлены в монографии «Принципы и методы исследования

парадигм психологического знания» (2012) и могут использоваться при разработке учебных программ, создании учебных пособий, словарных изданий.

- ♦ Карпенко Л.А. Персонафицированный историографический и структурно-хронотопологический анализ развития психологического знания. История психологии в лицах. Персоналии / под ред. Л.А. Карпенко. — М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 570–766.
- ♦ Петровский А.В. Психология в России: XX век. — М.: Изд-во УРАО, 2000. — 312 с.
- ♦ Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология: Учеб. Пособие. — М.: Академия, 2001. — 496 с.
- ♦ Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2005–2007.

Лаборатория дифференциальной психологии и психофизиологии

Научная деятельность лаборатории подчинена цели наполнения конкретным психологическим и психофизиологическим содержанием понимания индивидуальности как «органического целого, которое никак нельзя понять из соединения отдельных частей» (Г.И. Челпанов).

Лаборатория ведет свое начало от лаборатории «Психофизиологии индивидуальных различий», созданной в 1952 г. Б.М. Тепловым, руководителем которой он оставался до 1965 г. В этот период были разработаны новые оригинальные методы определения основных свойств нервной системы человека и их психологических проявлений в индивидуальных особенностях темперамента (активность, эмоциональность, регуляция), способностей, характера, а также в специфике профессиональной деятельности.

С 1965 по 1972 г. лабораторией руководил В.Д. Небылицын, творчески претворивший принципы, заложенные Б.М. Тепловым, в создании нового направления отечественной и мировой науки — дифференциальной психофизиологии. Исследования лаборатории привели к выделению новых (по сравнению со схемой И.П. Павлова) свойств нервной системы (СНС) — лабильности, динамичности, активированности и к обнаружению феномена парциальности свойств. Исходя из нейрофизиологических данных о мозговых механизмах психики человека, была сформулирована гипотеза о том, что СНС являются природной основой прежде всего темперамента и способностей.

С 1972 по 1993 г. лабораторией, получившей название «Психофизиология индивидуальных различий и способностей школьников», а позже — «Дифференциальная психология и психофизиология», руководила Э.А. Голубева. Проводилось экспериментальное изучение общих (мнемических, интеллектуальных, ориентировочно-исследовательских) и специальных (музыкальных, математических,

языковых, педагогических, литературных, художественно-изобразительных) способностей и их задатков, главным образом через ЭЭГ-показатели. Была создана оригинальная модель структуры индивидуальности и личности, объединившая на единой концептуальной основе природные психофизические и социокультурные характеристики.

С 1993 по 1999 г. лабораторией руководила Е.П. Гусева. На этом этапе исследовательская деятельность проходила в русле углубления идеографического аспекта; к научным исследованиям привлекались представители конкретных видов деятельности. Характерной чертой сравнительного анализа результатов экспериментального изучения специальных музыкальных, математических и педагогических способностей было синтетическое применение измерительных и психографических методов исследования.

С 1999 г. и до настоящего времени под руководством профессора М.К. Кабардова осуществляется дальнейшая разработка проблем специально человеческих типов ВНД, их соотношения с общими свойствами нервной системы и индивидуального профиля латерализации, интегративной нейрофизиологии и новых концепций обучения и становления личности. Проблема индивидуальных различий включена во взаимосвязанный контекст трех факторов: учитель — метод — ученик (как в системе школьного, так и профессионального образования). Предложенная триада отражает необходимость системного анализа единства внешних (среда, условия, методы обучения) и внутренних (природные предпосылки) детерминант развития и формирования целостной индивидуальности; эффективность деятельности в широком смысле — это их благоприятное сочетание.

В настоящее время научную деятельность лаборатории отличает органическое сочетание фундаментальных и прикладных исследовательских задач. Дифференциально-психологический и психофизиологический анализ проблемы способностей на современном уровне исследований позволяет осуществлять в образовательных учреждениях различного типа научно обоснованный подход к принципам организации дифференцированного обучения, выступая базисным основанием для создания новых образовательных технологий и научно обоснованных форм эффективного обучения. Сотрудники лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии решают актуальную практико-ориентированную задачу помощи в самореализации индивидуальности путем разработки методов и программ дифференцированного подхода в разных сферах жизнедеятельности человека, благодаря поиску резервных возможностей индивидуальности, в соответствии с оптимизацией психологического и психофизиологического режима.

Сотрудники лаборатории — Б.М. Теплов (посмертно), В.Д. Небылицын (посмертно), Э.А. Голубева, М.К. Кабардов, Н.А. Аминов, Е.П. Гусева, С.А. Изюмова, И.А. Левочкина, В.В. Печенков, И.В. Тихомирова — удостоены в 2000 г. Премии Президента РФ за достижения

в области образования за «Разработку теоретико-экспериментальной модели общих и специальных способностей и их задатков».

- ♦ *Аминов Н.А.* Диагностика педагогических способностей. — М.; Воронеж, 1997. — 80 с.
- ♦ *Аминов Н.А., Кабардов М.К., Жамбеева З.З.* Дифференциальный подход к исследованию механизмов распознавания эмоциональных состояний и их осознания // *Нейропсихология и психофизиология индивидуальных различий.* — М.; Белгород: Поли-Терра, 2007. Вып. 2. С. 226–246.
- ♦ *Бауэр Е.А.* Межполушарная асимметрия мозга и технология обучения иностранному языку. — М., 2007. — 155 с.
- ♦ *Василевская К.Н., Кабардов М.К., Нуркова В.В.* Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти // *Психологические исследования: эл. науч. журн.* 2011. № 2(16). URL: <http://psystudy.ru>
- ♦ *Голубева Э.А.* Способности. Личность. Индивидуальность. — Дубна, 2005. — 504 с.
- ♦ *Изюмова С.А.* Природа мнемических способностей и дифференциация обучения. — М.: Наука, 1995. — 438 с.
- ♦ *Кабардов М.К.* К истории становления дифференциальной психофизиологии в психологическом институте // *Вопросы психологии.* 2004. № 2. С. 81–92.
- ♦ *Осницкий А.К.* Психологические механизмы самостоятельности / А.К. Осницкий. — М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. — 232 с.
- ♦ *Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей / отв. ред. Э.А. Голубева, Е.П. Гусева, О.Е. Серова. — М.: Наука, 2003. — 379 с.
- ♦ *Теплов Б.М.* Труды по психофизиологии индивидуальных различий / отв. ред. Э.А. Голубева, Е.П. Гусева, О.Е. Серова. — М.: Наука, 2004. — 444 с.
- ♦ *Торопова А.В.* Музыкальная психология и психология музыкального образования. — М.: «Учебно-методич. издат. центр «ГРАФ-ПРЕСС», 2010. — 240 с.
- ♦ *Способности и склонности: комплексные исследования / под ред. Э.А. Голубевой.* — М.: Педагогика. 1989. — 200 с.
- ♦ *Способности: к 100-летию со дня рождения Б.М. Теплова / под ред. Э.А. Голубевой.* — Дубна: Феникс+, 1997. — 392 с.

Группа психологии развития познавательных процессов

Исторической предшественницей группы психологии развития познавательных процессов является организованная в 1952 г. лаборатория высшей нейродинамики под руководством профессора Е.И. Бойко. После кончины Е.И. Бойко в 1972–75 гг. лабораторию возглавляла Т.Н. Ушакова, а после ее ухода из института лаборатория высшей нейродинамики прекратила свое существование. Но исследования в этой области не были прерваны. Они продолжились в другой лаборатории, которой много лет руководил П.А. Шеварев, потом

некоторое время — Б.Ф. Ломов, а с 1972 г. после ухода Б.Ф. Ломова ею стала заведовать Н.И. Чуприкова. Лаборатория сначала называлась лабораторией сенсорных процессов, а потом — лабораторией психологии и психофизиологии познавательных процессов (Н.П. Локалова, В.А. Суздалева, И.В. Ермакова, Т.А. Ратанова, С.А. Захарова, А.Н. Шлычкова, М.С. Шехтер, А.Я. Потапова).

Весь комплекс проведенных исследований с вытекающими из него психолого-педагогическими следствиями и рекомендациями нашел отражение в коллективной монографии под ред. Н.И. Чуприковой «Познавательная активность в системе процессов памяти» (1989), переизданной в 2010 г. под названием «Познавательная активность и память».

В 1985 г. в связи с крупной реорганизацией структуры института лаборатория познавательных процессов прекратила свое существование. Однако в связи с признанием научной значимости данного направления исследований и в целях всестороннего обоснования дифференционно-интеграционного закона развития, исследований отдельных аспектов его действия и практико-педагогических приложений в 1991 г. решением Президиума РАО было вновь организовано подразделение института (группа) под руководством Н.И. Чуприковой с целью изучения психологии развития познавательных процессов. Основным результатом научной деятельности данной группы является обоснование существования всеобщего универсального дифференционно-интеграционного закона и разработка на его основании психологического инструментария по эффективному когнитивно-личностному развитию детей дошкольного и школьного возрастов.

В настоящее время группа работает в составе лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии.

- ♦ Локалова Н.П. 120 уроков психологического развития младших школьников: Книга для учителя начальных классов. — М.: Ось-89, 2010 (4 изд.). — 272 с.
- ♦ Локалова Н.П. Уроки психологического развития в средней школе (V–VI классы). Книга для учителей средней школы. — М.: Ось-89, 2001. — 128 с.
- ♦ Познавательная активность и память / под ред. Н.И. Чуприковой. — М.: 2010. — 224 с.
- ♦ Ратанова Т.А. Психофизическое шкалирование: сила ощущений, сила нервной системы, чувствительность. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. — 240 с.
- ♦ Ратанова Т.А. Субъективное шкалирование и объективные физиологические реакции организма. — М.: Педагогика, 1990. — 216 с.
- ♦ Чуприкова Н.И. Умственное развитие и обучение. К обоснованию системно-структурного подхода. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. — 320 с.
- ♦ Чуприкова Н.И. Умственное развитие: принцип дифференциации. — СПб.: Питер, 2007. — 448 с.

Лаборатория психологии саморегуляции

Лаборатория психологии саморегуляции была создана О.А. Конопкиным (ставшим впоследствии профессором, действительным членом РАО) в ноябре 1970 г. на основе исследовательской группы при лаборатории восприятия, которой заведовал профессор Д.А. Ошанин. С 2002 г. лабораторией руководит профессор В.И. Моросанова.

В разные годы в лаборатории работали А.М. Гейшерик, Ю.С. Жуйков, И.И. Кондратьева, Б.С. Круглов, Н.Ф. Круглова, Ю.А. Миславский, А.К. Осницкий, Н.О. Сипачев, В.И. Степанский, А.М. Матюшкин, Б.Б. Коссов, Л.М. Смирнов. В 1980-х гг. в составе лаборатории научная группа под руководством Э.А. Фарапоновой (Т.И. Даниушевская, С.В. Ушнев, И.Н. Начевник, Н.В. Самоукина) занималась исследованием саморегуляции учебно-трудовой деятельности в контексте проблемы профориентации школьников.

Основной для лаборатории всегда являлась проблема психологических механизмов осознанной саморегуляции произвольной активности человека, решая которую, коллектив развивал новое направление в психологии, ориентированное на изучение психологической структуры, общих закономерностей развития и дифференциальных особенностей саморегуляции произвольной активности человека. Проводились исследования функциональной структуры процессов психической регуляции деятельности: сначала в условиях производственной деятельности и на сенсомоторной модели деятельности, а затем и в условиях учебной, профессиональной и спортивной деятельности. Важной вехой в становлении данного направления стала публикация монографии О.А. Конопкиной «Психологические механизмы регуляции деятельности» (1980, 2011), в которой на основе обобщения нескольких циклов теоретических и экспериментальных исследований были сформулированы основные положения концепции осознанной саморегуляции.

Тенденция развития лабораторной проблематики может быть обозначена следующим образом: от исследования структуры осознанной саморегуляции, ее общих и возрастных закономерностей к исследованию индивидуальной саморегуляции, ее личностных и когнитивных аспектов; от исследований осознанной саморегуляции сенсомоторики и функциональных состояний в контексте инженерной психологии и психологии труда к исследованию личностных и когнитивных аспектов произвольной саморегуляции в контексте дифференциальной психологии, психологии развития, психологии управления и педагогической психологии; от представлений о функциональных механизмах осознанной саморегуляции деятельности к представлениям о целостной системе саморегуляции произвольной активности человека.

Дифференциальный подход к исследованию осознанной саморегуляции стал «мэйн стримом» последнего десятилетия в работах сотрудников и аспирантов лаборатории. Возникновение и развитие дифференциально-регуляторного подхода было вызвано запросами практики,

становлением практической психологии, в которой на первый план выступили проблемы индивидуальности, ее самоэффективности и обеспечения готовности к эффективным действиям на основе использования всех индивидуальных ресурсов человека. Его теоретическим основанием стала концепция индивидуального стиля саморегуляции произвольной активности человека В.И. Моросановой (1995), где разработаны представления об индивидуальных и стилевых различиях в осознанной саморегуляции, которые могут быть описаны индивидуальными профилями развития регуляторных процессов, а также регуляторно-личностными (субъектными) качествами индивидуальности. Дифференциально-регуляторный подход получил широкое распространение в отечественной психологии за счет того, что он обеспечен методами диагностики индивидуальных и стилевых особенностей саморегуляции. Их применение позволяет по-новому взглянуть на классические проблемы общей и дифференциальной психологии, а также наметить новые пути решения актуальных задач психологии в ее прикладных областях, таких как психология труда и организационная психология, спортивная и политическая психология, психологическое сопровождение образования и педагогическая психология.

В научной школе психологии саморегуляции, сложившейся в лаборатории, выполнено около сорока кандидатских и пять докторских исследований. Разработана теория осознанной саморегуляции, в основании которой концепция осознанной саморегуляции деятельности (О.А. Конопкин), концепция индивидуального стиля саморегуляции (В.И. Моросанова), концепция регуляторного опыта (А.К. Осницкий).

Разработки лаборатории внедрены: в практику психологического сопровождения труда профессионалов (спасателей); в психолого-педагогическую подготовку учащихся средней школы к сдаче выпускных экзаменов, в работу центров психолого-педагогической помощи детей с СДВГ, используются при осуществлении психологической помощи детям-сиротам.

- ♦ *Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. — М.: URSS, 2011. — 320 с.
- ♦ *Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. — М., 2001. — 192 с.
- ♦ *Моросанова В.И.* Психология саморегуляции человека: Учебное пособие для психологов, студентов и педагогов. — М.: МГППУ, ПИ РАО, 2010. — 245 с.
- ♦ *Моросанова В.И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. — М.: Наука, 2010. — 519 с.
- ♦ *Осницкий А.К.* Регуляция деятельности и направленность личности. — М.: МЭЛИ, 2007. — 232 с.
- ♦ Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / под ред. В.И. Моросановой. — М.: ПИ РАО, 2006. — 320 с.

- ♦ Психология саморегуляции в XXI веке / под ред. В.И. Моросановой. — СПб.: Нестор-История, 2011. — 468 с.
- ♦ Субъект и личность в психологии саморегуляции: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Моросановой. — М.; Ставрополь: ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. — 431 с.

Лаборатория возрастной психогенетики

Лаборатория возрастной психогенетики (первоначальное название — Лаборатория генетической психофизиологии) была создана в декабре 1972 г. С 1972 по 1993 г. лабораторию возглавляла И.В. Равич-Щербо. С 1993 года по настоящее время лабораторию возглавляет член-корр. РАО, д. психол. н., профессор С.Б. Малых.

В мире нет одинаковых людей, мы все отличаемся друг от друга не только внешне, но и по особенностям поведения, обучения, мышления, мотивации и т. д. В основе этого многообразия поведения человека лежит взаимодействие двух основных факторов — генетики и среды. Анализу этого взаимодействия и посвящены исследования нашей лаборатории.

Этапы пути, пройденного лабораторией, представляют собой последовательный переход от изучения природы свойств нервной системы как физиологической основы индивидуальности к анализу их соотношения с психологическими характеристиками и далее — к изучению роли наследственных и средовых факторов в формировании индивидуального разнообразия всевозможных психологических и психофизиологических характеристик человека.

Индивидуальные различия проявляются во всех сферах развития человека, но особенно ярко — в познавательном развитии школьников. В системе образования это проявляется в разном темпе и качестве усвоения новых знаний. Одни дети усваивают новые знания быстро и качественно, легко генерируют новые идеи. Другим для достижения высоких результатов требуется больше времени и другие способы изложения учебного материала. Вся история развития педагогики связана с поиском наиболее эффективных методов обучения, но до настоящего времени не появилось универсальных, одинаково эффективных для всех детей методов обучения. Очевидно, что наиболее эффективны индивидуализированные программы, учитывающие особенности каждого ученика. Ключ к построению таких индивидуализированных программ обучения — понимание причин индивидуально-психологических особенностей, обусловленных взаимодействием генетических и средовых факторов. Наиболее эффективный метод изучения этого взаимодействия — изучение монозиготных (100 % общих генов) и дизиготных (50 % общих генов) близнецов. Сравнение этих двух типов близнецов позволяет оценить соотношение наследственных и средовых факторов в индивидуально-психологических различиях. В фокусе внимания Лаборатории возрастной психогенетики находился широкий круг исследуемых поведенческих фенотипов (сенсомоторные реакции,

темперамент, личностные характеристики, КГР, ЭЭГ, вызванные потенциалы и т. д.), но особое место занимает исследование познавательной сферы человека. Результаты близнецовых, в том числе и лонгитюдных исследований (которые проводились в лаборатории свыше десяти лет) позволили оценить соотношение наследственных и средовых факторов в развитии психологических и психофизиологических признаков. Многолетние исследования послужили хорошей базой для разработки учебной дисциплины «Психогенетика», включенной в федеральный государственный образовательный стандарт подготовки психологов. Учебные пособия, учебники, хрестоматия, задания и упражнения, программа курса, методические рекомендации представляют собой первый в нашей стране опыт систематического изложения психогенетической проблематики.

За цикл этих работ авторский коллектив сотрудников лаборатории в 1998 г. был удостоен премии правительства РФ.

Лаборатория является ведущим в России научным центром в области психогенетики, в рамках которой сложилась динамично развивающаяся научная школа. В 2008 г. ее деятельность была поддержана грантом Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ (рук. С.Б. Малых, НШ-5774.2008.6.). С целью развития ведущей научной школы «Российская школа психогенетики» в 2009 г. на базе лаборатории создан научно-образовательный центр «Психогенетика», основной задачей которого стала интеграция исследований лаборатории в международную исследовательскую сеть. Деятельность НОЦ была поддержана Министерством образования и науки РФ (госконтракт № 02.740.11.0376 и соглашение № 8013).

В 2010 г. в рамках НОЦ «Психогенетика» совместно с Голдсмитс колледжем Университета Лондона была создана Российско-Британская лаборатория психогенетики (со-руководители лаборатории: с российской стороны — С.Б. Малых, с британской — Ю. Ковас). Задачей Российско-Британской лаборатории психогенетики является интеграция российской психогенетики в мировую психологическую науку, использование протоколов и инструментов научных исследований, соответствующих современным мировым стандартам, создание совместных исследовательских платформ, разработка совместных и использование международных баз исследовательских данных.

В настоящее время исследования Лаборатории возрастной психогенетики базируются на использовании следующих методов и подходов: классический близнецовый метод, кросс-культурные стратегии, молекулярно-генетические методы, экспериментально-психологические методики и психофизиологические методы (ЭЭГ, ВП, КГС, ЧСС, МЭГ, регистрация движений глаз). Для сбора эмпирического материала в лаборатории регулярно проводятся работы по адаптации и стандартизации современного психодиагностического инструментария. Анализ полученных данных осуществляется с помощью техник статистического моделирования, реализованного средствами пакетов R, OpenMx и т. п. Сотрудники лаборатории прошли обучение

в ведущих мировых научных центрах: Университет Колорадо в г. Боулдер (США), Кингс Колледж в Лондоне (Великобритания), Университет г. Лёвен (Бельгия) и др.

За последние годы сотрудниками лаборатории проведены масштабные (более 800 пар близнецов) исследования когнитивных характеристик, темперамента, поведенческих и эмоциональных особенностей, личностных характеристик у детей на протяжении школьного детства. Совместно с Институтом биохимии и генетики (г. Уфа), Университетом Лестера (г. Лестер, Великобритания), Голдсмитс колледжем и Кингс колледжем Университета Лондона (Великобритания) проводятся исследования молекулярно-генетических основ психологических признаков, таких как эмоциональные и поведенческие особенности, когнитивные и личностные характеристики человека. Кросс-культурные исследования индивидуальных различий — еще одно новое направление, в рамках которого совместно с коллегами из Великобритании, США, Канады, Китая, Израиля и Киргизии, (Голдсмитс колледж Университета Лондона, Университет Огайо, Университет Шербрук, Пекинский университет, университет Хайфы, Киргизско-Российский Славянский Университет,) изучается влияние культурного контекста на формировании разнообразия когнитивных способностей (в том числе и на соотношении генетических и средовых факторов в их формировании).

Исследовательские проекты Лаборатории получают поддержку как отечественных (РГНФ, РФФИ), так и зарубежных фондов (European Science Foundation, International Science Foundation, International Science Foundation, Royal Society). Министерством образования и науки РФ финансируется (ГК № 14.740.11.0882 и соглашение № 8180) ряд совместных проектов — с факультетом психологии Университета Лестера (Великобритания) и с Университетом г. Хайфы (Израиль). Сотрудники лаборатории не только участвуют в ведущих российских и международных конференциях, но и организуют научные мероприятия. Так, только за последние три года Лаборатория организовала и провела целый ряд симпозиумов на крупнейших психологических конференциях и конгрессах (11 Европейский конгресс по психологии Осло, Норвегия, 2009; 12-й ежегодная конференция Международного общества по изучению интеллекта, Кипр, 2011; V Съезд Российского психологического общества Москва, 2012 г.; Конференция Американской ассоциации исследований в области образования, Ванкувер, Канада, 2012 г., 30-ый Международный психологический конгресс, Кейптаун, Южная Африка, 2012 г).

- ♦ *Малых С.Б.* Психогенетика: теория, методология, эксперимент. — М., Эпидавр, 2004. — 420 с.
- ♦ *Малых С.Б., Егорова М.С., Мешкова Т.А.* Психогенетика. Учебник для Вузов. — СПб.: Питер, 2008. Т. 1, 406 с., т. 2, 336 с.
- ♦ *Генетика поведения: количественный анализ психологических и психофизиологических признаков в онтогенезе / под ред. С.Б. Малых.* — М.: Sociologos, 1995. С. 4–56.

- ♦ Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / под ред. И.В. Равич-Щербо. — М.: Педагогика, 1988. С. 157–179.
- ♦ Gene. Brain. Behavior. S.B. Malykh, A.M. Torgersen (Eds), Oslo, Moscow, RP PRESS, 2007. P. 270.
- ♦ Kazantseva A.V., Gaysina D.A., Faskhutdinova G.G., Noskova T., Malykh S.B., Khusnutdinova E.K. Polymorphisms of the serotonin transporter gene (5-HTTLPR, A/G SNP in 5-HTTLPR, and STin2 VNTR) and their relation to personality traits in healthy individuals from Russia. *Psychiatric genetics*, 2008. V. 18, N 4. — P. 167–176.
- ♦ Orekhova E.V., Stroganova T.A., Posikera I.N., Malykh S.B. Heritability and “environmentability” of electroencephalogram in infants: The twin study. *Psychophysiology*, 2003, 40 (5): 727–741.
- ♦ Stroganova T., Posikera I., Orekhova E., Tsetlin M., Novikova S., Kuravsky L. The nature of individual differences in EEG parameters during homogeneous visual field in 5- and 6-year-old twins: A pilot study // *Clinical Neurophysiology*. V. 120. Issue 8, August 2009. — P. 1492–1500.

Лаборатория онтогенеза индивидуальных различий

Лаборатория онтогенеза индивидуальных различий, созданная в 2002 г. (до этого — исследовательская группа в лаборатории возрастной психогенетики), исследует вариативность развития (этиологию и детерминанты индивидуальных различий) и основывается на принципах, сформулированных в отечественных психогенетических исследованиях А.Р.Лурии и И.В.Равич-Щербо и дифференциально-психологических направлениях — работах школы Б.М. Теплова и В.Д. Небылицына и исследованиях школы Б.Г. Ананьева.

В число сотрудников лаборатории первоначально входили: М.С. Егорова (зав. лабораторией), И.В. Равич-Щербо (создатель отечественной психогенетики и генетической психофизиологии, возродившая отечественные исследования наследуемости психических функций человека), Н.М. Зырянова, С.Д. Пьянкова, Ю.Д. Черткова, О.В. Паршикова. Позже в лаборатории работали О.С. Алексеева, О.В. Баскаева, Е.Б. Бровко, И.Е. Козлова, О.В. Смирнов.

Основные направления исследований лаборатории (вместе с выполненными по грантам РГНФ и РФФИ):

- анализ истории и современного состояния психологии индивидуальных различий и психогенетики;
- психологические особенности детей в зависимости от структуры семьи (межсемейный и внутрисемейный анализ); сравнительное исследование когнитивного развития близнецов и одиночнорожденных детей;
- ассортативность (неслучайный подбор супружеских пар) по психологическим характеристикам;
- социальные изменения как источник семейной вариативности; молекулярно-генетические исследования регуляторных характеристик и психологической адаптации.

- ♦ Егорова М.С., Алексеева О.С., Козлова И.Е. Исследование сиблингов в психологии и психогенетике. — М., Солитон, 2012.
- ♦ Егорова М.С., Пьянкова С.Д. Динамика многоплодной рождаемости в РФ. // *Психологические исследования*, 2010. № 5(13).
- ♦ Егорова, М.С. Зырянова Н.М., Паршикова О.В., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д. Генотип. Среда. Развитие. — М.: О.Г.И., 2004.
- ♦ Зырянова Н.М. Академическая успешность близнецов и их одиночно-рожденных сверстников // *Психологические исследования*. 2009. № 4(6), № 5(7).

Лаборатория психологии одаренности

Лаборатория психологии одаренности была образована в 1990 г. на основании решения коллегии госкомитета СССР по народному образованию «Об очередных мерах по выявлению и воспитанию особо одаренных учащихся» от 07.04.1989 г. Основателем лаборатории и ее заведующим был действительный член РАО А.М. Матюшкин. С 2004 г. лабораторией заведует профессор Е.И. Щебланова. Теоретические и эмпирические исследования, проводимые в лаборатории, развивают заложенные в концепции творческой одаренности А.М. Матюшкина идеи целостности, системной организации и возрастной динамики детской одаренности. Основными исследовательскими задачами являются разработка научных оснований, принципов и методов выявления и развития высокоодаренных и талантливых детей на этапах дошкольного и школьного детства; создание и внедрение новых технологий развивающего обучения для детей с разными видами и уровнями одаренности; разработка систем диагностики детской одаренности, мониторинга ее развития, оценки эффективности учебных программ, психологической помощи одаренным детям.

Разработана оригинальная модель развития общей одаренности детей — модель творческого междисциплинарного обучения. Создана и реализована в практике школьного обучения принципиально новая психолого-педагогическая система поддержки и развития одаренных детей (д. психол. н. Н.Б. Шумакова). Разработана и эмпирически обоснована психодиагностическая система сопровождения учащихся с высоким уровнем общей одаренности; в многоплановом лонгитюдном исследовании изучены внутри- и межвозрастные взаимосвязи разных компонентов одаренности, их возрастная динамика, возможности прогноза способностей и достижений учащихся на основных этапах школьного обучения (д. психол. н. Е.И. Щебланова). Получены новые данные о развитии одаренности в дошкольном возрасте (к. психол. н. Е.С. Белова), об особенностях процесса понимания у детей с разными видами и уровнями одаренности (к. психол. н. Г.Д. Чистякова).

В лаборатории подготовлены и защищены докторские (3) и кандидатские (более 10) диссертации. Сотрудники лаборатории награждены Премией Президента Российской Федерации (Е.Н. Задорина,

Н.Б. Шумакова, Е.И. Щебланова) и Государственной премией (А.М. Матюшкин, В.С. Юркевич, Е.Л. Яковлева) в области образования.

- ♦ *Матюшкин А.М.* Мышление, обучение, творчество: Монография. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. — 720 с.
- ♦ *Шумакова Н.Б.* Обучение и развитие одаренных детей: Монография. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. — 336 с.
- ♦ *Шумакова Н.Б.* Психология одаренности: обучение младших школьников: методическое пособие. — М.: МИОО, 2005. Вып. 3. — 160 с.
- ♦ *Щебланова Е.И.* Неуспешные одаренные школьники: Монография. М.; Обнинск: ИГ— СОЦИН, 2008. — 212 с.
- ♦ *Щебланова Е.И.* Психологическая диагностика одаренности школьников: проблемы, методы, результаты исследований и практики: Монография. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. — 368 с.
- ♦ Одаренный ребенок: особенности обучения: метод. пособие / под ред. Н.Б. Шумаковой. М.: Просвещение. 2006. — 239 с.
- ♦ Развитие исследовательских умений младших школьников: метод. пособие / под ред. Н.Б.Шумаковой. — М.: Просвещение, 2011. — 157 с.

Группа истории отечественной психологии «Научный архив ПИ РАО»

Группа была организована и начала свою работу в 1992 г. в период подготовки к 80-летию Психологического института. Начальный этап ее деятельности связан с именами старейших сотрудников Психологического института И.В. Равич-Щербо, М.Э. Боцмановой, Т.И. Жуковой; многие начинания в работе группы были осуществлены благодаря инициативе историка и культуролога А.Д. Червякова. Руководителем группы с 1992 г. является Е.П. Гусева.

Историко-психологическая проблематика в Психологическом институте была одной из ведущих. Общая психология и история психологии были выделены в отдельную секцию в 1921 г.; секцией руководил сам Г.И. Челпанов. В своих исследованиях сотрудники группы выступают продолжателями научных традиций Кабинета истории и зародившейся трудами Н.А. Рыбникова, ученика Г.И. Челпанова, в стенах Института с конца 1930-х гг. новой области научного знания — истории отечественной психологии. В числе ее разработчиков в разные годы были Л.С. Выготский, М.В. Соколов, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, А.А. Никольская и др.

Основными задачами научно-исследовательской работы группы на всех этапах ее деятельности являются:

- расширение источниковой базы изучения вопросов истории отечественной психологии и введение в поле современных ис-

следований ранее неизвестных документальных материалов из фондов Научного архива Психологического института;

- реконструкция творческого наследия научной школы Г.И. Челпанова в перспективе актуальных историко-психологических проблем и восстановление особенностей методологических подходов в теоретических и экспериментальных исследованиях ее представителей;
- восполнение научных знаний о генезисе отечественной психологической мысли, историко-культурных основаниях и преемственности духовно-нравственной традиции русской науки в московской психологической школе.

Исследования сотрудников группы ориентированы не только на решение конкретных задач историко-психологической науки, но на сохранение общекультурного наследия и максимальное сближение научной и образовательной среды на уровне современного социокультурного запроса. В этих целях в 2006 г. была основана серия «Материалы по истории московской психологической школы», которая включает работы научно-познавательной направленности, подготовленные к 100-летию Психологического института им. Л.Г. Щукиной (1912–2012). Первая книга серии «*Б.М. Теплов. Психологические исследования в области военно-маскировочного дела (1923–1927)*» явилась единственным переизданием ранних произведений Б.М. Теплова, опубликованных в редких и закрытых для массового читателя военных журналах и сборниках 1920-х гг. В 2011 г. сотрудниками группы был разработан научно-издательский проект «Материалы по истории московской психологической школы: Библиотека психолога и педагога», который является продолжением и модификацией данной серии.

Перспективные направления исследований:

- психолого-историческая реконструкция содержательных и теоретико-методологических аспектов творческого наследия Г.И. Челпанова в целостном единстве с психологическим наследием мыслителей московской философской школы середины XIX в., выдающихся современников и учителей Н.Я. Грота, Л.М. Лопатина, С.Н. Трубецкого, составивших славу серебряного века русской философии, и его непосредственных учеников и последователей в науке — С.Н. Беляевой-Экземплярской, Н.Н. Волкова, В.В. Зеньковского, В.П. Зубова, Б.В. Холчева, В.М. Экземплярского и др., которым по праву принадлежит достойное место в авангарде современной психологической мысли;
- реконструкция психологического содержания в духовно-нравственном наследии выдающихся представителей культурной традиции православия, нравственный потенциал которого выступает надежным основанием для дальнейшей методологической разработки стратегии развивающего личностно-ориентированного обучения и воспитания поколения XXI в.;

- научная систематизация, описание и психологический анализ собрания уникальных документов, содержащихся в фондах Научного архива Психологического института, в целях обогащения содержания и обеспечения психолого-исторической корректности материалов современных научных исследований.

За период 2007–2012 гг. сотрудниками научно-исследовательской группы истории отечественной психологии «Научный архив ПИ РАО» в серии «Материалы по истории Московской психологической школы (К 100-летию Психологического института им. Л.Г. Щукиной (1912–2012))» опубликовано:

- ♦ Альманах научного архива Психологического института: Челпановские чтения — 2006/2007. — М.: БФ «Твердислов», 2007. Вып. 1. — 366 с.
- ♦ Альманах научного архива Психологического института: Челпановские чтения — 2008. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2008. Вып. 2. — 228 с.
- ♦ Альманах научного архива Психологического института: Челпановские чтения — 2009. — М.: ПИ РАО; «Социальные науки», 2009. Вып. 3. — 203 с.
- ♦ Альманах научного архива Психологического института: Челпановские чтения — 2010. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2010. Вып. 4. — 225 с.
- ♦ Альманах научного архива Психологического института: Челпановские чтения — 2012. Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. Вып. 5. — 326 с.
- ♦ Альманах научного архива Психологического института: Челпановские чтения — 2011. М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. Вып. 6. — 162 с.
- ♦ Психологический институт в Москве: российский центр психологической науки, культуры и образования: документальная летопись к 100-летию со дня основания — М.: СПб., 2012. — 280 с., ил.
- ♦ *Челпанов Г.И.* Очерки психологии. — М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2009. — 248 с.

Книга Г.И. Челпанова «Очерки психологии», являющаяся первым (после выхода в 1926 году) переизданием одной из последних и наиболее значительных работ ученого. Ее содержание направлено на разработку фундаментальных проблем психологии и предоставляет обширный материал для углубленного научно-психологического анализа. В Приложениях книги, сотрудники группы восстановили историю, связанную с изобретением Г.И. Челпановым универсального психологического аппарата, который остается уникальным фактом в деятельности Георгия Ивановича по созданию технических средств и популяризации психологии.

Обязательным разделом каждого выпуска Альманаха являются материалы ежегодно проводимых сотрудниками группы истории отечественной психологии «Научный архив ПИ РАО» научно-практических конференций «Челпановские чтения», история которых началась в 1994 г. Именно тогда по инициативе группы (называвшейся тогда группой источниковедения истории отечественной психологии) в Психологическом институте были проведены первые Челпановские чтения, подготовленные в связи

с празднованием 80-летнего юбилея Института. В настоящее время проведение конференций Челпановских чтений группой истории отечественной психологии «Научный архив» имеет регулярный характер, и каждая из проводимых конференций вносит свой особый вклад в процесс формирования исторически точного воспроизведения традиции Челпановской научно-психологической школы. В 2012 г. Челпановские чтения были организованы и проведены в форме юбилейного симпозиума, посвященного 150-летию Г.И. Челпанова, в рамках V Съезда Российского психологического общества. Новым плодотворным уровнем этой работы стал осуществляемый в настоящее время совместный российско-украинский проект «Международные Челпановские чтения» (2012–2014) на родине Г.И. Челпанова в городе Мариуполе и в городах его научной славы Киеве и Москве.

В серии «Материалы по истории Московской психологической школы: Библиотека психолога и педагога» впервые осуществлен проект издания Собрания сочинений Г.И. Челпанова и в 2011 г. опубликованы две книги первого тома:

- ♦ *Челпанов Г.И.* Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. I: Представление пространства с точки зрения психологии / Челпанов Г.И. Собрание сочинений: в 6 т. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2011. Т. I. Кн. 1. 340 с., ил.
- ♦ *Челпанов Г.И.* Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II: Представление пространства с точки зрения гносеологии / Челпанов Г.И. Собрание сочинений: в 6 т. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2011. Т. I. Кн. 2. 350 с.

Книги являются первым после 1896 и 1904 гг. переизданием магистерской и докторской диссертации автора, представляющей собой образец разрешения очень важной на сегодняшний день задачи синтеза гуманитарного и естественно-научного знания в области разработки фундаментальных проблем психологии. Научное переиздание было сопровождено подготовленными сотрудниками группы «Научный архив» статьями — историко-биографической и научно-аналитической, а также подборкой редких, и частью впервые публикуемых, фотоматериалов, хранящихся в архивном фонде Психологического института.

По результатам научно-исследовательской работы сотрудниками группы истории отечественной психологии был разработан и прочитан в МГППУ курс лекций для аспирантов и молодых ученых «Научная психология Г.И.Челпанова в историческом пространстве отечественной культуры» и комплексная программа для Образовательного центра ФГНУ ПИ РАО.

В контексте задачи восстановления духовно-нравственных оснований отечественной науки и образования сотрудниками Научного архива ПИ РАО ежегодно проводятся научно-практические конференции в рамках Международных Рождественских образовательных чтений и осуществляется издание научных материалов, в содержательном аспекте представляющих собой реальный срез поливариативности и полимодальности состояния исследований в новой междисциплинарной — духовно ориентированной — области психологической науки, набирающей все больший социокультурный резонанс:

- ♦ Святоотеческая психология (Наука — образование — практика). Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 30–31 января 2008 г. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2008. — 186 с.
- ♦ Святоотеческая психология и воспитание человека (Наука, образование, культура: духовно-нравственные основы и пути развития). Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18 февраля 2009 г. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2010. — 236 с.
- ♦ Психология воспитания и образования современного человека: диалог со святоотеческой традицией. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 27–28 января 2010 г. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2010. — 224 с.
- ♦ Современная научная психология и православная духовная традиция: содержательный диалог. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25–26 января 2011 г. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. — 191 с.
- ♦ Святоотеческая психология: направления исследований и опыт работы за пять лет. Обзор материалов научно-практических конференций 2007–2011 гг. Москва, 24 января 2012 г. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. — 30 с.

Лаборатория экопсихологии развития

Лаборатория экопсихологии развития создана в 1995 г. решением Ученого совета Психологического института, объединившим в единый коллектив под руководством В.И. Панова исследовательские группы, разрабатывавшие различные проблемы экологической психологии:

- экопсихология развития индивидуальности и сознания человека (В.И. Панов);
- экология детства (В.П. Лебедева, В.А. Орлов, В.И. Панов);
- семейные предикторы умственного развития детей (Т.М. Марютина с сотрудниками);
- информационная среда как фактор и средство социализации подростка (М.О. Мдивани с сотрудниками);
- психология экологического сознания (С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин);
- образовательная среда как фактор и условие обучения и развития одаренных детей в общеобразовательной школе и дополнительном образовании (В.И. Панов).

Исходным основанием для развития экопсихологического подхода к развитию психики человека во взаимодействии с его жизненной средой стало представление о системе «человек — окружающая среда» как онтологическом субъекте порождения психической реальности (В.И. Панов, 2004). Основными исследовательскими задачами лаборатории стали:

1. Разработка методологических, теоретических и методических проблем с целью систематизации различных направлений экологической психологии в область психологических исследований, единую по своим методологическим основаниям. Коллективом лаборатории

экологическая психология позиционируется как специальная область психологических исследований, объединенная использованием отношения «человек — окружающая среда (природная, социальная)» в качестве исходной предпосылки для определения объекта и предмета исследования. В связи с этим на первом этапе работы лаборатории преимущественное внимание уделялось изучению психологических и психодидактических аспектов экспертизы и проектирования развивающей образовательной среды в учреждениях общего и дополнительного образования, в том числе для одаренных детей.

2. Изучение различных видов окружающей среды (семейной, информационной, образовательной, архитектурной и т. д.) как фактора, условия и средства развития сознания и индивидуальности человека, а также как объекта психолого-педагогической экспертизы и проектирования. Эмпирическое исследование влияния видов и типов экопсихологических взаимодействий на развитие психики человека осуществляется на материале взаимодействия человека с природной, образовательной и профессиональной средой.

3. Разработка экопсихологического подхода к развитию психики как онтологическому процессу порождения особой формы бытия, обретающей свою актуальность существования (в виде психических процессов, психических состояний и сознания) во взаимодействии человека с окружающей средой (природной, социальной). Потенциально обладая бесконечным разнообразием форм проявления, психика (как форма бытия) обретает форму актуального осуществления в виде, с одной стороны, психических процессов, состояний, сознания и т. п. видов психической реальности, характеризующих психику «человека» (индивида, группы, общности, человечества), а с другой стороны — в виде психологических квазипсихологических свойств разных видов «окружающей среды» (природной, информационной, семейной, этнической, образовательной и т. д.). При этом психика проявляет себя, обретает форму актуального существования в виде психической активности разной модальности, разного предметного содержания, разной степени развития субъектности.

В 1998 г. по инициативе лаборатории была организована секция «Экологическая психология» при Российском психологическом обществе. Сотрудниками и соискателями лаборатории защищены 6 кандидатских и 4 докторские диссертации; проведены пять Российских конференций по экологической психологии.

- ♦ *Иващенко А.В., Панов В.И., Гагарин А.В.* Экологоориентированное мировоззрение личности: Колл. монография. — М.: РУДН, 2008. — 422 с.
- ♦ *Панов В.И.* Введение в экологическую психологию: Учебн. пособие. 2-е изд., перераб., и доп. — М.: НИИ Школьных технологий. 2006. — 184 с.
- ♦ *Панов В.И.* Непосредственно-чувственное восприятие движения объектов: Монография. — М.: Психологический институт РАО, 1993. — 140 с.

- ♦ *Панов В.И.* Психодидактика образовательных систем: теория и практика: Монография. — СПб.: Питер, 2007. — 352 с.
- ♦ *Панов В.И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии: Монография. — М.: Наука, 2004. — 197 с.
- ♦ *Панов В.И., Сараева Н.М., Суханов А.А.* Влияние экологически неблагоприятной среды на интеллектуальное развитие детей: Колл. монография. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 224 с.
- ♦ *Хромова Т.В., Панов В.И., Котяшина С.Н., Василькова Е.Н.* Одаренные дети: опыт преодоления критических ситуаций: Колл. Монография. — Республика Казахстан, Астана: «Дарын», 2009. — 110 с.
- ♦ *Одаренность и одаренные дети: эконсихологический подход: Монография.* — М.: Изд-во РУДН, 2005. — 300 с.
- ♦ *Профессиональный статус нотариуса в новой социальной среде / сост. и науч. ред. М.О. Мдивани.* — М.: Изд-во ФРПК, 2008.
- ♦ *Эконсихологические исследования: сб. Материалов 5-й Российской конференции по экологической психологии (Москва, 26–27 марта 2008 г.) / под ред. В.И. Панова.* — М.: ПИ РАО, 2009.

Группа психологии личностно ориентированного образования

Лаборатория под руководством профессора И.С. Якиманской стала преемницей научных идей, еще в 30-е годы прошлого столетия заложенных Н.А. Менчинской, с которой И.С. Якиманская проработала более трех десятилетий.

Целью деятельности лаборатории явилась разработка целостной концепции развития индивидуальности ученика как субъекта учения, избирательно относящегося к педагогическим воздействиям. Установлено, что основу такой избирательности составляют психофизиологические и социокультурные особенности ребенка, его субъектный опыт жизнедеятельности. Выделены типы индивидуальных образовательных траекторий, установлены особенности их проявления в обучении. Апробированы психолого-педагогические средства выявления и сопровождения индивидуальной образовательной траектории школьника, обеспечивающей ему возможность выбора собственного пути личностного развития.

По итогам проведенных в лаборатории теоретико-эмпирических исследований:

- разработана психологическая концепция личностно-ориентированного образования;
- создана и апробирована модель школы как социального института, обеспечивающего развитие личности ребенка в современном обществе;
- раскрыты психологические и педагогические принципы построения образовательного процесса, способствующие развитию индивидуальности ученика;
- определено понятие «индивидуальная образовательная траектория», выявлены психолого-педагогические условия ее проявления и поддержки в процессе усвоения знаний;

- разработана образовательная программа «Личностно ориентированная школа» для подготовки педагогов, психологов, управленцев;
- создан и апробирован учебно-методический комплекс для педагогов и управленцев по внедрению в образовательный процесс технологии личностно ориентированного образования.

В 2012 г. лаборатория преобразована в группу психологии личностно ориентированного образования.

- ♦ *Якиманская И.С.* Педагогическая психология (основные проблемы). — М.: НПО «МОДЭК», 2008. 648 с.
- ♦ *Якиманская И.С.* Психологические проблемы усвоения знаний // Московская психологическая школа (история и современность). — М., 2004.
- ♦ Психолого-педагогические условия становления индивидуальных стратегий обучения школьников / под ред. И.С. Якиманской. — М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2007. — 140 с.

Лаборатория психологических проблем художественного развития

Лаборатория образована в 1992 г. на базе исследовательской группы аналогичной направленности, существовавшей с 1988 г. Ее руководитель — А.А. Мелик-Пашаев, д. психол. н., член Союза художников РФ. Главная задача лаборатории — изучение психологического содержания, возрастных и индивидуальных особенностей, психолого-педагогических условий и критериев художественно-творческого развития детей в контексте становления целостной личности и преимущественно в условиях общего образования, а также разработка соответствующих исследовательских и диагностических методик. Затрагиваются и более общие философско-психологические вопросы человеческого творчества как такового и самого человека как творца. В то же время разрабатываются и более частные проблемы, такие как:

- специфика художественного воображения ребенка в его сопоставлении с воображением взрослого, с одной стороны, и с разным мышлением — с другой;
- психологические условия зарождения и воплощения выразительного образа в искусстве;
- соотношение успешности художественного творчества и личностной ценности ребенка;
- особенности эстетической эмоции;
- уровни и критерии читательского развития школьников разного возраста;
- психологическое родство/различие процессов восприятия произведений разных видов искусства и др.

Разработана и внедрена в педагогическую практику целостная концепция художественного развития человека, в основание которой положены следующие психологические реалии: базисное для всех видов художественного творчества эстетическое отношение к действительности

(непосредственное переживание сопричастности миру и восприятие чувственного облика вещей и явлений как выражения их внутренней жизни, родственной воспринимающему); авторской позиции (направленность на трансформацию и оформление жизненных впечатлений и «языковых» средств того или иного вида искусства ради создания эмоционально выразительного образа); художественное воображение как способность создавать выразительный образ, адекватно передающий исходно не образное, ценностно значимое содержание.

В рамках теории развивающего образования Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова и по результатам десятилетнего психолого-педагогического эксперимента, осуществлявшегося в одном и том же классе общеобразовательной школы, разработан школьный курс литературы с 1 по 11 класс («Литература как предмет эстетического цикла»), в котором данный подход реализован на практике. Курс основан на собственном литературном творчестве детей. Он позволяет всем учащимся достичь, во-первых, уровня создания полноценных литературно-художественных текстов (при сохранении возрастной специфики и индивидуальных различий в проявлении творческой одаренности); а во-вторых — уровня понимания литературных произведений, несопоставимого с тем, что доступен при традиционных способах преподавания. Данный курс является свидетельством потенциальной одаренности всех детей, на основе актуализации и развития которой ярко проявляют себя некоторые дети, специально одаренные в том или ином (в данном случае — в литературном) отношении.

Курс, авторы которого отмечены Премией Правительства РФ в области образования (1999), успешно внедряется в практику школ многих регионов России. УМК (учебник, методическое пособие, хрестоматия, методическая тетрадь) по литературе для 1–8 классов выдержали несколько изданий. К сожалению, в современной образовательной ситуации это поистине эксклюзивное достижение отечественной науки и педагогической практики целенаправленно вытесняется из школы. Сегодня одной из задач, решаемых лабораторией, является систематизация и оцифровка колоссального массива данных проведенного лонгитюда, на основе которого проводились и будут проводиться разнообразными исследованиями литературно-творческого, читательского и личностного развития детей.

В лаборатории создано множество исследовательских и диагностических методик, выявляющих различные аспекты и потенциал художественного развития, обоснованы принципы подобной работы, как научные, так и этические; это приоритетность экспертизы перед измерением и «антиселекционный» подход — понимание художественной одаренности как родового свойства человека, развитие которого доступно и необходимо каждому ребенку.

В последнее время перспективным направлением работы лаборатории становится исследование истоков и ранних этапов становления детского художественного творчества, а также его эстетической и возрастной специфики, которая предъявляет особые требования к педа-

гогам и воспитателям, а также нуждается в появлении соответствующего раздела художественной критики.

Перу сотрудинок, работающих в данный момент или работавших в лаборатории, принадлежит ряд монографий, учебных и методических пособий; всего свыше 600 научных и научно-популярных публикаций.

Основные из них (кроме уже упомянутых учебно-методических комплектов по литературе для 1–8 классов):

- ♦ *Кудина Г.Н.* Диагностика читательской деятельности школьников. — М.: ПИ РАО; Международный Образовательный и Психологический Колледж, 2006.
- ♦ *Кудина Г.Н., Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н.* Как развивать художественное восприятие у школьников. — М.: Знание, 1988.
- ♦ *Мелик-Пашаев А.А.* Мир художника. — М.: Прогресс-традиция, 2000.
- ♦ *Мелик-Пашаев А.А.* Педагогика искусства и творческие способности. — М.: Знание, 1981.
- ♦ *Мелик-Пашаев А.А.* У родников творчества (на исп. яз.). — М.: Прогресс, 1987.
- ♦ *Мелик-Пашаев А.А., Адаскина А.А., Кудина Г.Н., Новлянская З.Н., Чубук Н.Ф.* Методики исследования и проблемы диагностики художественно-творческого развития детей. — Дубна: Феникс+, 2009.
- ♦ *Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н., Адаскина А.А., Никитина А.Б., Чубук Н.Ф.* Художественная одаренность и ее развитие в школьные годы. <http://pirao.ru/ru/scilife/izdania/> 2011.
- ♦ *Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н., Адаскина А.А., Чубук Н.Ф.* Психология одаренности: художественная одаренность. — М.: МИОО, 2005.
- ♦ *Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н., Адаскина А.А., Чубук Н.Ф.* Художественная одаренность детей, ее выявление и развитие. — Дубна: Феникс+, 2006.
- ♦ *Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н.* Ступеньки к творчеству. — М.: Педагогика, 1987.
- ♦ *Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н.* Художник в каждом ребенке. — М.: Просвещение, 2008.
- ♦ *Мелик-Пашаев А.А., Новлянская З.Н., Адаскина А.А., Кудина Г.Н., Чубук Н.Ф.* Психологические основы художественного развития / под ред З.Н. Новлянской. — М.: МГППУ, 2006.
- ♦ *Новлянская З.Н.* «Стихи — продолжение мое и начало...». — М.: Знание, 1982.
- ♦ *Новлянская З.Н.* Почему дети фантазируют? — М.: Знание, 1978.
- ♦ *Новлянская З.Н.* Учение и творчество. — М.: РАО; Психологический институт, 2010.
- ♦ *Ражников В.Г.* Диалоги о музыкальной педагогике. — М.: ЦАПИ, 1994.
- ♦ *Ражников В.Г.* Новая профессия: детский арт-психолог. — М., 2006.
- ♦ *Ражников З.Н.* Резервы музыкальной педагогике. — М.: Знание, 1980.

Группа диагностики психического развития

В июле 1968 г. была создана лаборатория психофизиологических проблем профессиональной пригодности. Ее руководителем стал д. психол. н. К.М. Гуревич. В этой лаборатории проводились прикладные исследования в рамках теоретических и методических принципов отечественной школы дифференциальной психофизиологии, развиваемых в трудах Б.М. Теплова, В.Д. Небылицына, по итогам которых была оформлена концепция профессиональной пригодности.

В конце 1970-х гг. проблематика лаборатории изменилась, и 1 июня 1983 г. она была переименована — возникла лаборатория психодиагностики (заведующий К.М. Гуревич). В настоящее время это группа диагностики психического развития (руководитель — д. психол. н., профессор М.К. Акимова).

Основные научные достижения коллектива связаны с разработкой оригинальных тестов, опирающихся на концепцию социально-психологических нормативов, предложенную К.М. Гуревичем. Сотрудниками и аспирантами лаборатории была создана система диагностических методик, направленных на измерение уровня умственного развития учащихся средней школы (ШТУР, АСТУР, ТУРМШ, ТУРП), Тест практического мышления, Тест умственного развития взрослых, а также ряд коррекционно-развивающих программ, предназначенных для работы с учащимися 2–8 классов. Как диагностические методики, так и коррекционно-развивающие программы известны, востребованы и широко используются в системе образования.

В настоящее время группа разрабатывает нормативные методики диагностики личности. Их теоретическим обоснованием является представление о том, что сущностью личности можно считать нормативоприятие, отражающее ее отношение к социально-психологическим личностным нормативам, присущим тем культурным и субкультурным общностям, в которые она входит, к которым она относится. Сконструированы и проходят психометрическую проверку Методика нормативоприятия и Методика социального взаимодействия, предназначенные для взрослых индивидов, начиная с 16-летнего возраста. Эти методики, помимо нормативоприятия, позволяют оценить уровень индивидуальной и групповой выраженности психологических компонентов социального капитала, являющегося основой социальных взаимосвязей общества, необходимых для его инновационного продвижения. Проводится работа по созданию проективной методики диагностики гражданской идентичности.

- ♦ *Акимова М.К., Козлова В.Т.* Диагностика умственного развития детей. — СПб.: Питер, 2006. — 240 с.
- ♦ *Горбачева Е.И.* Предметная ориентация мышления: сущность, механизмы, условия развития. — Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2001. — 294 с.
- ♦ *Гуревич К.М.* Дифференциальная психология и психодиагностика. Избранные труды. — СПб.: Питер, 2008. — 335 с.

- ♦ Психологическая диагностика: Учебник для вузов / под ред. М.К. Акимовой, К.М. Гуревича. — СПб.: Питер, 2003, 2005, 2006, 2007, 2008. — 650 с.

Лаборатория психологии учения

Лаборатория создана в середине 1930-х гг. для разработки проблематики ликвидации безграмотности взрослых. С 1947 г. лабораторией обучения и умственного развития руководила профессор Н.А. Менчинская. Исследования лаборатории велись на материале таких учебных предметов, как арифметика, чтение, письмо, родной и иностранный языки, история, география, геометрия, физика, биология. Основной тезис, на котором базировались исследования лаборатории, состоял в следующем. В развитии ребенка необходимо различать два типа изменений: а) макроизменения — значительные позитивные сдвиги в мышлении, мотивации учения, характере учебной деятельности, научном мировоззрении школьников; б) микроизменения — тонкие, нередко трудноуловимые, частные, но важные для развития изменения в содержании знания, конкретных умениях, приемах умственной деятельности, оперировании усвоенными знаниями на практике и т. п. Характер и соотношение этих двух типов изменений имеют определенную возрастную динамику и индивидуальные вариации. На каждом этапе работы лаборатории изучалась та или иная широкая проблема в контексте этого тезиса:

- процессы усвоения понятий (1940-е — середина 1950-х гг.);
- применение знаний как особый этап их усвоения (1950-е — середина 1960-х гг.);
- овладение приемами умственной деятельности в ходе обучения (1950–1970-е гг.);
- индивидуальные особенности школьников, способствующие и препятствующие успешности учения; психологические причины неуспеваемости школьников (1960–1970-е гг.);
- психолого-педагогические условия активизации умственной деятельности детей; разработка основ проблемного обучения (1960-е — конец 1970-х гг.);
- психологические проблемы формирования у школьников научного мировоззрения (1960-е — конец 1970-х гг.);
- обучаемость, ее индивидуальные вариации, критерии, средства диагностики (конец 1960-х — середина 1980-х гг.).

С начала 1980-х гг. лабораторию возглавила профессор И.С. Якиманская. Коллектив лаборатории, сохраняя ранее намеченные линии исследований, значительно расширил их проблематику. В этот период изучалась роль субъектного опыта в становлении у школьников индивидуальных способов учебной работы; их возрастная динамика, на основании чего был предложен ряд психолого-педагогических критериев анализа и оценки качества знаний школьников.

С начала 1990-х гг. лаборатория работает под руководством к. психол. н. Е.Д. Божович, разработавшей концепцию развития ребенка как

субъекта учения. Ключевым понятием концепции «позиция субъекта учения» обозначается специфическое новообразование, формирующееся в подростковом возрасте. Его источником становится не только целенаправленное школьное, но и, пользуясь выражением Л.С. Выготского, «спонтанное» обучение. Результатом взаимодействия двух типов обучения становится субъектный опыт ребенка, в котором закрепляется и то, что ребенок «сам берет» из среды в соответствии со своими потребностями, интересами, представлениями о себе и своем будущем, и то, что он усваивает в учебном процессе. Позиция субъекта учения включает три взаимосвязанных составляющих: когнитивную, регуляторную и личностно-смысловую.

Одним из следствий и одновременно показателей возникновения и развития позиции субъекта учения является построение детьми собственных способов учебной работы. Описан ряд вариантов структуры способов учебной работы, включающей следующие компоненты:

- ориентировочный, операциональный, аффективно-волевой (Е.Д. Божович);
- мотивационный и операциональный (О.Н. Юдина);
- ориентировочный, аналитический, эмоционально-оценочный (З.В. Гольшева).

Результаты проведенных исследований позволили выстроить систему критериев позиции субъекта учения и конкретных показателей, относящихся к каждому критерию.

Перспективы научной работы коллектива заключаются в выявлении внешних и внутренних системных связей «позиции субъекта учения»; специфики ее формирования, структуры и функций в зависимости от педагогических и психологических условий; разработке принципов создания диагностического инструментария для изучения генезиса, формирования или разрушения позиции субъекта учения. Практические усилия коллектива направлены на преобразование исследовательских методик в практико-ориентированные, доступные для применения непосредственно в ходе обучения и воспитания; разработку психодидактических рекомендаций к реализации в школе единой цепи «контроль → диагностика → коррекция → оценка»; создание целостных технологий обучения, способствующих формированию у школьника позиции субъекта учения.

- ♦ *Божович Е.Д.* Образцы в обучении: их достоинства и недостатки. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2008.
- ♦ *Божович Е.Д.* Учителю о языковой компетенции школьника. Психодидактические аспекты языкового образования. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002.
- ♦ *Менчинская Н.А.* Проблемы обучения, воспитания и психического развития ребенка / ред., сост. Е.Д. Божович. — М.; Воронеж: Институт практической психологии, 1998.
- ♦ *Менчинская Н.А.* Психология обучения арифметике. — М.: Учпедгиз, 1955.

- ♦ Якиманская И.С. Развивающее обучение. — М.: Педагогика, 1980.
- ♦ Нетрадиционные способы оценки качества знаний школьников. Психолого-педагогические аспекты / под ред. Е.Д. Божович. — М.: Новая школа, 1995.
- ♦ Процесс учения: контроль, диагностика, коррекция, оценка / под ред. Е.Д. Божович. — М.: МПСИ, 1999.
- ♦ Психолого-педагогические проблемы развития школьника как субъекта учения / под ред. Е.Д. Божович. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000.
- ♦ Развитие субъекта образования: проблемы, подходы, методы исследования / под ред. Е.Д. Божович. — М.: ПЕРСЭ, 2005.
- ♦ Способ учебной работы — условие и продукт познавательной деятельности школьников / под ред. Е.Д. Божович. — М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2008.

Лаборатория психологии профессионального развития личности

Лаборатория психологии профессионального развития личности под руководством профессора Л.М. Митиной была создана в 1995 г.

В стенах Психологического института в течение десятков лет проводилась плодотворная работа по проблемам психологии труда и профессионального развития. Этим занимались несколько коллективов сотрудников под руководством Т.В. Кудрявцева, Д.А. Ошанина, В.В. Чебышевой, К.М. Гуревича, О.А. Конопкина. Изменение общественно-политических и экономических отношений в России в 1990-е гг. потребовало разработки новых теоретико-методологических оснований профессионального труда и построения современных технологий профессионального развития личности.

Исследования профессионального развития личности ведутся в лаборатории в рамках системного личностно-развивающего подхода по четырем основным направлениям: содержательное (содержание процесса профессионализации: разработка обобщающей концепции профессионального развития личности); динамическое (все временное поле профессионального развития личности с момента поступления ребенка в школу через стадию самостоятельного и осознанного выбора профессии к творческой самореализации личности); технологическое (разработка технологий профессионального развития личности и конструктивного изменения поведения специалиста) и институциональное (институт профессионального развития личности, включая тип социума, в котором функционирует «рынок профессий», образовательные системы и конкретные социальные группы, характеризующиеся особым типом общности — полисубъектностью).

Очерченные линии анализа предполагают разработку моделей профессионального развития личности и психологических условий эффективности профессионального развития специалистов разных типов профессий. Основным объектом многолетних исследований лаборатории является педагог как представитель самой массовой профессии

и центральная фигура системы образования. Теоретически и эмпирически обоснованы психологические факторы, условия, механизмы и движущие силы творческой самореализации учителя в профессии.

Разработанные в лаборатории концепция и технология профессионального развития личности позволяют решать вопросы диагностики, прогноза, коррекции профессионального развития личности; разрабатывать инновационные программы общего и специального непрерывного образования, начиная с начальной школы и заканчивая системами подготовки и переподготовки специалистов разных типов профессий: социоэкономического, техноэкономического и социотехнического.

- ♦ *Митина Л.М.* Психология развития конкурентоспособной личности. — М.: Флинта, 2002. — 400 с.
- ♦ *Митина Л.М.* Психология труда и профессионального развития учителя: учебное пособие. — М.: Академия, 2004. — 320 с.
- ♦ *Митина Л.М., Митин Г.В., Анисимова О.А.* Профессиональная деятельность и здоровье педагога. — М.: Академия, 2005. — 368 с.
- ♦ *Митина Л.М.* Психология учителя. Личностно-профессиональное развитие учителя: психологическое содержание, диагностика, технология, коррекционно-развивающие программы. — М.: ПИ РАО, МГППУ, 2010. — 386 с.
- ♦ *Личность и профессия: психологическая поддержка и сопровождение / под ред. Л.М. Митиной.* — М.: Академия, 2005. — 336 с.
- ♦ *Особенности личностного и профессионального развития субъектов образовательного пространства в современных социально-экономических условиях: Научно-методическое пособие для практических психологов образования и педагогов / под ред. Л.М. Митиной.* — М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. — 296 с.
- ♦ *Психотехнологии и психотехники профессионального развития личности / под ред. Л.М. Митиной, С.А. Подосинникова.* — Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. — 392 с.

Лаборатория научных основ детской практической психологии

Одна из старейших лабораторий в институте была организована в 1945 г. в составе отдела детской психологии. Ее возглавляла профессор Л.И. Божович. В это время в лаборатории работали такие известные ученые, как Л.С. Славина, Н.Г. Морозова, М.С. Неймарк, В.Э. Чудновский, Я.Л. Коломинский. В центре внимания научного коллектива были проблемы формирования личности в онтогенезе; причем характерной чертой исследовательской работы была ее тесная связь с практикой обучения и воспитания детей и подростков.

С 1976 по 2008 г. лабораторией руководила действительный член РАО профессор И.В. Дубровина. С 1980 г. по инициативе действительного члена РАО Ю.К. Бабанского лаборатория стала центром организации и научно-методического обеспечения школьной психологической службы в СССР. Теоретическим основанием экспериментальной

работы по внедрению школьной психологической службы в образовательную систему явилась концепция детской практической психологии И.В. Дубровиной. За эту работу коллектив лаборатории в 1996 г. был удостоен Премии Президента Российской Федерации в области образования.

С 1998 г. лаборатория занимается проблемой воспитания психологической грамотности и психологической культуры школьников. Созданный авторским коллективом под руководством И.В. Дубровиной учебный комплект «Психология» для учащихся 3–11 классов общеобразовательной школы удостоен Премии Правительства Российской Федерации в области образования в 2006 г.

С 2008 г. лабораторией руководит к. психол. н. А.Д. Андреева.

- ♦ *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. — СПб.: Питер, 2008.
- ♦ *Дубровина И.В.* Школьная психологическая служба. М.: Педагогика, 1991.
- ♦ Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благонадежиной. — М.: Педагогика, 1972.
- ♦ Практическая психология образования: Учебник для студентов высших и средних специальных учебных заведений / под ред. И.В. Дубровиной. — М.: ТЦ «Сфера», 1996.
- ♦ Преподавание психологии в школе, 3–11-й классы: Учеб.-метод. пособие / под ред. И.В. Дубровиной. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005.
- ♦ Психология: Учебно-методическое пособие, 3–11 классы / под ред. И.В. Дубровиной. В 9 кн. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1998–2005.
- ♦ Рабочая книга школьного психолога / под ред. И.В. Дубровиной. — М.: Просвещение, 1991.

Лаборатория научных основ психологического консультирования и психотерапии

Лаборатория научных основ психологического консультирования и психотерапии была создана в 1994 г. под руководством кандидата психологических наук, старшего научного сотрудника А.В. Сухарева. Основной и наиболее длительный период деятельности лаборатории связан с именем Ф.Е. Василюка. Он завершился в 2008 г., когда в должности руководителя его сменила Т.В. Снегирева. С 2012 г. заведующей лабораторией является Н.В. Кисельникова.

В первый состав научного коллектива лаборатории вошли сотрудники группы А.А. Бодалева — А.Ф. Копьев и Т.А. Флоренская, продолжившие здесь избранное ими направление исследований — диалогический подход в психотерапии и психологическом консультировании, а также ряд сотрудников из разных лабораторий института, занимавшихся вопросами психологического консультирования (Л.И. Воробьева,

Т.П. Гаврилова, Н.В. Самоукина и Т.В. Снегирева). Впоследствии состав лаборатории пополнила последовательница взглядов Т.А. Флоренской — М.Ю. Колпакова.

Нельзя не отметить, что долгое время лаборатория и факультет психологического консультирования МГППУ выступали как единая функциональная единица на основе общих программ исследования, общего периодически издаваемого сборника научных трудов по консультативной психологии и психотерапии, а также научного журнала «Консультативная психология и психотерапия» и постоянно действующего методологического семинара «Гуманитарная парадигма в психологии».

В лаборатории сложились и получили развитие следующие научные подходы и направления исследований в общем контексте разработки теоретико-методологических оснований и практических процедур психологического консультирования и психотерапии в рамках культурно-исторического подхода:

- понимающая психотерапия (Ф.Е. Василюк);
- философско-антропологическая оппозиция «Я — Другой» и ее практические аспекты в консультировании и психотерапии (А.Ф. Копьев);
- гуманитарная метапарадигма в современной психологии и психотерапии (Л.И. Воробьева);
- духовно ориентированный диалогический подход в психологии (М.Ю. Колпакова);
- вопросы теории и практики семейной психотерапии в современных условиях (Т.В. Снегирева);
- образно-символическое мышление как особый уровень и самостоятельная линия развития сознания (Т.В. Снегирева);
- психологическая помощь верующим как новый вид психологической консультативной практики (Т.П. Гаврилова).

Общей и объединяющей основой обширного спектра работы лаборатории является оригинальное понимание психотерапии. Психотерапия имеет дело с человеком как целостным существом, не сводимым к отдельным психическим функциям или социальным ролям. Целостность человека задается контекстом трех взаимосвязанных категорий — сознанием, культурой, практикой, каждая из которых апеллирует к определенной научной парадигме. Категория сознания предполагает опору на диалогическую, а также понимающую исследовательскую парадигму. Если во главу угла ставится культура, то акцентируется гуманитарная парадигма (особую значимость приобретают здесь категории смысла, переживания как формы бытия, ответственности, выбора). Категория практики, воплощаясь в конкретных формах и предполагая категории сознания и культуры, служит в равной мере и плацдармом исследований, и исследовательской методологией. Требует учета и природная этническая составляющая культуры, также апеллирующая к целостности человека в виде его этнокультурной идентичности.

В последние годы перед лабораторией встала особая задача проекции разработанных теоретических идей в плоскость подго-

товки специалистов в области психотерапии и психологического консультирования.

- ♦ *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания. — М.: МГУ, 1984. — 200 с.
- ♦ *Васильюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии (учебное пособие). — М., МГППУ: Смысл, 2003. — 240 с.
- ♦ *Васильюк Ф.Е.* Переживание и молитва. — М.: Смысл, 2005. — 92 с.
- ♦ *Васильюк Ф.Е.* Модель хронотопа психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 4. С. 26–48.
- ♦ *Воробьева Л.И.* Психотерапия как новая антропологическая практика // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 30–38.
- ♦ *Гаврилова Т.П.* Интеграция личности как цель психотерапевтической помощи верующим // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 3. С. 11–28.
- ♦ *Колмакова М.Ю.* Возможности микросемантического анализа в интерпретации результатов духовно-ориентированного диалога // Субъектный подход в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. — М.: ИП РАН, 2009. С. 554–567.
- ♦ *Копьев А.Ф.* О диалогической природе психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 93–101.
- ♦ *Снегирева Т.В.* «Добровольно бездетная» семья глазами семейного психолога. // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 99–109.
- ♦ *Сухарев А.В.* Психологический этнофункциональный подход к психической адаптации человека. Автореф. дисс. ... д. психол. н. — М.: 1999.
- ♦ Труды по психологическому консультированию и психотерапии. Вып. 1. Гуманитарные исследования в психотерапии. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2007.
- ♦ Труды по консультативной психологии и психотерапии. Вып. 2. Психотерапия. Сознание. Культура. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2009.

Группа психологии общения и реабилитации личности

В 1976 г. под руководством профессора А.А. Бодалева была создана лаборатория психологии общения в семье и школе, в составе которой работали известные психологи — исследователи и практики: Г.А. Ковалев и Р.Л. Кричевский (психология воздействия и социально-психологический тренинг); Т.А. Флоренская, Т.П. Гаврилова, А.Ф. Копьев (общение в психологической практике и психологическом консультировании); Ю.Б. Некрасова (восстановление нарушенного речевого общения) и др. Коллектив лаборатории стал координатором исследований по проблемам общения и социальной перцепции: были проведены Всесоюзные конференции в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Киеве, Барнауле, Гродно, Краснодаре, опубликованы сборники их материалов и монографии. В начале 1980-х гг. совместно с преподавателями

факультета психологии МГУ была создана первая в стране Служба психологической помощи населению.

В 1993 г. преемницей лаборатории стала научно-исследовательская группа психологии общения и реабилитации личности (руководитель — А.А. Бодалев, с 2002 г. — Н.Л. Карпова). Продолжись исследования по психологии общения (А.А. Бодалев, Н.Л. Карпова, Т.И. Пашукова) и организация конференций с публикацией материалов (Москва, 2000, 2006, 2009; Ростов-на-Дону, 2003). В исследованиях и практике получила дальнейшее развитие система групповой логопсихотерапии Ю.Б. Некрасовой в направлении семейной групповой логопсихотерапии (Н.Л. Карпова, Н.В. Кисельникова, А.А. Кисельников, М.М. Данина). Данная система рассматривается как модель социореабилитации и помогает понять протекание процесса общения в норме и при нарушениях, всесторонне исследовать сложный феномен заикания. С 2000 г. работа логопсихотерапевтических групп регулярно организуется в Москве, Таганроге, Самаре, Владивостоке и отмечена в конкурсе «Золотая Психея» (2006, 2009) и Дипломом Российского психологического общества (2012).

Сложилась новые направления исследований:

- Психология смысла жизни и акме (рук. В.Э. Чудновский, А.А. Бодалев). С 1995 г. ежегодно проводятся симпозиумы по данной проблематике, опубликовано 8 сборников докладов и тезисов выступлений, учебное пособие и избранные труды В.Э. Чудновского и А.А. Бодалева (лауреат конкурса «Золотая Психея» в номинации «Патриарх российской психологии», 2010), деятельность которых отмечена многими наградами, в т. ч. дипломами Российского психологического общества за служение науке (2012).
 - А.В. Суворов стал одним из организаторов движения «Совместная педагогика», в которое наряду с детьми-инвалидами вовлечены здоровые подростки и взрослые. Его деятельность отмечена многочисленными российскими и международными премиями и званиями, в т. ч. он — кавалер Детского Ордена Милосердия.
- ♦ *Бодалев А.А.* Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. — М.: Флинта: Наука, 1998. — 168 с.
 - ♦ *Бодалев А.А. Карпова Н.Л.* Практика психологии общения, развития и реабилитации личности / Московская психологическая школа: История и современность: в 3 т. — М.: ПИ РАО, МГППУ, 2004. Т.3. С. 343–363.
 - ♦ *Бодалев А.А.* Психология общения. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1996. — 256 с.
 - ♦ *Некрасова Ю.Б.* Лечение творчеством / под ред. Н.Л. Карповой. — М.: Смысл, 2006. — 223 с.
 - ♦ Психология общения: Энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. — М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011. — 600 с.

- ♦ Семейная групповая логопсихотерапия: исследование заикания / под ред. Н.Л. Карповой. — СПб.: Нестор-История, 2011. — 328 с.
- ♦ Смысл жизни, акме и профессиональное становление педагога: учебное пособие для студентов педагогических вузов / под ред. В.Э. Чудновского. — М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2008. — 532 с.
- ♦ Суворов А.В. Совместная педагогика: Курс лекций. — М.: Изд-во УРАО, 2001. — 224 с.
- ♦ Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни: Избранные труды. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. — 768 с.

Лаборатория психологических основ разработки школьных учебников

В 1962 г. в составе лаборатории проблем программированного обучения создана группа «Психологические проблемы построения школьных учебников» под руководством Г.Г. Граник. С 1975 г. группа существует как самостоятельное структурное подразделение, а в 2012 г. она преобразована в лабораторию.

Более сорока лет научный коллектив, возглавляемый действительным членом РАО, д. психол. н., профессором Г.Г. Граник, работает над созданием школьных учебников нового типа по русской филологии, основываясь при этом на оригинальной концептуальной позиции.

Проведены исследования психологических механизмов грамотной речи, приемов понимания и запоминания учебного и художественного текста, развития воссоздающего воображения, а также психологических основ интеграции учебных курсов русского языка и литературы. Определены основные принципы создания учебников нового типа по русскому языку и литературе: сопровождение всего учебного процесса; учет физиологической специфики возраста; учет психологических закономерностей понимания и запоминания изучаемого материала; нацеленность на развитие творческого и воссоздающего воображения; развитие самоконтроля и др. Разработаны два принципиально новых направления в педагогической психологии: 1) «Школьный учебник» (Г.Г. Граник, С.М. Бондаренко, Л.А. Концевая, Н.А. Борисенко, С.В. Шишкова); 2) «Школьное литературоведение на психологической основе» (Г.Г. Граник, Л.А. Концевая, К.В. Миронова). Результатом научных изысканий явились создание и апробация целостного курса «Русская филология» для I и II ступеней образования. Написаны свыше 50 учебников и учебных пособий по русскому языку, литературе, английскому языку, математике. 22 учебника имеют гриф Министерства образования и науки и входят в федеральный перечень учебников.

Основной целью школьного курса русской филологии является формирование у учащихся положительной познавательной мотивации; понимания лингвистических закономерностей; воспитание культурного

человека, свободно владеющего грамотной устной и письменной речью. В основу курса положены представления о функционировании психологических механизмов, общих для грамотного письма и восприятия художественной литературы: упреждение, удержание, прогнозирование, установка и т. д. Особое внимание уделяется проблеме работы учащихся с книгой.

Проведено исследование способов организации средствами учебника совместной коллективно-распределенной деятельности между учителем, учебником и учащимися. Учебник стал ведущим звеном полилога «учитель — учебник — ученики», в котором он выполняет функции организатора, регулятора, материального (текстового) обеспечения учебного процесса.

К числу исследований, проводимых в группе в настоящее время, относятся: разработка психолого-дидактических принципов и средств объединения учебных курсов литературы и истории, на основе которой создаются модели учебных книг о А.С. Пушкине и М.Ю. Лермонтове; учебников по русскому языку с компьютерной поддержкой и мультимедийных приложений к учебникам, позволяющих индивидуализировать процесс обучения, выстроить систему дистанционного обучения для разных групп учащихся. Реализация в учебниках и учебных книгах этих подходов соответствует перспективным направлениям гуманитарного образования и отражает его современные приоритеты.

- ♦ *Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А.* Секреты орфографии: Книга для учащихся. — М.: Просвещение, 1991. — 222 с.
- ♦ *Граник Г.Г., Концевая Л.А., Бондаренко С.М.* Как учить работать с книгой. — М.: НПО «Образование», 1995. — 255 с.
- ♦ *Граник Г.Г., Концевая Л.А., Бондаренко С.М., Владимирская Г.Н.* Речь, язык и секреты пунктуации: Книга для учащихся. — М.: Просвещение, 1995. — 351 с.
- ♦ Психологические проблемы построения школьных учебников / под ред. Г.Г. Граник. — М.: Просвещение, 1979. — 182 с.
- ♦ Психолого-дидактические основы создания учебников нового типа по русской филологии: Монография. — М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2007. — 200 с.

Научная библиотека Психологического института

С 1960 по 2005 г. библиотекой заведовала А.Н. Левшина. В 1967 г. на основе ее фондов был издан библиографический «Указатель литературы, выпущенной Институтом психологии за 50 лет (с 1917 по 1967 г.)», состоявший из шести выпусков, который включал все работы сотрудников Института. Работа была продолжена, и в 2004 г. на электронном диске был выпущен расширенный «Библиографический указатель работ сотрудников Психологического института РАО им. Л.Г. Щукиной (1917–2003 гг.)». Эта огромная работа была осуществлена силами научных сотрудников: Н.П. Линьковой, П.И. Размыслова и Г.А. Берези-

ной (публикации 1917–1967 гг.); Г.А. Вайзер, Т.И. Жуковой, И.В. Равич-Щербо, Л.И. Сула, Г.В. Шуковой (публикации 1967–2003 гг.). С начала 1970-х гг. работники библиотеки Института совместно с сотрудниками библиотеки им. К.Д. Ушинского АПН СССР включились во впервые развернутую деятельность по созданию библиотечно-библиографического классификатора по психологии, поскольку до этого времени системы классификации для психологии как самостоятельной отрасли научного знания не существовало. На протяжении более 30 лет продолжались систематизация богатейшего фонда библиотеки Психологического института и формирование поисковой базы по персоналиям, по тематическим, предметным и специальным указателям (Л.Н. Сула и А.Н. Левшина). В результате все библиотечные фонды были описаны по отраслям наук и созданы единый алфавитный предметно-систематический каталог и ряд специальных картотек: работы сотрудников института, диссертации, авторефераты, статьи из журналов по психологии («Вопросы психологии», «Психологический журнал», «Известия АПН», «Новые исследования в психологии») и др.; создана отдельная картотека психологической литературы с конца XIX в. на иностранных языках; положено начало созданию электронной базы данных библиотечного фонда Института.

К концу 1990-х гг. библиотека насчитывала свыше 95 000 названий, из них 56 000 книг и 33 000 журналов. В ее фондах — издания по психологии, философии, педагогике, физиологии, языкознанию, религии, социологии, математической статистике, истории, этнографии, искусству, политике, а также художественная литература, энциклопедии, справочники и, конечно, диссертации и авторефераты. Коллекция книг библиотеки постоянно пополнялась, в том числе и за счет даров организаций и частных лиц: щедрый дар был сделан странами — участницами XVIII Международного психологического Конгресса, проходившего в Москве (1966); наследниками были переданы почти полностью богатейшие библиотеки Б.М. Теплова, А.А. Смирнова, П.А. Шеварева, В.В. Чебышевой, В.Н. Пушкина, Е.Н. Кабановой-Меллер, С.М. Бондаренко и др. В пополнении библиотеки всегда принимали и до сегодняшнего дня принимают участие сотрудники Института и молодые ученые — воспитанники аспирантуры Психологического института.

С 2005 г. библиотекой руководит Н.И. Черкашина. С этого времени библиотека осуществляет новую для себя форму просветительской деятельности: в публикациях на страницах ежегодника «Альманах Научного архива Психологического института» Н.И. Черкашина знакомит читателей с раритетными изданиями книжного фонда библиотеки. В выпусках Альманаха ею уже были представлены книги с автографами отечественных психологов из личной библиотеки Г.И. Челпанова (экземпляры с автографами самого Георгия Ивановича, с дарственными надписями его учеников своему учителю и видных отечественных ученых); уникальные издания научных трудов В.В. Зеньковского, пять из которых отмечены дарственными надписями; редкие научные издания сотрудников Психологического института военных лет (1941–1945 гг.).

Эти раритеты обладают непреходящей историко-культурной и научной ценностью и составляют золотой фонд Научной библиотеки Психологического института.

«Земные» заботы Института возложены на плечи сотрудников **финансово-административно-хозяйственного отдела**, который с 1992 г. возглавляет Р.А. Саркисян. В трудное время 1990-х гг. в этой должности его утвердил Ученый совет. Свою кипучую деятельность новый зам. директора начал с того, что нашел, отреставрировал и возвратил на свое историческое место памятную доску, удостоверяющую дар коммерции советника С.И. Шукина и украшающую теперь как и прежде вестибюль Психологического института. Для восстановления первоначального внешнего облика здания Института его стараниями было обустроено парадное крыльцо и установлены фонари стиля пушкинского времени. Поддержание столетнего здания в рабочем состоянии требует значительных материальных затрат, и нелегкие задачи по ремонту фасада, укреплению фундамента, замене отопительной системы, водоснабжения и пр. и пр. Р.А. Саркисян успешно решает с помощью спонсорской поддержки фирм «С-Инструментс» и «Деловой центр на Моховой» — дружественных соседей Психологического института.

Психологический институт и Московское психологическое общество

Судьба МПО и Психологического института тесно взаимосвязаны. Деятельность МПО, объединившего в конце XIX в. все научные силы, работающие в области философии, психологии и смежных с ними дисциплинах, подготовила научную базу для создания Психологического института. В каком-то смысле Психологический институт — детище МПО, и МПО вот уже более 100 лет помещается именно в его стенах. Не случайно то, что основателем Психологического института стал ученик Н.Я. Грота и заместитель Л.М. Лопатина — Георгий Иванович Челпанов. После высылки в 1922 г. И.А. Ильина — последнего председателя МПО — общество было распущено. Однако традиции МПО сохранялись в Психологическом институте. Г.И. Челпанов был верен идеям, которыми руководствовались основатели Московского психологического общества, что философская образованность — необходимая составляющая профессионализма психолога, ибо без нее науке грозит профанация, философия заставляет психологов концептуализировать эмпирические факты и подвергать рефлексии те основания, на которых она строится. Сейчас мы с гордостью говорим, о том, что в стенах Челпановского института трудились и учились, учились и учили, находились в культурном общении выдающиеся представители нашего отечества, сохранившие традиции Московского психологического общества. Директор Института, ученик Г.И. Челпанова профессор А.А. Смирнов был инициатором организации Общества психологов

СССР. В 1957 г. он был избран первым президентом возрожденного Общества и долгие годы оставался постоянным членом его Центрального совета. Сотрудники Психологического института А.В. Запорожец и Н.А. Менчинская стали первыми председателями Московского отделения Общества психологов.

Уже более двадцати двух лет МПО возглавляет главный научный сотрудник ПИ РАО, руководитель группы диагностики творчества, почетный член РАО, руководитель научной школы профессор Д.Б. Богоявленская, которая настойчиво и последовательно даже в период распада СССР организовывала работу МПО, заседания которого по традиции проходили в Челпановской аудитории Института. В настоящее время МПО восстановило свою деятельность уже в рамках Российского психологического общества.

Систематически в Психологическом институте РАО проходят заседания 30 секций МПО. Большинство секций руководят сотрудники Института: заседания секции «Психология чтения» проходят под председательством Г.Г. Граник, секции «Дифференциальной психологии» — М.К. Кабардова, «Психологии общения» — Н.Л. Карповой, «Психогенетики» — С.Б. Малых, «Саморегуляции» — В.И. Моросановой, «Экопсихологии» — В.И. Панова, «Творчества и одаренности» — Д.Б. Богоявленской; Н.И. Чуприкова и Т.Д. Марцинковская являются соруководителями секции «Методологии и истории психологии».

Председатель МПО Д.Б. Богоявленская периодически (2004, 2006, 2008) подключает научно-практические конференции МПО по проблемам творчества и одаренности к проведению Челпановских чтений Института, принимающих размах международных. По уровню профессионализма, масштабности работы МПО является признанным лидером среди региональных отделений РПО. Это четко демонстрируют уже трижды проведенные в ПИ РАО юбилеи этого общества. Конференция, посвященная 125-летию юбилею МПО, по широте тематики — так, для проведения 40 симпозиумов пришлось воспользоваться аудиториями МГППУ, по количеству участников (их было более 1300 человек), — по высоте профессионализма прозвучавших докладов, достигла уровня научного съезда. Она стала органичной частью интеллектуальной и культурной жизни современной России. Юбилейная конференция МПО внесла большой вклад в реализацию важных и благородных воспитательных задач: празднование напомнило подрастающему поколению о великих предшественниках, на протяжении многих десятилетий прославлявших Россию. И заключительный «Круглый стол» на тему «Психология глазами философов», которым руководил академик В. Лекторский, был традиционно проведен в Челпановской аудитории Психологического института.

За вклад в сохранение и развитие психологической науки в числе награды МПО самая дорогая — медаль Челпанова I степени.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Итак, что было и остается стержнем в этом сложном и, казалось, таком уязвимом научном организме? Безусловно, — люди, поверившие и полюбившие психологию, и институт как храм, воздвигнутый в ее честь. Но все же главным стержнем исторического долголетия стал сам Психологический институт — научный центр психологической науки, культуры и образования, созданный профессором Георгием Ивановичем Челпановым. Этот рыцарь психологии заложил на Моховой добротный методологический фундамент всей отечественной психологии и четко определил ее внутреннюю и внешнюю иерархию. Поэтому задачи, поставленные им перед Институтом в 1914 г., и сегодня остаются актуальными: «Нужно принять меры к сохранению единства психологии. Такому объединению может способствовать институт, если в нем первенствующее место отводится общей психологии...». Анализировать подробно ход и результаты исследований — задача будущих историков психологической науки, однако не перестаешь удивляться тому, как сумел коллектив Института во всех перипетиях общественной жизни удержать фундаментальную научную проблематику, служа тем самым и реальной жизненной практике. Многого изменилось сегодня в нашем обществе, а Психологический институт как работал, так и работает на благо, в конечном счете, мальчишек и девчонок, а иногда — и вполне взрослых людей. Методологическое лицо института, которое он сохранял всегда, пусть и под вуалью преходящих идеологических транспарантов, делает возможным и сегодня нам продолжать заниматься Психологией.

Сегодня весь научный мир признает, что в Психологическом институте были созданы крупные отечественные научные школы, связанные с именами их основателей:

- Научная школа Г.И. Челпанова.
- Научная школа Л.С. Выготского — А.Р. Лурии — А.Н. Леонтьева.
- Научная школа Б.М. Теплова.

В научной школе Г.И.Челпанова во главу угла был поставлен комплексный подход, направленный на интеграцию общепсихологического и экспериментально-психологического знания при изучении психики; в школе Л.С. Выготского — А.Р. Лурии — А.Н. Леонтьева —

культурно-исторический подход и теория деятельности; в научной школе Б.М.Теплова — систематическое исследование физиологических основ индивидуально-психологических различий (дифференциальная психофизиология).

В развитие идей этих фундаментальных психологических школ в научных лабораториях Института оформился ряд крупных научных направлений, теорий и концепций, которые принесли мировую славу отечественной психологии.

- ♦ Теория онтогенеза познавательных действий (А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин).
- ♦ Теория общения в раннем возрасте (М.И. Лисина, Е.О. Смирнова).
- ♦ Теоретико-экспериментальная модель общих и специальных способностей и одаренности и их природных задатков (Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын, Э.А. Голубева, М.К. Кабардов).
- ♦ Концепция развития одаренности (В.М. Экземплярский, Б.М. Теплов, Н.С. Лейтес, А.М. Матюшкин, Е.И. Щербанова).
- ♦ Теория произвольного запоминания (А.А. Смирнов, В.И. Самохвалова, З.М. Истомина, Е.С. Махлах, С.А. Изюмова).
- ♦ Теория развития личности, процесс и условия ее формирования в детском возрасте (Л.И. Божович, Л.С. Славина, Н.Г. Морозова).
- ♦ Теория детского развития в ходе обучения (Н.А. Менчинская, Е.Д. Божович).
- ♦ Теория развивающего обучения (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов).
- ♦ Концепция оперативности психологического отражения (оперативного образа) и предметного действия (Д.А. Ошвенин).
- ♦ Теория трансцендентальной психологии восприятия (А.И. Миракян, Н.Л. Морина).
- ♦ Теория деятельностного опосредования развития личности и межличностных отношений (А.В. Петровский).
- ♦ Концепция психологической регуляции деятельности (О.А. Конопкин, В.И. Моросанова, О.К. Осницкий).
- ♦ Концепция современного детства (Д.И. Фельдштейн).
- ♦ Теория основ детской практической психологии (И.В. Дубровина).
- ♦ Теория социально-генетической психологии (В.В. Рубцов).
- ♦ Основы психогенетики (И.В. Равич-Щербо, С.Б. Малых, М.С. Егорова).
- ♦ Основы психодидактики (В.И. Панов).
- ♦ Коммуникативно-деятельностная концепция построения учебника (Г.Г. Граник).

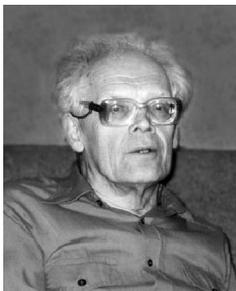
Крупнейшим вкладом в историю мировой психологии является зарождение и формирование в Институте с конца 1930-х гг. новой области научного знания: истории отечественной психологии (Н.А. Рыбников, В.В. Кардашев, В.А. Артемов, М.В. Соколов, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, А.В. Петровский, А.А. Никольская). В настоящее время исследование истории Московской психологической школы в актуальном аспекте

преемственности духовно-нравственных традиций отечественной науки в психологической школе Челпанова продолжают сотрудники Научного архива ФГНУ «Психологический институт» РАО (Е.П. Гусева, В.И. Козлов, О.Е. Серова).

Институт отличается особой аурой доброжелательности и уюта, которая всегда притягивала к нему многих незаурядных людей. Здесь желанными гостями были представители не только научной, но и художественной интеллигенции — музыканты, артисты, писатели, художники. Институт никогда не был убежищем для диссидентов или критиканов, но в нем всегда можно было вести открытые диспуты, организовывать интересные семинары, обсуждать злободневные общественные и научные темы. Уникальна его старинная Большая аудитория с прекрасной акустикой, в стенах которой сохранилась память о людях, которых мы сегодня называем цветом и гордостью отечественной и зарубежной науки — А.Ф. Лосеве, Г.Г. Шпете, Б.М. Теплове, А.А. Смирнове, С.Л. Рубинштейне, М.В. Соколове, Н.И. Жинкине, Л.В. Занкове, С.В. Кравкове, Д.А. Ошанине, К.Х. Кекчееве, Н.Н. Ладыгиной-Котс и многих-многих других. Всем памятны выступления философа М.К. Мамардашвили с изложением воззрений Декарта («картезианские размышления»), блистательные речи Э.В. Ильенкова. В конце 1970-х гг. в стенах Института происходило зарождение идей нового направления науки — трансцендентальной психологии — в ярких, захватывающих дискуссиях между А.И. Миракяном, В.В. Давыдовым, Ф.Т. Михайловым, А.С. Арсеньевым, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицким, Б.Ф. Ломовым, В.В. Рубцовым, А.А. Бодаевым, Ю.М. Забродиным, С.Д. Смирновым и другими философами и методологами.

Как показывает история Психологического института, быть его сотрудником — значит обрести гарантию творческого и профессионального долголетия. Вписана в исторические анналы удивительная научная судьба Константина Марковича Гуревича, встретившего в Институте свой 100-летний юбилей. Сегодня самые старшие сотрудники Института — *Таусия Николаевна Боркова, Алексей Александрович Бодаев, Виль Эммануилович Чудновский, Эра Александровна Голубева, Генриетта Григорьевна Граник, Наталия Ивановна Чуприкова, Ираида Сергеевна Якиманская, Диана Борисовна Богоявленская* — являются для всех нас символом безупречного служения психологической науке и продолжения доброй институтской традиции плодотворного научного многолетия.

За 100 лет своей истории Психологический институт, являясь органической частью московской психологической школы, создал себе прочную репутацию академического учреждения, где рождаются новые идеи, сохраняется преемственность научных школ и традиций, где теория и практика связаны воедино. Психологический институт РАО, продолжая свои лучшие традиции, является крупнейшим научно-исследовательским учреждением России, научные подразделения которого ведут широкомасштабные психологические исследования — от изучения фундаментальных проблем теории и исто-

Таисия Николаевна Боркова
Алексей Александрович Бодалев
Виль Эммануилович Чудновский

Эра Александровна Голубева
Генриетта Григорьевна Граник
Наталья Ивановна Чуприкова

Ираида Сергеевна Якиманская
Диана Борисовна Богоявленская

рии психологии, закономерностей развития и регуляции психики до практико-ориентированных разработок проблем развития человека в конкретных видах его деятельности (в общении, игре, учебной и профессиональной деятельности и др.).

«Приоритетные направления в работе института определяются социальным заказом на психологическое обеспечение обучения, развития и воспитания детей и взрослых в условиях сложно меняющегося общества, в условиях создания и поддержки эффективных систем лично-ориентированного образования, предназначенных для

100-ЛЕТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

различных контингентов обучаемых. Институт всегда находился в центре происходящего в отечественной психологической науке, был инициатором многих прогрессивных начинаний в теории и практике, готовил кадры для нашей страны и других государств»¹. В конце XX столетия именно Психологический институт, продолжая лучшие традиции отечественного образования и реализуя главную идею — интеграции академической науки и университетского образования, — заложенную основателем института Г.И. Челпановым, создал университетский комплекс «Психология» из НИИ и ВУЗа, который поставил на качественно новый уровень процесс подготовки психологов для всех типов современных образовательных учреждений и социальной сферы в целом (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1–5). Психологический институт является ядром этого комплекса, внутренним генератором стратегических идей, а все остальное, нарождаясь, укрепляет значимость развиваемых им научных теорий и наполняет пространство науки и образовательной практики по горизонтали и вертикали, формируя прочное основание для последующих свершений в науке и культуре, для разумного и гуманного дела всенародного просвещения.

¹ Рубцов В.В. Из истории становления Психологического института имени Л.Г. Шукиной // Альманах Научного архива Психологического института: Юбилейный выпуск к 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова. Вып. 5. — М.: ПИ РАО; МГППУ, 2012. С. 109.

Свое 100-летие Психологический институт
встречает в таком составе:

- Абрамова Е.И.
 Авдулова Т.П., к. псих. н.
 Адашкина А.А., к. псих. н.
 Азизов Э.К.
 Айрапетян И.Р.
 Акимова М.К., д. псих. н.
 Акованцева Л.И.
 Алексеева О.С.
 Аминов Н.А., к. псих. н.
 Андреева А.Д., к. псих. н.
 Антонова Е.С., д. п. н.
 Бабаян Г.В.
 Балашова Ю.Ю.
 Барский Ф.И., к. псих. н.
 Барцевич В.Н.
 Баскаева О.В.
 Бауэр Е.А., к. псих. н.
 Беданокова А.К.
 Белова А.П., к. псих. н.
 Белова Е.С., к. псих. н.
 Бибичкова И.М.
 Богоявленская Д.Б., почетный ака-
 демик РАО, д. псих. н.
 Бодалев А.А., действ. чл. РАО
 Божович Е.Д., к. псих. н.
 Бондаренко И.Н., к. псих. н.
 Боргоедова В.С.
 Борисенко Н.А., к. филол. н.
 Боркова Т.Н., к. псих. н.
 Бородинова А.А.
 Боякова Е.Л.
 Брендакова Л.В., к. псих. н.
 Бугрименко Е.А., к. псих. н.
 Вайзер Г.А., к. псих. н.
 Ванин А.В., к. псих. н.
 Варданян А.А.
 Василевская К.Н., к. псих. н.
 Васильев А.А.
 Васильева Е.Г.
 Василюк Ф.Е., д. псих. н.
 Владимирская Г.Н.
 Власенко Н.С.
 Власова О.Г., к. псих. н.
 Волкова С.А.
 Воробьев В.С., к. мед. н.
 Воробьева Л.И.
 Воронин И.А.
 Воронова А.А., к. псих. н.
 Вохмянина Т.В.
 Высоцкая Е.В., к. псих. н.
 Гаврилова Т.П., к. псих. н.
 Галигузова Л.Н., к. псих. н.
 Галина З.Н., к. псих. н.
 Гиндина Е.Д., к. псих. н.
 Голзицкая А.А.
 Голубева Н.А., к. псих. н.
 Голубева Э.А., д. псих. н.
 Гольшева З.В.
 Горбачева Е.И., д. псих. н.
 Горбов С.Ф.
 Граник Г.Г., действ. чл. РАО
 Гребенникова О.В., к. псих. н.
 Григорьева М.М.
 Гусева Е.П., к. псих. н.
 Гусельцева М.С., к. псих. н.
 Гуссак А.А.
 Данилова Е.Е., к. псих. н.
 Данина М.М., к. псих. н.
 Двойнишников В.А.
 Дубов И.Г., д. псих. н.
 Дубровина И.В., действ. чл. РАО
 Егорова А.А., к. псих. н.
 Егорова М.С., чл.-корр. РАО
 Жамбеева З.З., к. псих. н.
 Жуйков Ю.С.
 Жукова Е.С., к. псих. н.
 Зайцев С.В., к. псих. н.
 Зайцева Ю.В.
 Зак А.З., д. псих. н.
 Зархин В.Г., к. псих. н.
 Золотарев В.Л.
 Изотова Е.И., к. псих. н.
 Индина Т.А.
 Кабардов М.К., д. псих. н.
 Каекин О.В.
 Карпенко Л.А., к. псих. н.
 Карпова Н.Л., д. псих. н.
 Кисельников А.А.
 Кисельников А.А., к. псих. н.
 Кисельникова Н.В., к. псих. н.
 Кодесс П.Б., к. псих. н.
 Козлов В.И., к. псих. н.
 Козлова В.Т., к. псих. н.
 Козлова И.Е.
 Колесникова Л.Б.
 Колпакова М.Ю., к. псих. н.
 Кондратюк Н.Г., к. псих. н.
 Коновалов А.Н.
 Кончаловская М.М., к. псих. н.
 Копьев А.Ф., к. псих. н.
 Кортнева Ю.В., к. псих. н.
 Костяк Т.В., к. псих. н.
 Котова М.Б., к. псих. н.
 Коханович Е.В., к. псих. н.
 Краснова О.В., д. псих. н.
 Кудина Г.Н., к. псих. н.

- Курзикова Ю.А.
Лидская Э.В.
Лобаскова М.М., к. псих. н.
Локалова Н.П., к. псих. н.
Лубовский Д.В., к. псих. н.
Любцова У.А.
Малых С.Б., чл.-корр. РАО
Малых Т.Б.
Мангутова Н.Ю.
Марцинковская Т.Д., д. псих. н.
Марютина Т.М., д. псих. н.
Матисс Т.А., к. псих. н.
Мдивани М.О., к. псих. н.
Мелик-Пашаев А.А., д. псих. н.
Мешкова Т.А., к. псих. н.
Мещерякова С.Ю., к. псих. н.
Миронова К.В.
Митина Л.М., д. псих. н.
Михайлина Н.А.
Михайличенко Г.Н.
Михайлов А.Ю.
Михайлова Т.А.
Михина Е.А.
Морина Н.Л., к. псих. н.
Моросанова В.И., д. псих. н.
Москвитина О.А., к. псих. н.
Начевник И.Н.
Низамова Е.С.
Новлянская З.Н., к. псих. н.
Носова Е.П., к. псих. н.
Обознов А.А., д. псих. н.
Обухова О.Л.
Овчарова О.Н.
Осадчева И.И., к. псих. н.
Осницкий А.К., д. псих. н.
Панов В.И., чл.-корр. РАО
Пархоменко А.Н.
Паршикова О.В., к. псих. н.
Пашукова Т.И., д. псих. н.
Пересунько Т.Ф.
Поливанова К.Н., д. псих. н.
Поливанова Н.И., к. псих. н.
Половинская Ю.Б.
Попова И.В.
Попова Т.А., к. псих. н.
Посикера И.Н., к. биол. н.
Прихожан А.М., д. псих. н.
Прокофьев А.О., к. псих. н.
Пускаева Т.Д., к. псих. н.
Пушина Н.П., к. псих. н.
Пьянкова С.Д., к. псих. н.
Раевская Т.Г.
Рейстерман Х.М.
Ривина И.В., к. псих. н.
Романенко Р.А.
Рубцов В.В., действ. чл. РАО
Рубцова Л.В.
Сараев С.А.
Саркисян Р.А.
Семенцова Л.В.
Семенюк Л.М., д. псих. н.
Серова О.Е., к. псих. н.
Сидиков В.А.
Симакова И.Н., к. биол. н.
Смирнов Л.М., к. псих. н.
Смирнова Е.О., д. псих. н.
Снегирева Т.В., к. псих. н.
Соболева О.В., д. псих. н.
Соколова М.В., к. псих. н.
Солнцева Е.Е.
Солодкова А.В.
Сорокина О.А., к. псих. н.
Строганова Т.А., д. биол. н.
Суворов А.В., д. псих. н.
Сула Л.Н.
Сычевой М.Д.
Терентьева Н.Г.
Тихомирова И.В., к. псих. н.
Тихомирова Т.Н., к. псих. н.
Торопова А.М., д. п. н.
Трушина Н.Н.
Уварина Е.Ю., к. псих. н.
Улановская И.М., к. псих. н.
Ференс Н.А.
Филиппова Е.В.
Фомина Т.Г., к. псих. н.
Фоминых А.Я.
Хасанбеев Ш.Р., к. псих. н.
Хвостов А.А., д. псих. н.
Холмогорова В.М., к. псих. н.
Хузеева Г.Р., к. псих. н.
Цукерман Г.А., д. псих. н.
Черкасава О.Д.
Черкашина Н.И.
Черткова Ю.Д., к. псих. н.
Чистякова Г.Д., к. псих. н.
Чудновский В.Э., д. псих. н.
Чуприкова Н.И., д. псих. н.
Шавырина Г.В., к. псих. н.
Шатохина И.В.
Шишкова С.В.
Шукова Г.В., к. псих. н.
Шурин И.А.
Щебланова Е.И., д. псих. н.
Щербакова Е.Г.
Эльконин Б.Д., д. псих. н.
Юдина О.Н., к. псих. н.
Якиманская И.С., д. псих. н.
Якимчук О.А.
Янишевская М.А., к. псих. н.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Итоги работы и перспективы развития научно-образовательного комплекса «Психология» на базе ФГНУ «Психологический институт» РАО и Московского городского психолого-педагогического университета¹

Общая характеристика, цели и задачи научно-образовательного комплекса «Психология». Научно-образовательный комплекс (НОК) «Психология» — современный центр интеграции академической науки, университетского образования, практики. Создан на основе объединения ФГНУ «Психологический институт» РАО (ПИ РАО) и Московского городского психолого-педагогического университета (МГППУ) (Решение Коллегии МКО от 23.07.1998 г., протокол № 13, решение Бюро Президиума РАО от 07.04.1999 г., протокол № 5, решение Бюро Президиума РАО от 29.09.2004 г. протокол № 5, решение Президиума РАО от 27.05.2009 г.).

Его основными задачами являются:

- ♦ методологическое обеспечение содержательной интеграции психологической науки, образования и практики;
- ♦ организация фундаментальных исследовательских разработок в области психологии;
- ♦ создание основ деятельностной педагогики (психодидактики);
- ♦ создание целостной системы непрерывного психологического образования, основанного на содержании ведущих научных школ и отвечающего требованиям стандартов ВПО третьего поколения;
- ♦ разработка практико-ориентированных моделей подготовки психологов в условиях модернизации образования;
- ♦ внедрение инновационных моделей развивающего образования в практику, обеспечивающих обучение и развитие различных контингентов детей;
- ♦ создание единого информационно-методического пространства в области психологии образования на региональном и федеральном уровнях;
- ♦ создание эффективно действующей Службы практической психологии образования.

Решение указанных задач обеспечивается возможностями научного, научно-методического, кадрового, информационного ресурсов ПИ РАО и МГППУ, образующих НОК «Психология как современное сетевое объединение».

За пятнадцать лет существования, с момента основания и по настоящее время, выросли приведенные (в удельном отношении) показатели деятельности МГППУ. Изменилась общая направленность этой деятельности. Сейчас Университет готовит психологов уже не только для системы образования, но и для различных областей социальной практики, осуществляет психологическую подготовку специалистов для различных видов и типов деятельности (в том числе для силовых ведомств и для работы в чрезвычайных и экстремальных ситуациях и др.). Все это позиционирует МГППУ как уникальный ВУЗ психологического профиля, то есть по существу как первый в России психологический университет. В настоящее время он становится одним из наиболее востребованных вузов страны, о чем свидетельствует высокий конкурс абитуриентов (в среднем до 5 человек на 1 место в последние годы). В его стенах обучаются свыше шести с половиной тысяч студентов и аспирантов.

Университет прочно укоренен в традиции отечественной психологической науки, так как основан на базе Психологического института им. Л.Г. Шукиной. Московская психологическая школа, созданная трудами замечательных отечественных ученых — Г.И. Челпанова, А.Ф. Лосева, Н.А. Бердяева, Г.Г. Шпета, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова, Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова и других, — стала мощным фундаментом для создания системы психологического образования в МГППУ*.

В развитии психологической науки и психологического образования в России, психологического просвещения и психологической культуры населения Университет видит свою *основную миссию*. Ею определяется *стратегия* деятельности Университета, как важнейшего действующего звена НОК:

- ♦ создание новой методологии высшего психологического образования, разработка основ инновационной университетской педагогики;
- ♦ формирование современных моделей профессиональной деятельности психолога в различных видах социальной практики;
- ♦ подготовка профессионала нового типа — практического психолога, получившего фундаментальную теоретическую подготовку, оснащенного современными методами исследования и технологиями практической работы, способного понимать

* За комплекс научных трудов «Московская психологическая школа: наука, образование, практика» авторский коллектив в составе В.В. Рубцов (научный руководитель), Е.Д. Божович, Л.П. Кезина, Л.М. Митина, Е.Н. Поливанова, И.В. Равич-Щербо, Н.И. Чуприкова, И.С. Якиманская удостоены премии Правительства РФ в области образования (2007).

и профессионально решать жизненно важные проблемы в различных видах деятельности человека;

- ♦ создание системы психологического обеспечения образования и социальной сферы региона, ресурсное обеспечение психологической службы образования.

Заданная рамками этой стратегии перспективная *программа развития* ВУЗа, сопряженная с основной стратегией развития ПИ РАО, опирается на следующие принципы:

- ♦ интеграция науки, образования, практики;
- ♦ соединение традиций естественнонаучного подхода в психологии с философско-гуманитарным подходом;
- ♦ создание системы многоуровневого непрерывного образования;
- ♦ обучение на основе гибких, динамичных, способных к перестройке образовательных модулей, чувствительных к изменениям социальной ситуации;
- ♦ проведение учебной и научной работы на собственных экспериментальных площадках; формирование технопарка на базе Университетского округа;
- ♦ индивидуально ориентированный подход к подготовке студентов, развитие учебных творческих мастерских;
- ♦ воспитание ответственности за свою профессиональную деятельность с опорой на этический кодекс психолога.

Практической основой выполнения этой программы является сеть научно-практических центров МГППУ, организованных в систему, которая является распределенной стажировочной площадкой (базой практик) — клинической базой университета.

Центр «Экспериментальная психология» (руководитель В.А. Барбанщиков). Проводит системное изучение закономерностей организации познавательных процессов в деятельности и общении: экспериментальное исследование общения в ситуациях использования современных коммуникационных технологий, экспериментальное исследование по изучению связи между пониманием и эмоциональной оценкой акустического события человеком, изучению акустических событий, различающихся способом кодирования записи. Исследования поддержаны грантом МОН РФ ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры», Федеральным агентством по науке и инновациям (проект «Микродинамика межличностного восприятия»).

Центр нейро-когнитивных исследований (МЭГ-центр) (руководитель Т.А. Строганова). Центр оборудован уникальной установкой, (магнитоэнцефалографом), установленной в России впервые. Исследования на базе этого Центра также поддержаны МОН РФ. В рамках приоритетных направлений развития научно-технологического

комплекса Федеральной целевой программы проводится исследование «Пространственно-временное картирование мозга человека при помощи уникального метода магнитоэнцефалографии с использованием УСУ “МЭГ-центр”, оснащенного единственной в РФ магнитоэнцефалографической системой Vectorview (Elekta Neuromag)». Центр включен в выполнение ряда авторитетных международных программ и проектов (Финляндия, США и др.).

Научно-образовательный центр «Нейробиологическая диагностика наследственных психических заболеваний детей и подростков» (руководитель Н.Л. Горбачевская). В Центре проводится разработка и внедрение протокола психологического и нейрофизиологического обследования детей и подростков с наследственными психическими заболеваниями. Разработан новый подход к изучению когнитивных возможностей детей с выраженным нарушением развития. Выявлены закономерности зрительного опознания и контроля действия у детей с аутизмом, показана специфическая стратегия опознания, построенная на сочетании нарушенных и усиленных способностей.

Московский городской Центр психолого-педагогической экспертизы (руководитель Е.О. Смирнова). Основная задача деятельности Центра — проведение психолого-педагогической экспертизы игрушек, игр, литературы, видео- и медиа-продукции для детей. Сотрудниками Центра разработаны концепция и уникальная технология психолого-педагогической экспертизы игр и игрушек для детей. Выработаны критерии, в соответствии с которыми каждая игрушка проходит проверку, по ее результатам игрушке может быть присвоен знак качества «Детские психологи рекомендуют». Выпускается ежегодный каталог с лучшими игрушками. Запущен новый самостоятельный интернет-проект «Детская игрушка», посвященный выбору игрушек и обустройству детских комнат в разных возрастах. На базе Центра работает учебная программа «Игра и игрушка в работе педагога и психолога», которая предназначена для подготовки специалистов высшей квалификации в области игры и игрушки. Созданы новые учебные программы «Игры для детей раннего возраста» для воспитателей и программа учебно-практических занятий для родителей.

Городской ресурсный центр одаренности (руководитель В.С. Юркевич). Создан для разработки методов выявления и развития детской одаренности. Совместная деятельность этого Центра с лабораторией одаренности ПИ РАО имеет важное значение для реализации президентской программы «Формирование национальной системы выявления, поддержки и сопровождения одаренных детей и молодежи». Задачами центра являются:

- ♦ исследование условий, способствующих развитию одаренности;
- ♦ разработка методов выявления одаренности;

- ♦ разработка и внедрение эффективных образовательных технологий, способствующих развитию одаренности;
- ♦ исследование процессов личностного становления и самоактуализации одаренных детей;
- ♦ выявление особенностей работы педагогов и психологов с одаренными детьми;
- ♦ экспертная оценка результатов образовательных программ для одаренных детей и молодежи.

Центр возрастно-психологического консультирования (руководитель Н.Н. Авдеева). Целью деятельности Центра является создание специализированного практикума и учебной консультации по возрастно-психологическому консультированию детей дошкольного и младшего школьного возраста, ориентированного на совершенствование практической подготовки студентов по специализации «Возрастная психология». Создан банк методов диагностики и коррекционной работы, позволяющих эффективно работать с детьми различных возрастов, проводится психолого-педагогическое просвещение родителей по возрастным проблемам обучения, воспитания и развития детей, а также профилактике нарушений личностного развития.

Учебный центр специализации по клинической психологии раннего детства (руководитель А.М. Казьмин). В центре разрабатываются компьютерные методики психологического обследования детей раннего и дошкольного возраста, программы психологического сопровождения семьи ребенка с нарушением развития. Разработанные методики внедряются в деятельность специалистов служб ранней помощи, лекотек и инклюзивных групп детских садов.

Целью деятельности этого Центра являются:

- ♦ материально-техническое и методическое обеспечение образовательного процесса, научно-практической деятельности студентов и аспирантов;
- ♦ проведение обучения студентов по специализации «клиническая психология раннего детства» и специалистов города Москвы, работающих в сфере оказания психолого-педагогической помощи семьям, воспитывающим детей от 0 до 7 лет с нарушениями развития.

Ресурсный центр по психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья (руководитель А.М. Щербакова). Целью деятельности Центра является ресурсная поддержка субъектов процесса психологической реабилитации:

- ♦ информационная, методическая и консультативная поддержка психологов-реабилитологов, а также студентов, специализирующихся в области психологической реабилитации, поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья;

- ♦ формирование профессионального сообщества психологов-реабилитологов; создание службы on-line консультирования молодых специалистов;
- ♦ расширение партнерских отношений с учреждениями различных ведомств, а также с общественными организациями, работающими в сфере реабилитации лиц с ОВЗ.

Особое внимание в МГППУ уделяется обучению студентов с ограниченными возможностями здоровья, включая протраивание научно обоснованной системы подготовки специалистов, способных работать с этим сложным контингентом детей. Для этого в Университете созданы факультет информационных технологий и факультет дистанционного обучения, где получают высшее профессиональное образование дети-инвалиды (88 человек — незрячие, слабовидящие и с нарушениями опорно-двигательного аппарата студенты, кроме того 50 человек обучаются по дистанционной форме).

Межведомственное сотрудничество Университета — важный принцип развития психологического образования в МГППУ. Совместно с Государственным Национальным центром социальной и судебной психиатрии им. Сербского Минздравсоцразвития России в Университете создан факультет юридической психологии (2004 г.). Совместно с Управлением МЧС России по городу Москве организован факультет государственного и муниципального управления (2005 г.).

В целях создания эффективной системы психологической помощи населению Университетом и ПИ РАО совместно с Департаментом образования города Москвы создана Городская служба «Детский телефон доверия». Совместно с Департаментом социальной защиты населения г. Москвы разработана и действует Программа работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Совместно с Федеральной службой исполнения наказаний созданы Программа подготовки специалистов и Программа работы с подростками, находящимися в школах открытого и закрытого типа, в частности, успешно осуществляется работа в специализированной школе закрытого типа «Шанс». Создан Межведомственный ресурсный центр мониторинга и экспертизы комплексной безопасности образовательной среды МГППУ (2011 г.).

В Университете создана и эффективно работает уникальная международная кафедра культурно-исторической психологии, сохраняющая наследие отечественной научной школы и ее высокий авторитет на международном уровне. При активном участии этой кафедры проведены международные конференции и исполком Международной ассоциации исследователей коммуникации и деятельности — ISCAR (Москва, 2006; Сан-Диего, 2008; Рим, 2011). Россия входит в состав Исполкома ISCAR среди 10 ведущих стран мира. В 2012 г. на базе этой кафедры создана Международная кафедра ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства».

В рамках НОК «Психология» издается семь научных и научно-практических журналов, три из которых входят в перечень журналов

и утверждены ВАК РФ. Среди них «Экспериментальная психология», «Психологическая наука и образование» (издается также электронная версия журнала), «Московский психотерапевтический журнал».

Основные результаты деятельности научно-образовательного комплекса «Психология». Основные результаты деятельности НОК «Психология» представлены результатами 2-х основных проектов. Это — инновационная образовательная программа (ИОП) МГППУ «Формирование системы психологического образования в университете как базовом ресурсном центре практической психологии». Проект победил в конкурсе инновационных программ высшего профессионального образования приоритетного Национального проекта «Образование» (2007–2008 гг.).

Следующий проект — проект ФГОС ВПО третьего поколения по направлению «Психолого-педагогическое образование» (050400). В рамках этого проекта МГППУ совместно со специалистами ПИ РАО, ИП РАН, факультетом психологии МГУ при поддержке Президиума РАО на основе деятельностного подхода разработана двухуровневая система подготовки психологов образования, воспитателей ДОУ, учителей начальных классов, социальных педагогов и др. По своим теоретическим принципам стандарт ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование» сопряжен с разработанным РАО стандартом общего образования, что делает его исключительно значимым при организации на деятельностной основе системы адресной подготовки, повышения квалификации, профессиональной переподготовки нового поколения педагогов и психологов, способных на практике реализовать Национальную инициативу «Наша новая школа».

Кратко результаты выполнения названных проектов состоят в следующем:

1. Выполнение и внедрение инновационной образовательной программы в МГППУ привело к формированию принципиально новой по существу системы психолого-педагогического образования, обеспечивающей качественно новый по содержанию и ресурсному обеспечению уровень профессиональной подготовки специалистов.
2. Ожидаемый в данном случае масштаб влияния программы на систему психолого-педагогического образования достигнут за счет:
 - ♦ разработки системы адресных образовательных программ, определяющих подготовку психологов различных направлений и специальностей на уровне современных международных стандартов и обеспечивающих формирование специалистов, способных к профессиональной деятельности в различных сферах социальной практики;
 - ♦ целенаправленной интеграции науки, образования, практики на базе ведущих научных школ, что определяет высокий стандарт практико-ориентированной подготовки будущих специалистов;
 - ♦ создания базиса современного информационного обеспечения системы психологического образования на основе новых инфор-

мационных технологий и электронных средств, позволяющих существенно оптимизировать профессиональную подготовку практических психологов;

- ♦ развития междисциплинарных образовательных программ и научно-исследовательской кооперации Университета с учреждениями РАН, РАО, РАМН, ведущими ВУЗами России на общей информационной и технико-технологической основе, что фактически привело к разработке на базе МГППУ совместного с учреждениями и организациями указанных ведомств *межотраслевого ресурсного центра фундаментальных и прикладных исследований* в области психолого-педагогических проблем современной социальной практики;
 - ♦ разработки концепций и реализации программ межведомственного взаимодействия (на региональном и федеральном уровне). Эта работа позволила обеспечить координацию усилий психологов различных ведомств при решении актуальных задач социальной практики, создании специализированных ресурсных центров коллективного пользования. На этой основе обеспечиваются:
 - психологическая поддержка и реабилитация лиц с ОВЗ;
 - экстренная психологическая помощь населению;
 - работа Городского центра «Детский психологический телефон доверия»;
 - работа в чрезвычайных и экстремальных ситуациях;
 - решение проблем социальной адаптации детей-мигрантов и их семей;
 - помощь детям, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях;
 - помощь детям-сиротам и детям-инвалидам.
3. Создаваемые в рамках инновационной образовательной программы научный, научно-методический, информационный, технико-технологический и кадровый ресурсы НОК «Психология» делают его действующим *национальным ресурсным центром практической психологии*. При этом реальные достижения от реализации инновационной программы доступны и применяются всей системой образования Российской Федерации.
4. Масштаб этих достижений определяется тем, что в рамках Программы удалось обеспечить:
- ♦ качественный скачок в развитии содержания и форм высшего психологического образования;
 - ♦ преодоление разрыва между требованиями, предъявляемыми к профессионалу со стороны рынка труда, и существующим сегодня уровнем подготовки специалиста-психолога;
 - ♦ подготовку психологов различных направлений и профилей на уровне современных международных стандартов, обеспечивающих формирование специалистов, способных к профессиональной деятельности в различных сферах социальной практики;

- ♦ разработку на основе современных психологических технологий эффективных средств управления человеческими ресурсами, востребованных в условиях социальных перемен, создание системы психологического сопровождения образования столичного региона;
 - ♦ повышение психологической компетентности всех участников образовательного процесса, оказание адресной психологической помощи всем категориям населения;
 - ♦ эффективное взаимодействие между психологией и обществом: повышение востребованности психологического знания при решении актуальных проблем социальной практики, особенно востребованного в условиях рисков и социальных перемен.
5. В результате выполнения ИОП Университет по существу превратился в ведущий исследовательский психологический университет. В МГППУ на основе реализации принципа интеграции науки, образования и практики разработаны и введены в действие:
- ♦ сеть специализированных научно-образовательных центров и центров коллективного пользования в содружестве с научными институтами РАН (ИП, ИРЭ), учреждениями РАО, институтами и научными центрами РАМН (НИЦПЗ);
 - ♦ система уникальных спецпрактикумов для подготовки психологов на базе созданных в ходе реализации ИОП современных научных лабораторий;
 - ♦ пять новых основных образовательных программ магистерской подготовки с учетом и совместно с зарубежными партнерами (США, Швейцария, Болгария, Италия, Франция);
 - ♦ программа последипломного сопровождения выпускников и молодых специалистов как возможная модель супервизии и интернатуры;
 - ♦ на основе новейших информационных технологий и адресного использования интернет-порталов разработана и введена в действие система повышения психологической грамотности населения Московского региона, рассчитанная на всех участников образовательного процесса (детей, родителей, педагогов и администраторов образования). В 2010–2011 гг. интернет-порталы Университета посетили более 2 млн человек.
6. МГППУ совместно с ПИ РАО, другими учреждениями и организациями, в первую очередь с Федерацией психологов образования России, разработана и действует Концепция развития практической психологии образования в Российской Федерации. Эта Концепция прошла публичное обсуждение на IV Съезде психологов образования России (8–12 декабря 2008 г.), была одобрена и утверждена Съездом Федерации психологов образования России и представлена в Минобрнауки РФ.
7. МГППУ, опираясь на результаты ИОП, явился одним из основных разработчиков программы модернизации психолого-педагогического образования России. В содружестве с вузами Москвы,

- ПИ РАО, ИП РАН, другими инновационными педагогическими вузами, академическими институтами и профессиональными сообществами Университет разработал и внедряет ФГОС ВПО третьего поколения по направлению «Психолого-педагогическое образование» (050400). Этот стандарт впервые разработан на основе деятельностного подхода по своим теоретическим основаниям и сопряжен с разработанным РАО ГОС общего среднего образования.
8. В целях эффективного внедрения нового ФГОС ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование» в соответствии с действующим законодательством Приказом Минобрнауки № 1114 от 3 ноября 2010 г. на базе МГППУ создано и действует Учебно-методическое объединение (УМО) по направлению, в состав которого входят 57 ведущих педагогических университетов и вузов России. К работе данного УМО подключены образовательные учреждения различных типов и видов.

Академик РАО, директор ФГНУ «Психологический институт» РАО, ректор Московского городского психолого-педагогического университета *В.В. Рубцов*

¹ Доклад академика РАО В.В. Рубцова на заседании Президиума РАО 4 апреля 2012 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Отзыв о деятельности ФГНУ «Психологический институт» РАО по материалам «О состоянии и перспективах развития научных исследований в ФГНУ «Психологический институт» РАО, представленным для обсуждения на заседании Президиума РАО

Представленные для обсуждения материалы всесторонне отражают приоритетные направления исследований, основные результаты и перспективы деятельности ФГНУ «Психологический институт» РАО — крупнейшего в стране и в мире центра научной и практической психологии. Развернутый анализ этих направлений, результатов и перспектив позволяет заключить, что на сегодняшний день Психологический институт в полной мере выполняет актуальные фундаментальные и прикладные исследования в различных областях психологии, осуществляет интегрированный подход в изучении психического развития растущего человека, владеет принципиально новыми данными о современном ребенке и детстве в целом. Институт располагает системой новых знаний об общих закономерностях и индивидуальных особенностях развития современных детей в процессе обучения и воспитания на разных этапах онтогенеза, что позволяет эффективно решать актуальные проблемы модернизации образования и социальной практики.

Особую актуальность представляют разработанные образцы психолого-педагогического обеспечения процесса введения нового стандарта общего (начального) образования, основанные на принципах деятельностного подхода. Это прежде всего модели и технологии формирования универсальных учебных действий, экспериментальные образцы психолого-педагогической диагностики метапредметных компетенций и личностных образовательных результатов учащихся. Названные разработки имеют принципиальное значение для развития основ современной деятельностной педагогики, заложенной выдающимися трудами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова.

Следует специально отметить как значительный вклад в развитие психологической науки и образования в России создание на базе ФГНУ «Психологический институт» РАО и Московского городского психолого-педагогического университета (МГППУ) современного

сетевого объединения — Научно-образовательного комплекса (НОК) «Психология». В рамках этого уникального центра науки и образования проведена многоплановая работа по организации, взаимодействию и объединению основных направлений деятельности данных учреждений — научного и образовательного, по сохранению ведущих научных школ отечественной психологии, развитию межведомственного подхода в решении актуальных проблем фундаментальной науки, модернизации психолого-педагогического образования, решению проблем построения новой школы. Мы являемся свидетелями того уникального события, когда в условиях взаимодействия двух учреждений — научного и образовательного — ведется поиск эффективных путей интеграции фундаментальной психологической науки и образования, разрабатываются деятельностные модели психолого-педагогического сопровождения новых образовательных стандартов общего образования, создаются методы и методики, направленные на создание благоприятной ситуации развития детей, осуществляется разработка многоуровневых программ непрерывного образования, внедряется система подготовки, повышения квалификации, переподготовки профессиональных психологов для различных отраслей социальной практики на основе разработанного ПИ РАО и МГППУ ФГОС ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование», отрабатываются инновационные модели Службы практической психологии образования.

В целом следует высоко оценить деятельность ФГУН «Психологический институт» РАО, в первую очередь высокую актуальность, научную новизну и практическую значимость проводимых исследований и разработок. Признать при этом наиболее значимыми результатами интеграции науки, образования, практики — успешное выполнение МГППУ и ПИ РАО инновационной образовательной программы «Формирование системы психологического образования в университете как базовом ресурсном центре практической психологии» (2007–2008 гг.); разработку и внедрение системы двухуровневой подготовки педагогических кадров, реализованную в соответствии с требованиями Федерального конкурса проектов на разработку стандартов ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование» (050400); создание на базе МГППУ соответствующего Учебно-методического объединения (УМО; 2010 г.) — как действующей сетевой формы модернизации системы педобразования на основе деятельностного подхода.

Действительный член РАО,
доктор психологических наук,
профессор А.Г. Асмолов

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Рецензия на сообщение академика РАО В.В. Рубцова «О состоянии и перспективах развития научных исследований в Учреждении РАО “Психологический институт”»

В справке о состоянии и перспективах развития научных исследований представлены приоритетные направления Института, которые охватывают широкий спектр проблем — от изучения фундаментальных психологических проблем до практико-ориентированных разработок, актуальных для современного образования. Эти актуальные проблемы сформулированы в 4 проектах, выполняемых Институтом в рамках программы фундаментальных исследований РАО. В ходе выполнения этих проектов коллективом института разработан интегрированный подход к анализу психического развития растущего человека. Следует отметить, что методологические подходы, которые складывались на протяжении столетней истории, определяют своеобразие научного подхода Психологического института, и прежде всего, это — объединение гуманитарной и естественнонаучной парадигм в психологической науке.

В Психологическом институте сложились крупные отечественные научные психологические школы, имеющие мировое значение — школа Г.И. Челпанова, школа Л.С. Выготского — А.Р. Лурии — А.Н. Леонтьева, школа Б.М. Теплова. На их основе сложились оригинальные научные направления и концепции, такие как теория онтогенеза познавательных действий (А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин), теория развивающего обучения (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов) и другие, которые стали методологическим ядром современной российской психологии.

Понимание исключительной важности знания фундаментальных психологических механизмов для решения прикладных психологических задач — один из важнейших принципов построения всей системы научно-исследовательской работы Института, который определяет практическую направленность его деятельности.

Представленная справка отражает особенности основания и развития института. В ней даны характеристики общего состояния Института (кадровый состав, организационная структура, информационная

база и др.), определены основные направления его научной и научно-практической деятельности, сформулированы перспективы развития фундаментальных и прикладных исследований. Следует отметить, что коллектив Института не замыкается только в своих рамках, а широко привлекает ведущие российские и зарубежные научные и образовательные учреждения к совместным исследованиям наиболее актуальных проблем современной психологии.

По существу из содержания справки вытекают следующие выводы:

- ♦ Психологический институт был и остается важнейшим центром психологической науки, образования, практики.
- ♦ Психологический институт РАО является центром подготовки профессиональных кадров высшей квалификации.
- ♦ Психологический институт РАО играет важную роль в решении проблем психолого-педагогического обеспечения модернизации образования, прежде всего в психологическом сопровождении образования.

Важным направлением деятельности Института является интеграция науки, образования и практики, которая имеет место в рамках научно-образовательного комплекса «Психология». В настоящее время такого рода интеграция является эффективным путем сохранения фундаментальной науки и обеспечения высокой планки образовательной практики.

Действительный член РАО
М.М. Безруких

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Рецензия на справку о состоянии и перспективах развития научных исследований в ФГНУ «Психологический институт» РАО академика РАО, доктора психологических наук, директора ФГНУ «Психологический институт» РАО В.В. Рубцова

В представленной справке обоснованы основные научные и гражданские позиции Института, определяющие актуальность выбора приоритетных направлений исследований психологии современного детства и психологического сопровождения образовательного процесса. Аргументированно показано, что этот выбор отвечает потребностям современного этапа развития отечественной системы образования. Раскрыты идеология, содержание, конкретные цели, направления и основные результаты научно-исследовательской деятельности ФГНУ «Психологический институт» РАО (ПИ РАО), обоснованы перспективы ее развития.

В справке представлены промежуточные итоги приоритетных для института направлений исследований, объединенных в 10 исследовательских проектов, которые обращены как к фундаментальной, так и к прикладной проблематике. Следует отметить как весомое достижение института то, что в современных — весьма непростых — условиях положения науки в России его научные коллективы не отказываются от отечественных научных традиций и стремятся сохранить максимум фундаментальности в своей работе. Именно поэтому результаты научно-исследовательской работы Психологического института являются одним из научных оснований модернизации отечественной системы образования во всех ее аспектах — от разработки новых стандартов образования до психологической подготовки учителя, соответствующего требованиям современного общества.

Очень интересна и заслуживает внимания и одобрения инициатива ПИ РАО по созданию научно-образовательных центров. Таких центров у института два: «Психогенетика» (руководитель С.Б. Малых) и «Психодидактика» (руководитель В.И. Панов). Задачами центров являются обеспечение взаимодействия фундаментальной и прикладной науки с образовательным процессом, интеграция и координация усилий учебного и научного потенциала научных и образовательных

учреждений (в том числе и зарубежных) с целью подготовки молодых специалистов и специалистов высшей квалификации, проведения систематических исследований. Можно предположить, что российское психологическое сообщество с интересом ознакомилось бы с опытом и результатами деятельности таких современных научно-практических образований, как указанные центры, на что следует обратить внимание и руководству Психологического института, и соответствующим руководящим структурам Российской академии образования.

Институт осуществляет интенсивную деятельность по внедрению результатов исследований в практику, они оперативно представляются на страницах профильных журналов, в публикуемых в рамках издательской программы ПИ РАО монографиях и учебно-методических пособиях. Другим каналом внедрения является повышение профессиональной квалификации преподавателей высшей школы (стажировка и повышение квалификации кадров научных и учебных учреждений России и стран СНГ) и педагогов общеобразовательных учреждений (стационарные и выездные семинары), а также целенаправленная профессиональная переподготовка по профилю основных профессиональных образовательных программ послевузовского профессионального образования объемом от 72 до 500 часов. Такое развитие образовательной деятельности Психологического института, превращение его в стажировочную площадку в рамках НОК «Психология», объединившего ПИ РАО и МГППУ, можно только приветствовать, поскольку высочайший научный авторитет и уровень научно-практической квалификации сотрудников института сомнений не вызывают: все это следует интенсивнее использовать в целях повышения «качества» психологических и психолого-педагогических кадров России.

Накопленные Институтом многолетние научный, кадровый, практический, информационный ресурсы позволяют обозначить наиболее актуальную проблематику и наметить в этой связи перспективные исследовательские проекты.

Справка имеет завершенный вид, содержит аргументированные, убедительные материалы, характеризующие достижения и систему предпринимаемых действий и перспектив по развитию отечественной психологической науки и модернизации системы российского образования.

Действительный член РАО,
доктор психологических наук, профессор
Е.А. Климов

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Российской академии образования

О состоянии и перспективах развития научных исследований ФГНУ «Психологический институт» РАО

4 апреля 2012 г.

Сообщение В.В. Рубцова, академика РАО, директора ФГНУ «Психологический институт» РАО, ректора Московского городского психолого-педагогического университета

Заслушав и обсудив сообщение В.В. Рубцова, академика РАО, директора ФГНУ «Психологический институт» РАО «О состоянии и перспективах развития научных исследований ФГНУ «Психологический институт» РАО», Президиум Российской академии образования **ОТМЕЧАЕТ** актуальность фундаментальных и прикладных исследований, выполняемых научным коллективом ФГНУ «Психологический институт» РАО, их направленность на решение стратегических задач развития образования.

Фундаментальные и прикладные исследования Институт проводит в рамках Тематического плана фундаментальных научных исследований РАО на 2008–2012 гг. по направлению 9 («Психологические и физиологические закономерности и индивидуальные особенности развития и образования детей на разных этапах онтогенеза в современных социокультурных условиях») по 10 темам, 6 из которых направлены на выполнение задач, определенных постановлением Президиума РАО «Детство как стратегический ресурс развития общества» (от 10.02.2011 г. протокол № 3).

Выбор перспективных приоритетных направлений как проведенных, так и планируемых исследований, определяется на основе прогнозирования тенденций развития психологической науки, социальным заказом на обучение и развитие современных детей, обусловленным требованиями модернизации системы образования Российской Федерации. Основные показатели результативности деятельности Института соответствуют предъявляемым требованиям.

Во исполнение постановления Президиума РАО «Об интеграции науки и образования в образовательном комплексе «Психология»» (от 29.09.2004 г., протокол № 5), постановления Президиума РАО «О результатах деятельности и перспективах развития научно-образовательного (университетского) комплекса «Психология» на базе ФГНУ «Психологический институт» РАО и Московского городского психолого-педагогического университета (от 27.05.2009 г. протокол № 4) ФГНУ «Психологический институт» РАО (ПИ РАО) совместно с Московским городским психолого-педагогическим университетом (МГППУ) проведена многоплановая работа по организации, взаимодействию и объединению основных направлений деятельности данных учреждений — научного и образовательного, по сохранению ведущих научных школ отечественной психологии, развитию межведомственного подхода в решении актуальных проблем фундаментальной науки, оптимизации исследовательских и учебных задач, модернизации психолого-педагогического образования, решению проблем построения новой школы.

Президиум Российской академии образования **ПОСТАНОВЛЯЕТ:**

1. Сообщение В.В. Рубцова, академика РАО, директора ФГНУ «Психологический институт» РАО принять к сведению.
2. Одобрить результаты научно-исследовательской и практико-ориентированной деятельности ФГНУ «Психологический институт» РАО, отметив перспективы содержательной интеграции основных направлений деятельности института с деятельностью других институтов РАО.
3. Отметить как наиболее значимые результаты деятельности Научно-образовательного комплекса «Психология»:
 - ♦ успешное выполнение ПИ РАО и МГППУ инновационной образовательной программы «Формирование системы психологического образования в университете как базовом ресурсном центре практической психологии» (2007–2008 гг.);
 - ♦ разработку и внедрение системы двухуровневой подготовки педагогических кадров, реализованную в соответствии с требованиями Федерального конкурса проектов на разработку стандартов ВПО по направлению «Психолого-педагогическое образование» (050400);
 - ♦ создание на базе МГППУ Учебно-методического объединения (УМО: Приказ Минобрнауки № 1114 от 3 ноября 2010 г.).
1. Рекомендовать ФГНУ «Психологический институт» РАО совместно с Московским городским психолого-педагогическим университетом Департамента образования города Москвы:
 - 1.1. внедрить в психолого-педагогическую практику разработанную современную сетевую федерально-региональную модель научно-образовательного комплекса «Психология»;

Отв: — В.В. Рубцов

Срок: 2013–2017 гг.

1.2. разработать Межведомственную программу фундаментальных исследований развития человека как стратегического ресурса формирования инновационной России для включения в Межведомственную программу фундаментальных научных исследований государственных академий наук, учитывая научный, научно-методический, образовательный, кадровый и информационный ресурс Научно-образовательного комплекса «Психология».

Отв.: А.А. Деркач, В.В. Рубцов
Срок: IV кв. 2012 г.

2. Утвердить статус экспериментальной школы № 91 РАО как базовой экспериментальной площадки ФГНУ «Психологический институт» РАО, учитывая актуальное значение для эффективного внедрения нового ФГОС общего образования экспериментальной темы «Целостная модель школы в образовательной системе Д.Б. Эльконина — В.В. Давыдова (1–9 классы).

Отв.: А.А. Деркач, В.В. Рубцов, Т.В. Темиров
Срок: II кв. 2012 г.

3. Принять участие в организации юбилейных мероприятий, посвященных 100-летию деятельности ФГНУ «Психологический институт» РАО, предусмотрев для этих целей необходимое **финансирование**, учитывая весомый вклад ФГНУ «Психологический институт» РАО в отечественную и мировую психологическую науку.

Отв.: Д.И. Фельдштейн, Б.П. Мартиросян,
А.А. Деркач, В.В. Рубцов
Срок: II–IV кв. 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	7
ГЛАВА I	
Психологический институт под руководством Г.И. Челпанова: научная психология в России 1912–1920-х гг.	9
Г.И. Челпанов (1862–1936) — путь подвижничества и созидания	30
С.И. Шукин (1854–1936) — меценат отечественной науки и культуры....	58
И.С. Шукин (1886–1975)	61
ГЛАВА II	
Психологический институт: реорганизация научной жизни и деятельности 1921–1941 гг.	81
ГЛАВА III	
Психологический институт в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг.: Все для Победы!	114
ГЛАВА IV	
Психологический институт в составе Академии педагогических наук (1946–1993 гг.)	129
ГЛАВА V	
Психологический институт: современное состояние научно- исследовательской и образовательной деятельности и Российской академии образования 1946–2004 гг.	205
Вместо заключения	252
Приложения	260

Научное издание

**Психологический институт в Москве:
российский центр психологической науки, культуры и образования**

Документальная летопись к 100-летию со дня основания

Авторы концепции и адаптированного текста книги,
ответственные редакторы издания:
О.Е. Серова, Е.П. Гусева, В.И. Козлов

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Оригинал-макет *Л.А. Философова*
Дизайн обложки *Е.В. Кудина*

Подписано в печать 10.10.2012. Формат 70х100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 17,5
Тираж 500 экз. Заказ № 2855

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23